

Наслеђе

37

Наслеђе **37/1**

▶ ЧАСОПИС ЗА КЊИЖЕВНОСТ, ЈЕЗИК, УМЕТНОСТ И КУЛТУРУ
Journal of Language, Literature, Arts and Culture

ГОДИНА XIV / БРОЈ / 37/1 / 2017
Volume XIV / Issue / 37/1 / 2017

Тематски број / Тематическиј выпуск / Thematic Issue

Руско-српске везе: хуманистика данас
Взаимоотношения России и Сербии: гуманитарные науки сегодня
The Relationship between Russia and Serbia: Humanities Today

Уредници / Редакција / Editors
др Драган Бошковић, редовни професор
др Татьяна Абрамзон, ванредни професор

ФИЛУМ

Филолошко-уметнички факултет Крагујевац
Faculty of Philology and Arts Kragujevac

САДРЖАЈ

Потёмкина Мария Николаевна Черемисин Антон Леонидович СЕРБИЯ И СЕРБЫ В ОСВЕЩЕНИИ РОССИЙСКОЙ ПРЕССЫ: СТЕРЕОТИПЫ И ОБРАЗЫ	13–25
Атнагулов Ирек Равильевич ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СЕРБОВ В РОССИИ	27–31

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Антропова Людмила Ильинична Залавина Татьяна Юрьевна Полякова Лилия Сергеевна ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО СЕРБИИ И РОССИИ: ОБЩИЕ И ОТЛИЧИТЕЛЬНЫЕ НАЦИОНАЛЬНО – КУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ	33–38
Чернобровкин Владимир Александрович РОССИЙСКО-СЕРБСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО: КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ	39–47
Назарычева Алевтина Ивановна Овчарова Светлана Владимировна Скворцова Мария Львовна СМЫСЛОЖИЗНЕННЫЕ ОРИЕНТИРЫ РУССКОГО И СЕРБСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО СОЗНАНИЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ МИРЕ ЭМИРА КУСТУРИЦЫ	49–56
Солдатченко Александр Леонидович Харитоновна Светлана Викторовна Колесникова Ольга Юрьевна СТАНОВЛЕНИЕ ГРАЖДАНСКИХ КАЧЕСТВ СТУДЕНТОВ СЕРБСКИХ И РОССИЙСКИХ ВУЗОВ КАК ФАКТОР ПРОФИЛАКТИКИ ЭКСТРЕМИЗМА И ТЕРРОРИЗМА	57–67

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Абрамзон Татьяна Евгеньевна Рудакова Светлана Викторовна ПРОБЛЕМА ПОЭТИЧЕСКОГО ПЕРЕВОДА (А.А. АХМАТОВА И СЕРБСКИЕ ПОЭТЫ)	69–81
Бедрикова Майя Леонидовна О ПЕРСПЕКТИВАХ ПРЕПОДАВАНИЯ СРАВНИТЕЛЬНОГО ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ (РУССКО – СЕРБСКИЕ КУЛЬТУРНЫЕ ПАРАЛЛЕЛИ)	83–94
Зайцева Татьяна Борисовна НИКОЛА ТЕСЛА И ПРОФЕССОР ВАГНЕР (РАССКАЗЫ А. Р. БЕЛЯЕВА): ГЕРОИ НОВОГО МИФОТВОРЧЕСТВА	95–106
Савельев Константин Николаевич „БИОГРАФИЯ БЕЛГРАДА” М. ПАВИЧА КАК НОВЫЙ ТИП ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПОВЕСТВОВАНИЯ	107–113

Цуркан Вероника Валентиновна „ТАЙНА” ГЕНИЯ В СТАТЬЕ П. СТРУВЕ „ДУХ И СЛОВО ПУШКИНА” (К ИСТОРИИ БЕЛГРАДСКОЙ ПУШКИНИАНЫ)	115–121
Зеркина Наталья Николаевна АТТРИБУТИВНЫЙ ПОРТРЕТ СЕРБИИ И РОССИИ В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ПРЕССЕ	123–131
Мусийчук Мария Владимировна СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЛИНГВО-КОГНИТИВНЫХ ФУНКЦИЙ СЕРБСКОГО И РУССКОГО ЮМОРА: ОТ САКРАЛЬНОГО ДО ПРОФАННОГО	133–145
Шулежкова Светлана Григорьевна ПРОБЛЕМА ЕДИНЕНИЯ СЛАВЯН В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ НА ОСНОВЕ ОБЩИХ КУЛЬТУРНЫХ ИСТОКОВ И МЕНТАЛЬНЫХ ЦЕННОСТЕЙ	147–156

must be repaired. Central Intelligence Agency. Not taken.

Führer

thout an order from the President

the President

per

contains only the

La Fontaine

noitaxep

Discipline

with credit in order

REPRODUCTION

Kaffee

(le

14. ...

15. ...

16. ...

Vorzug

must be returned to the ...

LY88

Осенью 2016 года было установлено сотрудничество между Магнитогорским государственным техническим университетом им. Г. И. Носова и Университетом в Крагуеваце. В это время была начата инициатива по редактированию совместного тематического номера нашего журнала и сформулирована тема: Русско-сербские связи: гуманистика сегодня. Таким образом, тридцать седьмой номер Наследия является первым признаком того, что сотрудничество между нашими университетами началось в реальном выражении. Мы также считаем, что оно, благодаря новым совместным идеям и проектам, никогда не закончится.

Учтивостью, готовностью и усилием коллеги из Отдела (Кафедры) литературы в Институте истории, филологии и иностранных языков, проф. Д-р Татьяна Абрамзон, были собраны работы для русского блока этой темы, а редакция Наследия позаботилась о сербской части.

Работы направлены на русско-сербские взаимодействия в рамках гуманитарных наук и они, как ожидалось, подтверждают неисчерпаемость исторических, но и современных прикосновений двух наук и культур. Особенно важно, что эта тема представляет собой нынешнее актуальное „сечение“ взаимных интересов наших культур и наук, позволяя таким образом сербским и русским ученым в области гуманитарных наук более интенсивно связываться.

С благодарностью всем авторам за их вклад в этот номер Наследия, остаётся верить в плодородие русско-сербских связей и в будущем.

Редакторы номера

др Драган Бошкович, редовни професор
др Татьяна Абрамзон, ванредни професор

Јесени 2016. године успостављена је сарадња између Државног техничког универзитета Г. И. Носова у Магнитогорску и Универзитета у Крагујевцу. Тада је покренута иницијатива за приређивање заједничког тематског броја нашег часописа и формулисана тема: Руско-српске везе: хуманистика данас. Овај, тридесет и седми број Наслеђа, дакле, први је знак да је сарадња између наших универзитета и реално почела. Верујемо и да се, уз нове заједничке идеје и пројекте, никада неће окончати.

Љубазношћу, вољом и трудом колегинице са Катедре за књижевност Института за историју, филологију и старе језике, проф. др Тајиане Абрамзон, сакуљени су радови за руски блок овог тематика, док се уредништво Наслеђа потрудило за српски део.

Радови су усмерени ка руско-српским прожимањима унутар хуманистичких наука и они, очекивано, потврђују неисцрпност историјских, али и савремених додира две науке и културе. Посебно је значајно што овај тематик представља садашњи, актуелни „пресек” међусобних интересовања наших култура и наука, и што омогућава да се српски и руски научници из области хуманистике интензивније повежу.

Захваљујући свим ауторима на њиховим прилозима за овај број Наслеђа, остаје да верујемо у плодност руско-српских веза и у будућности.

Уредници броја

др Драган Бошковић, редовни професор
др Тајијана Абрамзон, ванредни професор

Потёмкина Мария Николаевна¹
*Магнитогорский государственный
 технический университет им. Г.И. Носова,
 Институт гуманитарного образования
 Кафедра всеобщей истории*

Черемисин Антон Леонидович
*Магнитогорский государственный
 технический университет им. Г.И. Носова
 Институт гуманитарного образования
 Кафедра всеобщей истории*

СЕРБИЯ И СЕРБЫ В ОСВЕЩЕНИИ РОССИЙСКОЙ ПРЕССЫ: СТЕРЕОТИПЫ И ОБРАЗЫ

В статье анализируются количественные и качественные характеристики российской прессы за 2000 – 2015 гг. на предмет освещения материалов о Сербии и сербах. Показано, что история русско-сербских контактов напоминает маятник. Сделан вывод о том, что хотя российские СМИ проявляют интерес к сербской тематике, но информация не формирует цельного образа страны и тональность её зависит от политической ориентации конкретного издания. По тематике вся информация о Сербии, встречающаяся в прессе, разделена в статье на несколько групп: информация экономического характера; публикации о политической жизни Сербии и её государственных лидерах; отношения Сербии с другими странами, её позиции на международной арене; новости в сфере образования, культуры и спорта. Ключевыми символами Сербии в российской прессе являются: сердце Балкан, славянский мир, Сараево, Кустурица, Сребреница. Сербия и Россия в большинстве изданий представлены как ментально близкие государства. Недостаточно представлены: переплетение исторических судеб двух стран, научное сотрудничество, ментальность сербского народа.

Ключевые слова: образ, стереотип, Сербия, Россия, пресса.

В условиях глобализации и развития демократии восприятие жителями различных стран друг друга оказывает существенное влияние на межгосударственные отношения. Картина мира, формирующаяся в сознании каждого отдельного человека, включает в себя представления не только о своей стране и её месте в мировом рейтинге, но и политико-географические образы других стран планеты. Образ – формируемое в человеческом сознании представление об объекте, лишь приблизительно соответствующем реальному в силу субъективного восприятия дей-

1 mpotemkina@mail.ru

ствительности через разные каналы связи человека с миром. Эти образы обладают многослойностью, часто стереотипизированы, построены на антитезах („друг – враг”, „передовая – отсталая” и т.д.) (Beller, Leerssen 2007: 19-20). Современный технологический уровень развития человеческой цивилизации предоставляет широкий спектр возможностей для манипулирования общественным мнением. Политико-географический образ страны или народа формируется под воздействием многих факторов как объективного, так и субъективного свойства. Первичную роль в этом процессе играет система образования, под влиянием которой происходит социализация личности, но в дальнейшем приоритеты перемещаются в сторону личного опыта, средств массовой информации и сети Интернет. Несмотря на то, что число россиян выезжающих за границу неуклонно растёт, доминирующим каналом впечатлений о других странах и народах продолжают оставаться средства массовой информации: телевидение, радио, электронная и печатная периодика.

Следует учитывать, что образ, формируемый периодической печатью, радио, телевидением, не совпадает ни с реальностью, ни с образом, существующем в обыденном сознании людей. На общественное мнение оказывают влияние как фундаментальные факторы – исторические, географические, экономические, так и ситуативные – конфликты, кризисы, лидеры и, конечно, средства массовой информации.

Проблема „образа” относительно нова для историков. Классически – образ страны или народа – это исследовательское поле для психологов и социологов (Voronev, Pavlenko 1994). Интересные исследования в этом направлении развернул в 1990-е гг. фонд „Общественное мнение” (Kolosov 2003). Исторический аспект проблемы образов и стереотипов сложен для изучения труднодоступностью и разпылённостью источниковой базы. Историки, разрабатывая тематику образов в международных отношениях, часто уходят в описание дипломатических отношений между странами. Наиболее популярными темами остаются „образ врага” и „образ союзника”.

Попытки разработать методологию этой проблематики привели к появлению нескольких концепций, расходящихся между собой по принципиальным позициям. В данном исследовании за основу будут приняты теоретические идеи известного российского политолога, профессора В. А. Колосова (Kolosov 2003: 72 – 91).

При анализе географических образов нами применялись многие междисциплинарные и общенаучные методы, а именно: библиометрический анализ, частотный анализ (изучение частоты упоминания слова в тексте), контекст – анализ (исследование контекста, в котором употреблено слово), сравнительно – исторический метод.

Следует учитывать, что информация, которую читатель получает через средства массовой информации, „проходит много фильтров и поступает массовому потребителю в тщательно препарированном виде. Если нет событий, безусловно требующих освещения, сказывается ее субъективный или же вполне целенаправленный отбор корреспондент-

тами. Затем информация подвергается интерпретации в редакциях и преобразуется в сообщения, содержащие явные или скрытые оценки” (Kolosov 2003: 74 – 75). Недостаток фактов, суждений, оценок восполняется стереотипами. Стереотип – это упорядоченные схематичные, детерминированные культурой „картинки” мира в голове человека, которые экономят его усилия при восприятии сложных социальных объектов. Понятие стереотипа было впервые введено американским журналистом У. Липпманом в работе „Общественное мнение”. Различают стереотипы восприятия и стереотипы пропаганды. По образному выражению германского исследователя В. Паши: „Чем неопределённое информация в нашем распоряжении, тем легче может произойти радикальная подмена имиджа – как на известном рисунке, где, в зависимости от того, под каким углом зрения вы смотрите на картинку, видится старушка или хорошенькая девушка” (Pasha 2002: 66). Стереотип обладает следующими признаками: устойчивость, категоричность, доходчивость, избирательность, обобщённость, эмоциональность. Мы бы ввели понятие – обобщённый стереотип, то есть стереотип восприятия, сливающийся (совпадающий, определяемый) более крупным географическим понятием. Например, многие страны „чёрного континента” воспринимаются россиянами как Африка.

Сербия – государство в юго-восточной Европе, с населением более 7 млн. человек, имеющее давнюю и богатую историю. Она берёт своё начало с VI века, с момента заселения древними славянами западной части Балканского полуострова. Сербия прошла длинный путь, от византийского и турецкого владычества, через королевство и Социалистическую республику, до современной Сербии.

Сегодня Сербия является парламентской республикой. Член ООН с 2000 года, 1 марта 2012 года официально приобрела статус кандидата в члены Евросоюза.

Россия и Сербия: кто мы друг другу геополитически и исторически?

Россия и Сербия не имеют общей границы и расположены в относительной территориальной отдалённости друг от друга. Нельзя их сравнить и по площади, населению, экономическому потенциалу, степени активности в международных делах. Но несомненным является этнолингвистическая близость наших народов, а также тесное переплетение исторических судеб Сербии и России.

История русско-сербских контактов напоминает маятник: до начала прошлого века были массовые переселения сербов в Российскую империю, их влияние на русскую культуру, служба в российской армии, вклад в становление Российского государства. Россия же на Балканах присутствует в основном опосредствовано – в виде издававшейся в России духовной и учебной литературы для православных подданных Османской империи, финансовых вложений в монастыри и образователь-

ные центры, чуть позже в качестве военной помощи Сербскому княжеству, борющемуся за независимость от турок.

Во время Первой мировой войны Россия не имела возможности поддержать сербскую армию своими войсками, но регулярно отправляла оружие, снаряжение, боеприпасы, в страну также было направлено несколько российских санитарных отрядов. Если поначалу Сербия одержала ряд значительных побед над австрийской армией, то после переброски на Балканы германской армии и вступления Болгарии в Тройственный союз Сербия была обречена. Из практически безвыходного положения сербскую армию выручила Россия. В конце января 1916 года Николай II обратился к премьер-министру Англии и президенту Франции, сообщив им, что если сербская армия не будет эвакуирована, Россия заключит сепаратный мир с Германией и Австро-Венгрией на любых условиях. Напуганные такой перспективой Англия и Франция организовали переброску сербских войск на остров Корфу. Это позволило сербской армии перегруппироваться и позже принять участие в боевых действиях на Салоникском фронте. Но главное, был спасён престиж Сербии, королевская семья, представители национальной элиты, офицерства, а также атрибуты государственности. Сербы отступили, но не сдались. Этим событиям и участию в них России посвящена самая известная сербская народная песня „Тамо далеко“, и по сей день являющаяся для любого серба своего рода символом веры.

После Октябрьской революции и Гражданской войны маятник сербско-русских отношений смещается в противоположную сторону. Королевство сербов, хорватов и словенцев (с 1930 года – Королевство Югославия) приютило, по самым скромным подсчётам, 200 тысяч российских беженцев. Они активно принимали участие в научной и художественной жизни КСХС, были учителями, организаторами культурной жизни, выдающимися художниками, зодчими и скульпторами как в рамках русских культурных организаций, так и в культурных учреждениях страны проживания. Деятельность русских эмигрантов в области науки имела три основных аспекта: работа в университетах и школах Югославии, формирование научных обществ, организация русской научной жизни. На протяжении 1920 – 1930-х гг. пятнадцать российских учёных стали членами Сербской академии наук, ни одна национальная группа Королевства СХС в соразмерном отношении не была в Академии столь многочисленна, как российские эмигранты. Огромен и вклад российских эмигрантов в искусство Сербии.

Конец хорошо обустроенной жизни российской диаспоры в Югославии положили начало Второй мировой войны и происходившая одновременно с ней гражданская война монархистов-четников против коммунистических партизан Тито в Сербии, а потом ввод советских войск на территорию Югославии.

Утверждение в Югославии коммунистического строя, последовавший в 1948 году разрыв между И. Сталиным и И. Броз Тито привели к новым формам миграции из СССР в Сербию. В первые послевоенные

годы несколько тысяч молодых югославы были отправлены на обучение в Советский Союз. Это были лучшие, самые перспективные кадры. После перехода конфликта Сталина и Тито в открытую фазу все находящиеся на обучении в Советском Союзе югославские студенты были в одночасье, 19 марта 1948 г., высланы на родину, тогда же были отозваны советские специалисты и военные советники из СФРЮ. После смерти Сталина двусторонние отношения возобновились, во многом улучшились, но Югославия не поддерживала советскую политику вмешательства в дела стран-союзников и сохраняла хорошие отношения с США. Югославия стала основателем, так называемого, движения Неприсоединения, которое потом поддержали множество стран по всему миру. При этом СФРЮ извлекала огромную выгоду из торговли с Советским Союзом, а также смогла получить дешёвые советские кредиты, которые в дальнейшем в значительной мере были списаны. Распад Югославии вызвал в России волну сочувствия к сербам: в Сербию потянулись российские добровольцы, а власти РФ поддержали Белград в ходе Косовского конфликта.

Российские СМИ нередко достаивают своим вниманием Сербию. Мало кто из россиян может похвастаться личным опытом посещения Сербии, доминирующим источником информации при формировании имиджа Сербии в России являются СМИ, в условиях стремительной информатизации современной цивилизации – это, прежде всего, журналы и газеты, имеющие электронную версию в сети Интернет. В журналистике принято различать „популярную” (развлекательную, предназначенную для массового читателя) и „качественную” (т.е. серьёзную, аналитическую) прессу. В своём исследовании мы обратили внимание на последнюю. В качестве источников нами были использованы следующие издания: „Аргументы и факты”, „Известия”. „Новая газета”, „Завтра”. При подборе периодических изданий были учтены такие их параметры, как тираж (для электронной версии количество подписчиков и статистика просмотров), объём газеты и периодичность выходов, география распространения, целевая читательская аудитория, политическая направленность, спектр тематических рубрик.

Еженедельник „Аргументы и факты” является одним из самых авторитетных и успешных изданий России, лидером среди общественно-политических еженедельников, его тираж составляет 2,2 миллиона экземпляров (на 2014г.). Еженедельник издаётся с января 1978 года, в 2000 году запущен сайт aif.ru. В настоящее время *AIF.ru* ежемесячно посещают более 15 миллионов пользователей (данные за февраль 2014 года), сайт входит в ТОП – 10 самых популярных интернет-СМИ Рунета, по данным Liveinternet и TNS Web Index.

По данным TNS Россия, „АиФ” – лидер среди всех еженедельных газет в России, читательская аудитория одного номера составляет 6 548 000 человек. А по полугодовой аудитории еженедельник является лидером среди всех печатных СМИ России с показателем в 26 460 000 человек – это почти половина всего взрослого населения России.

Кроме того, „Аргументы и факты” – самое популярное российское издание за рубежом. Газета распространяется по подписке и в розницу в 60 странах мира, в том числе в странах СНГ, а также в Европе, США, Австралии, Израиле и т. д. „АиФ” обладает и самой обширной сетью региональных редакций – 66 в России, 17 – за рубежом. Издание имеет самую широкую целевую аудиторию: это и бизнесмены, и политики, и служащие, и творческая интеллигенция. Газета претендует на объективность и корректность.

Самую давнюю историю издания из выбранных нами источников имеет общественно-политическая и деловая ежедневная газета „Известия”, учреждённая в марте 1917 года. Во времена СССР – официальный орган руководящих органов Советской власти, в частности Верховного Совета СССР. С августа 1991 года являлось независимым средством массовой информации, с 1996 года владельцами газеты выступают различные крупные российские бизнес – структуры. Спектр тем, освещаемых в газете, очень широк: освещение событий в России и за рубежом, аналитика и комментарии, обзор вопросов бизнеса и экономики, событий культурной и спортивной жизни.

Газета выпускается как в печатном, так и в электронном виде. Объём газеты – 12 – 48 полос; периодичность выхода – пять раз в неделю с понедельника по пятницу; тираж (на 2017г.) в России – 150 950 экз., в странах СНГ – 28 000 экз. в Европе – 4000 экз.

К либеральной прессе относится еженедельная общественно-политическая газета „Нѐвая газѐта”. Газета была создана 1 апреля 1993 года группой журналистов „Комсомольской правды”. Давним партнёром и совладельцем газеты является М. С. Горбачѐв. По состоянию на 15 июня 2012 года общий тираж газеты составляет 284 500 экз.

Ультрапатриотическое направление представлено еженедельной газетой „Завтра”, выходящая с 1993 года, главный редактор – А. А. Проханов. Тираж – 100 000 экземпляров (этот объявленный тираж не меняется уже много лет).

В целом, изученные материалы прессы являются вполне репрезентативной выборкой.

Сербская тематика регулярно присутствует во всех выше обозначенных изданиях и включает в себя наряду с маленькими заметками серьёзные аналитические статьи. Для примера приведѐм статистику упоминаний о Сербии в „Аргументах и фактах” за период с 1 января 2000 по 31 декабря 2016гг. в сравнении с другими странами².

Год	Германия	Сербия	Албания	США
2000	270	14	5	540
2001	309	10	5	628
2002	314	10	2	638
2003	332	8	9	643

2 Подсчитано авторами.

2004	340	18	5	523
2005	306	7	4	475
2006	284	17	5	445
2007	286	32	6	555
2008	678	166	21	2163
2009	805	85	23	2374
2010	884	73	15	2506
2011	801	105	12	2685
2012	921	112	24	3472
2013	1380	167	49	5978
2014	1795	311	36	6594
2015	2019	317	47	6593
2016	1725	257	45	7169

Прежде чем приступить к анализу публикаций, несколько предварительных замечаний. Во-первых, следует сразу отсеять часть публикаций экзотического содержания. Они не создают представление о стране, а просто претендуют на маленькую сенсацию (что-то необычное, выходящее за рамки обыденного). Например, как Стивен Сигал получил гражданство Сербии (Аргументы и факты, 11. 1. 2016), или как Джонни Деппу воздвигли памятник (Аргументы и факты, 14. 1. 2010). Во-вторых, примем во внимание, что на другие страны мы всегда смотрим через призму собственных проблем, невольно сравнивая, поэтому некоторые публикации носят рефлексивный характер (Аргументы и факты, 17. 8. 2016). Именно этим, прежде всего, следует объяснять усиленное внимание в публикациях о Сербии к проблеме вступления в НАТО и ЕС, а также возможности введения антироссийских санкций.

По тематике всю информацию о Сербии, встречающуюся в прессе, мы разделили на несколько групп:

- А). Информация экономического характера. Абсолютное большинство публикаций сосредоточено на проблемах, связанных с поставками российского газа в Сербию. Читателю представлена история проекта строительства газопровода „Южный поток”. Проследим, как меняется тональность заголовков статей: „Сербия начала подготовку к строительству...” (Аргументы и факты, 24. 5. 2013), „...дала гарантии исполнения обязательств”, (Аргументы и факты, 11. 7. 2013), „...пронигнорирует запрет Евросоюза” (Аргументы и факты, 5. 6. 2014), „...отложила строительство” (Аргументы и факты, 9. 6. 2014), „Россия из – за долгов сократила подачу газа в Сербию” (Аргументы и факты, 1. 11. 2014), „Президент Сербии хочет напрямую с Путиным обсудить „Южный поток” (Аргументы и факты, 6. 12. 2014), „МИД Сербии: отказ от „Южного потока” нанесет ущерб Сербии, РФ и ЕС” (Аргументы и факты, 7. 12. 2014), „Сербия намерена сократить зависимость от российского газа” (Аргументы и факты, 28. 5. 2015), „Почему Сербия отказалась от „Турецкого потока”” (Аргументы и факты, 8. 5. 2015).

Доминирующими фразами в прессе являются фразы позитивной тональности: будет сотрудничать, заключили договор, должны наращивать экономическое сотрудничество. Типичным выводом, характеризующим экономическое взаимодействие двух стран является: „Но в любом случае Сербия останется надёжным партнёром России на европейском рынке, чему будут способствовать отношения между нашими народами, выстроенные на протяжении столетий” (Аргументы и факты, 8. 5. 2015).

Цельного представления об уровне экономического развития и отраслевой структуре промышленности и сельского хозяйства Сербии российский читатель вынести не может. Исключением, пожалуй, является позиция журналистов „Новой газеты”, которые рассказывая о масштабных реформах в социально-экономической и политической жизни страны, начатых премьер-министром и лидером СПП Александром Вучичем с приходом к власти в 2014 году, отмечали, что „сербская экономика, значительную роль в которой все еще играет государственный сектор, поражена стагнацией, инфляцией и безработицей” (Новая газета, 25. 4. 2016).

Б). Публикации о политической жизни Сербии и её государственных лидерах. Политическая сфера представлена традиционными портретами первых лиц государства (Томислав Николич и Александр Вучич) и комментариями к происходящим выборам. Достаточно показательны сообщения, в которых корреспондент знакомит читателей с точками зрения различных сербских и российских политических деятелей: Воислав Шешель, Джордже Вукадинович, Ивиц Дачич, Драган Тодорович, Александр Проханов, Леонид Ивашов, и другие. Отдельное внимание российская пресса уделяет решениям Международного трибунала по бывшей Югославии (МТБЮ) (Новая газета, 31. 3. 2016; Новая газета, 27. 3. 2016).

Пытаясь представить общественное настроение и рядовых сербов, российская периодическая печать оперирует цифровыми данными социологических опросов. Так, газета „Известия”, ссылаясь на директора Центра геостратегических исследований в Белграде Драгану Трифкович, приводит следующие данные: около 80% граждан Сербии поддерживают стратегическое сотрудничество с Россией, более 80% выступают против сотрудничества с НАТО и менее 50% – за европейскую интеграцию (Известия, 16. 11. 2016). Газета „Завтра” приводит в интервью со Слободаном Стойичевичем подобные данные: при выборе между ЕС и Россией – 70% граждан выбирают Россию, за вступление в НАТО проголосовало бы менее 10% граждан Сербии, за вступление в ЕС проголосовало бы 45% граждан Сербии, против – 55%, российского президента В. В. Путина поддерживает 72% граждан Сербии (Завтра, 25. 8. 2016). Однако в разных газетах отношение к сербским политикам различное: ультрапатриотическая газета „Завтра” резко критикует Вучича и Николича за их двойственную позицию, а Караджича, Младича и Милоше-

вича называет патриотами, либеральное же издание „Новая газета”, наоборот, выставляет их преступниками (Новая газета, 27. 3. 2016; Новая газета 23. 9. 2015), а нынешних правителей Сербии хвалит за стремление встать на европейский путь развития (Новая газета, 25. 4. 2016). Только к Шешелю у всех изданий отношение нейтральное.

В). Отношения Сербии с другими странами, её позиции на международной арене. Они делятся, в основном, на две части: отношения Сербии и ЕС и отношения Сербии и России. Говоря об отношениях с ЕС, следует указать, что в прессе доминирует тематика возможности вступления Сербии в ЕС и НАТО. И если либеральная пресса полностью поддерживает стремление сербского правительства евроинтегрироваться, то ультрапатриотическая резко осуждает и критикует такое решение. В контексте же отношений с Россией в прессе прослеживаются четыре темы: вступление в ЕС, вступление в НАТО, санкции ЕС и проблема статуса Косова. По поводу вступления в НАТО и европейских санкций, пресса приводит многочисленные цитаты членов сербского правительства о том, что страна никогда не вступит в альянс (Аргументы и факты, 8. 4. 2016), а также никогда не введет санкций в отношении России (Аргументы и факты, 17. 8. 2016; Аргументы и факты, 12. 2. 2016). Тема евроинтеграции освещается весьма широко, приводятся цитаты сербских политиков о том, что страна намерена вступить в ЕС, при этом сохранив хорошие отношения с Россией (Аргументы и факты, 15. 12. 2015). Тема Косова в последнее время освещается в контексте других тем.

Отношения Сербии с Россией и ЕС в прессе представлены противоречиво и сильно зависят от политической ориентации изданий.

Г). Новости в сфере образования, культуры и спорта. Мало кто из россиян знаком с сербской культурой. Публикации знакомят российского читателя с писателем Милорадом Павичем (Аргументы и факты, 2. 12. 2009), рэп-командой „Београдский синдикат” (Аргументы и факты, 27. 7. 2014), Родолюбом Роки Вуловичем (Завтра, 26. 10. 2014), но бесспорным лидером в рейтинге имен представителей сербской культуры является Эмир Кустурица (Аргументы и факты, 24. 11. 2014; Известия, 29. 12. 2016). В интервью, которые он даёт различным изданиям, Кустурица много рассказывает о распаде Югославии. События, происходившие в прошлом веке, коснулись каждого жителя этой страны, в том числе самого Эмира Кустурицы. В 1992 году дом в Сараево, где он вырос, был разрушен, а отец режиссёра вскоре после этого скончался от сердечного приступа. После этого Кустурица вместе с семьёй покинул Сараево, но не Югославию, которая навсегда осталась жить в его памяти и его фильмах. Сам режиссёр считает распад Югославии одной из величайших трагедий минувшего века. Себя он всегда называл югославом, хотя такой национальности просто не существует, Кустурица не уверен,

есть ли у него теперь дом, и считает, что его настоящий дом остался в Сараево. Кустурица не раз выражал солидарность с позицией России в отношении Украины и заявлял, что Россия должна защитить русских, проживающих на Украине, и спасти страну от катастрофы. Он также неоднократно высказывался в поддержку воссоединения Крыма с Россией. Переживания режиссѐра о судьбе отечества легли в основу многих его фильмов. Тоска Кустурицы по той исчезнувшей Югославии звучит и в картине „Жизнь как чудо”, для съѐмок которой режиссѐр построил настоящую деревню Дрвенград в горном районе Златибор в Сербии. В ней есть площади Андрея Тарковского и Никиты Михалкова (Аргументы и факты, 24. 11. 2014; Известия, 29. 12. 2016).

Интересно интервью, взятое у певца Родолюба Роки Вуловича и его семьи, представленное в газете „Завтра”. Роки много рассказывает о югославской и сербской музыке, влиянии на неё южных стилей, певцах, Елица Вулович поведала об атмосфере в стране перед её распадом: „Последние предвоенные месяцы атмосфера в Поморье была предельно мрачной. Хорваты озлобленны, агрессивны, задиристы. Родолюб и я жили в гостинице. Проходя по коридору, однажды я услышала разговор двух хорватов из администрации в духе: „Где расселились сербские свиньи?” Немедленно поспешила в номер, сказала мужу, чтобы собирались, и мы тотчас же покинули это место”. Родолюб Вулович также много рассказывает о начале войны, песнях, которые он тогда сочинял, различных случаях во время боевых действий. Он считает, что босняки – меньшее зло, чем хорваты, а словенцы были в Югославии самым близким и дружественным сербам народом. Елица Вулович считает, что со времѐн оккупации Сербии турками было произнесено проклятие, которое тяготеет сербами всю последующую историю: они всегда будут враждовать друг с другом. Однако во время событий 1992–1995 гг. старое проклятие потеряло свою силу: тогда на защиту существования своего вечного и многострадального народа поднялись вместе все – и монархисты, и коммунисты – и доблестно воевали плечом к плечу (Завтра, 26. 10. 2014).

Выводы

В целом, российские СМИ проявляют интерес к сербской тематике. Но информация носит мозаичный характер и не формирует цельного образа страны. Тон преподнесения материала сильно зависит от ориентации конкретного издания, и может быть диаметрально противоположным, что еще больше усложняет формирование цельного образа Сербии.

Образ страны может быть выражен через совокупность географических образов ее частей, а может быть представлен совокупностью символов, определяющих ее своеобразие. Для образа Сербии, на наш взгляд, ключевыми символами в российской прессе являются: сердце Балкан, славянский мир, Сараево, Кустурица, Сребреница. В целом, об-

раз Сербии и сербов до конца не сформирован, крайне противоречив из-за политической направленности различных изданий, а его культурный аспект практически не освещен. В российских СМИ типичный серб никак не представлен российскому читателю.

Сербия и Россия в большинстве изданий представлены как ментально близкие государства. Но, говоря о переплетении исторических судеб двух стран, российские СМИ не подкрепляют эту мысль конкретными историческими примерами. К сожалению, даже образованная элита России не всегда способна продемонстрировать свои знания об истории российско-сербских отношений. Научное сотрудничество России и Сербии никак не представлено на страницах российской прессы.

На наш взгляд, количество и качество публикаций в российских газетах и журналах отстаёт от темпов активизации российско-сербского взаимодействия во всех сферах.

Туристический поток российских туристов в Сербию (аналогично и обратно) несказанно мал. „По данным Ростуризма, в прошлом году Сербию посетили 64 тысячи граждан России, две трети из них прибыли с туристическими целями. Сейчас туристы из РФ по численности занимают третье место в общем турпотоке в страну. Отмечается, что только в феврале 2016 года число туристов из России выросло на 29% в сравнении с аналогичным периодом 2015 года” (Travel Russian news, 15. 3. 2017). За неполный первый квартал 2017 года число туристов из России продолжает увеличиваться по сравнению с аналогичным периодом прошлых лет (+2%). Так, выросло количество ночевков (в среднем 3,6 в 2017 к 3,0 в 2016), а также заметно увеличилась доля рынка российских туристов в Сербии – с 4,8% в 2016 до 7,1% в 2017 году (Туристер, 24. 6. 2016).

Нарастающее внимание российских СМИ к сербской тематике и рост турпотока россиян в Сербию вселяют надежду на развитие позитивного влияния „народной дипломатии” на политику правительств России и Сербии.

Источники

- Travel Russian news.* <<http://www.trn-news.ru/news/53689>>. 15. 3. 2017.
- Арђуменџи и факџи.* <<http://www.aif.ru/culture/person/1216944>>. 27. 7. 2014.
- Арђуменџи и факџи.* <<http://www.aif.ru/culture/person/1388865>>. 24. 11. 2014.
- Арђуменџи и факџи.* <<http://www.aif.ru/culture/person/15128>>. 2. 12. 2009.
- Арђуменџи и факџи.* <<http://www.aif.ru/culture/person/235050>>. 14. 1. 2010.
- Арђуменџи и факџи.* <http://www.aif.ru/culture/person/stiven_sigal_poluchil_grazhdanstvo_serbii>. 11. 1. 2016.
- Арђуменџи и факџи.* <<http://www.aif.ru/money/1399987>>. 6. 12. 2014.
- Арђуменџи и факџи.* <<http://www.aif.ru/money/economy/1185731>>. 9. 6. 2014.
- Арђуменџи и факџи.* <<http://www.aif.ru/money/economy/1373718>>. 1. 11. 2014.
- Арђуменџи и факџи.* <http://www.aif.ru/money/economy/nikakoy_halyavy_pochemu_serbiya_otkazalas_ot_tureckogo_potoka>. 8. 5. 2015.

- Арѣументы и факты. <http://www.aif.ru/money/economy/serbiya_podderzhit_proekt_gazoprovoda_po_postavkam_gaza_iz_azerbaydzhana>. 28. 5. 2015.
- Арѣументы и факты. <<http://www.aif.ru/money/market/1184121>>. 5. 6. 2014.
- Арѣументы и факты. <<http://www.aif.ru/money/market/305358>>. 24. 5. 2013.
- Арѣументы и факты. <<http://www.aif.ru/money/market/309960>>. 11. 7. 2013.
- Арѣументы и факты. <http://www.aif.ru/politics/world/glava_serbii_zayavil_vice_prezidentu_ssha_chno_ne_vvedet_sankcii_protiv_rf>. 17. 8. 2016.
- Арѣументы и факты. <http://www.aif.ru/politics/world/sebe_na_ume_pochemu_serbiya_ne_podderzhivaet_antirossiyskie_sankcii>. 17. 8. 2016.
- Арѣументы и факты. <http://www.aif.ru/politics/world/serbiya_ne_vstupit_v_nato_premier>. 8. 4. 2016.
- Арѣументы и факты. <http://www.aif.ru/politics/world/serbiya_zayavila_chno_nikогда_ne_prisoedinit_sya_k_sankciyam_protiv_rf>. 12. 2. 2016.
- Арѣументы и факты. <http://www.aif.ru/politics/world/vuchich_cel_serbii_chlenstvo_v_es_pri_sohranenii_druzhyby_s_rossiye>. 15. 12. 2015.
- Арѣументы и факты. <<http://www.aif.ru/money/company/1400214>>. 7. 12. 2014.
- Завтра. <http://zavtra.ru/blogs/granitci_russkogo_mira_glazami_serbov>. 25. 8. 2016.
- Завтра. <http://zavtra.ru/blogs/roko_voin_pevets_patriot>. 26. 10. 2014.
- Известия. <<http://izvestia.ru/news/645199>>. 16. 11. 2016.
- Известия. <<http://izvestia.ru/news/655009>>. 29. 12. 2016.
- Новая газета. <<https://www.novayagazeta.ru/articles/2015/09/23/65728-slobo-i-delo>>. 23. 9. 2015.
- Новая газета. <<https://www.novayagazeta.ru/articles/2016/03/26/67957-40-let-arhitektoru-istrebleniya>>. 27. 3. 2016.
- Новая газета. <<https://www.novayagazeta.ru/articles/2016/04/25/68379-vybory-na-balkanah-serbiya-golosovala-za-evropu-v-makedonii-sluchilsya-bunt>>. 25. 4. 2016.
- Новая газета. <<https://www.novayagazeta.ru/news/2016/03/31/120235-mezhdunarodnyy-tribunal-opraval-voislava-sheshelya-po-vsem-punktam-obvineniya>>. 31. 3. 2016.
- Туристтер. <<https://www.tourister.ru/news/10357>>. 24. 6. 2016.

Литература

- Beller, Leerssen 2007: *Imagology: The Cultural Construction and Literary Representation of National characters*, edited by Manfred Beller, Joseph Theodoor Leerssen, Amsterdam – New York: Editions Rodopi B.V.
- Voronev, Pavlenko 1994: А. О. Боронев, В. Н. Павленко, *Эйническая психология*, Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского университета.
- Kolosov 2008: В. А. Колосов, Географические образы и геополитические представления: пути формирования и подходы к изучению, *Вестник Дальневосточной государственной социально-гуманитарной академии*. Серия I: Гуманитарные науки, № 1 (1), 72-91.
- Kolosov 2003: *Мир глазами россиян: мифы и внешняя политика*, под ред. В. А. Колосова, Москва: Ин – т Фонда „Общественное мнение”.

Pasha 2002: В. Паша, Восприятие Японии в Германии, *Мировая экономика и международные отношения*, №7, 64–68.

**Marina N.Potemkina,
Anton L. Cheremisin**

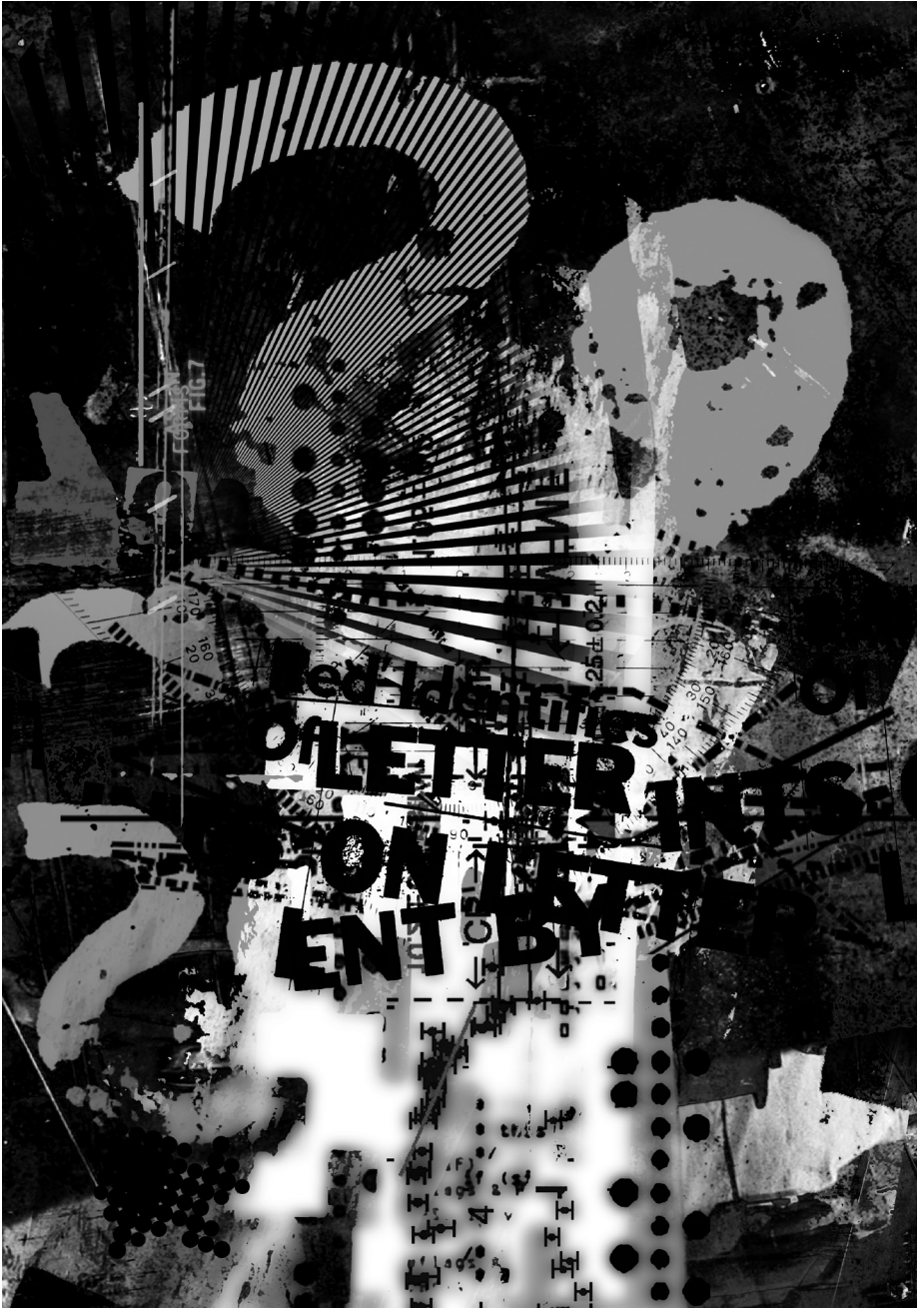
SERBIA AND THE SERBS IN THE RUSSIAN PRESS: STEREOTYPES AND IMAGES

Summary

The article analyses quantitative and qualitative characteristics of the Russian press between 2000 and 2015 and its inclusion of materials about Serbia and Serbs. It is concluded that although the Russian media are showing interest in Serbian subject matter, the information does not form a solid image of the country and the tone depends on the political orientation of the specific periodical. The key symbols of Serbia in the Russian press are: the heart of the Balkans, the Slavic world, Sarajevo, Kusturica, Srebrenica. Serbia and Russia are presented as mentally close states in most publications. The underrepresented symbols within the periodicals are the intertwining historical destinies of the two countries, their scientific cooperation and the mentality of the Serbian people.

Keywords: image, stereotype, Serbia, Russia, media

*Примљен 6. маја 2017. године
Прихваћен 25. августа 2017. године*

Атнагулов Ирек Равильевич¹
*Магнитогорский государственный
 технический университет им. Г.И. Носова
 Институт гуманитарного образования
 Кафедра всеобщей истории*

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СЕРБОВ В РОССИИ

Сюжет статьи посвящён истории расселения и динамике численности сербов в России с середины XVIII в. по 2010 г. Структура материала состоит из четырёх частей. В первой представлен исторический эпизод начального этапа формирования сербской диаспоры в XVIII в. Здесь излагается материал о причинах переселения сербов и других народов Балканского полуострова на территории их изначального расселения в России – Новую Сербию и Славяносербию. Данные названия появились на землях Северного Причерноморья, которые в 1760-х гг. вошли в состав Новороссийской губернии. Вторая часть статьи отражает демографическую картину сербов России с 1897 по 1926 гг. За этот период происходят значительные изменения как в численности, так и географии расселения сербов. Теперь большинство их сосредоточено на территории Российской Федерации, главным образом в Москве и на Северном Кавказе. Третья часть посвящена анализу современной демографической ситуации сербов России по материалам Всероссийских переписей населения 2002 и 2010 годов. За прошедшее столетие отмечается общее повышение численности сербов в России и уменьшение их численности на территории Украины. Третья часть материала статьи включает таблицы, составленные автором по материалам переписей с 1897 по 2010 годы.

Ключевые слова: сербы, демография, Российская империя, Австро-Венгрия, Украина, СССР, Россия.

Сербь – один из южнославянских народов, исторические судьбы которого связаны не только с Балканским полуостровом – их этнической территорией, но и с Россией. Массовые перемещения сербов в Российскую империю происходили в XVIII в. с территории Австро-Венгрии, точнее – из Воеводины, земли которой тогда подчинялись Габсбургской империи (Kirichenok 2006). Здесь они несли военную пограничную службу до тех пор, пока участки границы по рекам Тисса и Мориша не были упразднены и не власти предложили сербам переселиться на другие рубежи, либо стать венгерскими подданными с утратой прежних военных привилегий. Реакцией со стороны сербов на подобные действия государства стало принятие решения об эмиграции, и часть сербских офицеров добилась выдачи паспортов для выезда в Россию (Роров

¹ i.atnagulov@mail.ru

1870: 595 – 596, 598). Переселение сербов из Австро-Венгрии в Россию сопровождалось массой трудностей и проблем, связанных с ухудшившимися дипломатическими отношениями между двумя империями. В начале XVIII в. в России служила не одна сотня этнических сербов и черногорцев. В 1723 г. был сформирован сербский гусарский полк. Местом дислокации сербских подразделений были выбраны украинские земли. В 1752 г. на юго-западной границе Киевского воеводства была создана первая сербская колония – Новая Сербия. Административным центром её стал небольшой городок – Новый Миргород. Население Новой Сербии с 1752 по 1761 гг. выросло с 350 до 13844 человека. Среди них были не только сербы, но и македонцы, болгары, валахи, немцы и венгры. Вместе с тем основные командные должности занимали почти исключительно сербы. Главными задачами этих военных подразделений были охрана границ Российской империи от нападений турок и контроль за некоторыми нелояльными России украинцами. Другая группа сербов, прибывшая в Россию в то же время, получила земли на востоке украинских земель – между реками Бахмутом и Луганью. Это место получило название Славяносербия. Численность здешних подразделений была ниже, чем в Новой Сербии – чуть более 500 человек. Подавляющее большинство офицеров также были этническими сербами. Небольшую долю составляли болгары и македонцы. В 1750-х гг. в Россию переселилось более тысячи человек черногорцев, которые были поселены в Новой Сербии и Славяносербии. В 1764 г. обе территории вошли в состав новообразованной Новороссийской губернии.

За всё время проживания на территории Российской империи, СССР и постсоветской России и Украины многие из потомков первых переселенцев XVIII в. с Балканского полуострова продолжают жить на исторически обжитых территориях Украины. Численность их постоянно менялась. Динамика фиксировалась как положительная, так и отрицательная. По результатам первой Всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. людей, назвавших родным языком сербохорватский, было записано 1815 человек (Табл. 1). Дело в том, что данная перепись не учитывала этническую самоидентификацию населения. В её материалах языковая принадлежность населения является едва ли не единственной маркирующей, отражающей возможную этническую принадлежность. В конце XIX в. большинство сербов Российской империи продолжали жить на украинских землях. Главным образом в Херсонской, Таврической губерниях и г. Одессе (Табл. 2). В остальной России небольшие сербские группы были расселены дисперсно. В русских губерниях их численность была незначительной. Наибольшая численность говорящих на сербохорватском языке была зафиксирована в Санкт-Петербурге – 155 человек. В других регионах намного меньше, например, в Оренбургской губернии – всего 32 человека. Более точные данные имеются в переписи 1926 и последующих годов, где появилась графа „национальный состав”. Этническая самоидентификация населения в условиях длительных этнокультурных (этноязыковых) контак-

тов опирается уже не только и не столько на языковую идентичность, сколько на сам факт ощущения принадлежности к этнической группе (Atnagulov 2016). В 1926 г. численность этнических сербов в РСФСР была зафиксирована выше, чем в Украинской ССР, 1394 против 986 человек. На Украине они продолжали заселять привычные земли – Одесский, Киевский, Николаевский, Зиновьевский и Мариупольский округа (Табл. 3). В РСФСР наиболее заметные группы сербов были отмечены на Северном Кавказе и г. Москве – 277 и 174 человек соответственно. В Уральской области, включавшей тогда территории нынешних Свердловской, Челябинской, Курганской, Тюменской (вместе с Ханты-Мансийским и Ямало-Ненецким округами) областей, численность сербов составляла 112 человек. В Ленинградской области и Крымской АССР было отмечено 79 и 74 серба соответственно (Табл. 4).

К началу XXI в. число сербов, проживающих в России, заметно выросло. Например, по переписи 2002 г. их общая численность в Российской Федерации составляла 4156 человек (Табл. 5). Правда, перепись 2010 г. зафиксировала некоторое снижение их численности – до 3510 человек (Табл. 6). Абсолютным лидером по численности сербского населения в России является г. Москва – 1568 в 2002 г. и 1195 человек в 2010 г. Относительно много сербов проживает в Московской области (207 в 2002 г. и 267 человек в 2010 г.), Краснодарском крае (236 в 2002 г. и 254 человека в 2010 г.), г. Санкт-Петербурге (105 в 2002 г. и 146 в 2010 г.). Несмотря на общее снижение численности сербов в России за первое десятилетие XXI в., положительная динамика видна в Московской области, Краснодарском крае и г. Санкт-Петербурге. В Челябинской области за межпереписной период численность сербов незначительно уменьшилась – с 50 до 48 человек.

Таблица 1. Численность сербов в Российской империи, СССР, России и на Украине с 1897 по 2010 гг.²

	1897	1926	1939	1959	1970	1979	1989	2002	2010
Всего	18151	2561	3674	49982	3285	1737	2685	–	–
Россия	–	1394	2451	1486	1431	815	1580	4156	3510
Украина	–	986	752	797	1350	644	637	6233	–

Таблица 2. Численность сербов в Российской империи в 1897 г. по основным регионам расселения³

Всего	Херсонская губерния	Одесса	Таврическая губерния	Оренбургская губерния
1815	390	278	237	32

Таблица 3. Численность сербов в 1926 г. на Украине по основным регионам

2 Здесь и далее составлено по: Демоскоп Weekly.

3 Все, говорящие на сербохорватском языке.

расселения

Всего	Одесский округ	Киевский округ	Николаев - ский округ	Зиновьев - ский округ	Мариуполь - ский округ
986	188	70	60	51	31

Таблица 4. Численность сербов в 1926 в РСФСР по основным регионам расселения

Всего	Северо - Кавказский край	Московская губерния	Уральская область	Ленинград - ская губ.	Крымская АССР
1394	277	174	112	79	74

Таблица 5. Численность сербов в 2002 г. в России по основным регионам расселения

Всего	Москва	Краснодар - ский край	Московская область	Санкт-Петербург	Челябинская область
4156	1568	236	207	105	50

Таблица 6. Численность сербов в 2010 г. в России по основным регионам расселения

Всего	Москва	Московская область	Краснодар - ский край	Санкт-Петербург	Челябинская область
3510	1195	267	254	146	48

Источники

Демоскоп Weekly. Распределение населения по национальности. http://demoscope.ru/weekly/ssp/census_types.php?ct=6.10.11.2016.

Литература

Atnagulov 2016: И.Р. Атнагулов, Нагайбаки: от сословия к этносу (к вопросу о генезисе идентичности), *Археология, этнография и антропология Евразии*, 2016, Т. 44, № 1, 137-146.

Kirpichenok 2006: А.И. Кирпиченко, К выходу книги „Сербские поселения на Украине в середине XVIII в.“, *Петербургская библиотечная школа*. № 1/2, 114-120.

Поров 1870: Н. Попов, Военные поселения сербов в Австрии и в России, *Вестник Европы*, Т. 3. Кн. 6, 584-614.

Irek R. Atnagulov

DEMOGRAPHIC CHARACTERISTICS OF THE SERBS IN RUSSIA**Summary**

The core of the article is devoted to the history of settlement and population dynamics of Serbs in Russia since the mid-eighteenth century to 2010. The presented material is structured in four parts. The first historical episode is set in the eighteenth century, featuring the initial stage of the formation of the Serbian diaspora and displaying the reasons for the exodus of Serbs and other Balkan peoples to the Russian lands and the territories of their original settlement—Novaya Serbiya and Slavyano-Serbiya. These names appeared in the lands north of the Black Sea, which became a part of the Novorossiyskaya province in the 1760s. The second part of the article reflects the demographic picture of the Serbs of Russia from 1897 to 1926. During this period there were significant changes in both number and geography of Serbian settlements. Most Serbs were concentrated on the territory of the Russian Federation, mainly in Moscow and the North Caucasus. The third part is devoted to the analysis of the present demographic situation of the Serbs of Russia, based on the population censuses of 2002 and 2010. Over the past century there has been a General increase in the number of Serbs in Russia and a decrease in their number on the territory of Ukraine. The third part of the article includes tables compiled by the author according to the censuses from 1897 to 2010.

Keywords: Serbs, demography, Russian Empire, Austria-Hungary, Ukraine, USSR, Russia

*Примљен 6. маја 2017. године
Прихваћен 24. августа 2017. године*

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Антропова Людмила Ильинична¹

*Магнитогорский государственный
технический университет им. Г.И. Носова
Институт гуманитарного образования
Кафедра иностранных языков по техническим направлениям*

Залавина Татьяна Юрьевна

*Магнитогорский государственный
технический университет им. Г.И. Носова,
Институт гуманитарного образования
Кафедра иностранных языков по техническим направлениям*

Полякова Лилия Сергеевна

*Магнитогорский государственный
технический университет им. Г. И. Носова,
Институт гуманитарного образования
Кафедра иностранных языков по техническим направлениям*

ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО СЕРБИИ И РОССИИ: ОБЩИЕ И ОТЛИЧИТЕЛЬНЫЕ НАЦИОНАЛЬНО – КУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ

В статье описывается новая парадигма развития сербско-русских отношений, раскрывающая духовную и культурную близость народов. Концепция межкультурного сближения двух народов исследуется на основе становления и взаимодействия отдельных социальных субкультур, которые определяют мировоззрение носителя того или иного языка, той или иной культуры. Особое внимание уделяется лингвокультурным взаимоотношениям между народами Сербии и России. Рассматривается вопрос о родственных связях между сербским и русским языками. Изучаются общие национально – и лингвокультурные стереотипы и выделяются общие этнические концепты. Подробно описывается традиционный праздник «День семьи, любви и верности», ежегодно отмечаемый в обеих странах, а также национальный праздник Сербии «Крестная Слава».

Ключевые слова: Сербия, Россия, парадигма сербско-русских отношений, концепция межкультурного сближения, носитель национальной культуры, братство славянских народов, родство языков, национально-культурные праздники.

¹ alitier@mail.ru

1. Российско – сербские взаимоотношения

1.1. Развитие сербско – русских отношений

На современном этапе сербско-русские отношения развиваются в новой парадигме языковых традиций, духовной и культурной близости народов двух стран. В концепции сближения социальных субкультур большое научное внимание уделяется межкультурному подходу к изучению проблем взаимосвязи разных языков и культур, к становлению национальных языковых картин мира.

Известно, что каждый язык, как и культура, имеет свою самобытную систему (Крысин 2001), которая определяет мировоззрение конкретного носителя того или иного языка, той или иной культуры. В отечественной лингвокультурологии российскими учеными в проведенных исследованиях изучены многие особенности национального менталитета (Vedenina 2000; Vereshagin, Kostomarov 1990; Kostomarov, Burvikova 2000), где одной из главных отмечается готовность к участию в межкультурной коммуникации. Подчеркивается также, что культура иной страны воспринимается всегда через призму родной культуры, так как у каждого этноса есть свои культурные стереотипы (Maslova 2001; Ter – Minasova 2000). Это касается как классических привычных культурных символов и образов, так и современных, которые могут стать основой создания межкультурных проектов.

В качестве объединяющего формата предлагаемого в статье кросс-культурного проекта можно предложить концепт „Общие народные праздники и обычаи Сербии и России”, основу которого составляет социокультурный аспект правильного понимания и знания этнических традиций, реалий и культурных контактов, которые крепнут при перемещении народов и языков.

Российско-сербские взаимоотношения являются одними из самых прочных, так как высокий уровень двусторонних связей между нашими странами в разных сферах сотрудничества обусловлен не только экономическими и гуманитарными задачами, но и использованием традиционных исторических, культурных образов, символов и стереотипов. При изучении культурных комплексов народов Сербии и России – праздников, традиций, стереотипов – большое значение имеют их культурные контакты и взаимовосприятие.

Председатель Магнитогорской городской общественной организации дружбы народов „Мост” Горан Стошич отметил: „Это не дружба народов, это братство, которое забыто давным-давно. Мы же один народ, но нас разделила история. У нас одна культура: мы очень ценим и храним традиции – дом, женщина, семья, мы стараемся все нести в дом, в отличие от Запада, который постоянно меняет ценности. Достаточно вспомнить только то, какие там сейчас заключаются браки и как воспитывается молодежь”.

Действительно, между двумя народами существует очень прочная связь, которая отражена в схожести менталитета, мировоззрения, язы-

ка, культуры, а также религии – сербы исповедуют православие, даже флаг этой страны очень похож на российский, а герб украшает двуглавый орел.

1.2. Родство языков славянской группы

Согласно традиционной классификации языков мира сербский и русский языки входят в группу славянских языков. Несмотря на то, что они принадлежат разным подгруппам – русский язык входит в восточнославянскую подгруппу, а сербский в южнославянскую языковую подгруппу – наблюдается редкостная схожесть сербского языка с русским, которую замечают, например, русские туристы при посещении Черногории. Почти все услышанные слова были им понятны.

Лингвисты объясняют такой факт более поздними взаимоотношениями между языками. Русский язык претерпел значительное влияние церковнославянского языка, который по происхождению относится к числу южнославянских. В русском языке много церковнославянской лексики (напр., *враг, помощь*), а южнославянские слова с тем же значением больше похожи на русские (серб. *враг, помоћ* [пóмоч']). Вероятно, эти особенности, касающиеся в основном словарного состава, обусловлены тем фактом, что сербский язык кажется понятнее на слух русским туристам, чем восточнославянские языки. В специальной литературе отмечается большое количество одинаковых сербских и русских слов, образованных от одного общего славянского корня и имеющих одинаковое значение (для удобства в орфографии некоторых сербских слов используется кириллица). Например:

глаголы: читати – читать, желити – желать, хтети – хотеть, говорити – говорить, спасти – спасти;

наречия: опасно – пасно, весело – весело, легко – lako, мягко – meko;

прилагательные: близки – близкий, главни – главный, глупи – глупый;

Существительные

ухо uvo / uho

муха muva

сноха snaja / snaha

ржавчина rđa

ученый naučnik

мыслитель mislilac

Личные местоимения:

Ја, Ми, Ти, Ви, Он, Она, Оно, Они – Я, Мы, Ты, Вы, Он, Она, Оно, Они

2. Календарь праздников Сербии и России

2.1. Общие традиционные праздники

В общий традиционный календарь праздников России и Сербии входят такие, как, например, Новый год, обязательно – День Победы и

Конституции. Светские сербские праздники отмечаются в мае, это день труда 1 мая, а также 9 мая традиционный и очень уважаемый праздник – День победы. Сербский народ отмечает также 20 октября, день, когда был освобожден Белград.

Удивительный факт – Старый Новый год в Сербии, как и в России, отмечают в ночь с 13 на 14 января. Именно в эту ночь он наступает по старому, Юлианскому календарю, которого придерживается и Сербская православная церковь.

Сербы называют даже этот праздник Сербским Новым годом или Малым Рождеством.

1.2. День семьи, любви и верности

День семьи, любви и верности, традиционно отмечаемый в России 8 июля, добрался и до Сербии. Впервые его отпраздновали в воскресенье 5 июля 2015 года на Подворье Русской Церкви в Белграде. День любви, семьи и верности – праздник, установленный в день памяти благоверного князя Петра и его супруги Февроньи, покровителей семьи и брака.

Организаторами празднования в Сербии стали Русский Дом и Подворье Русской Православной Церкви в Белграде. Праздник „День семьи, любви и верности” был создан по инициативе жителей города Муром в 2008 году и поддержан Светланой Медведевой – супругой председателя правительства Российской Федерации Дмитрия Медведева. Сегодня он широко отмечается во всех городах России и по всему миру.

1.3. Особые праздники

1.3.1. Особый праздник Сербии – Крестная Слава

Обычай и традиции сербского народа тесно взаимосвязаны с православием. Жизнь серба должна быть мерак, то есть праздник. И живя в свое удовольствие, он обязательно помнит и благодарит того, кому этим обязан – своему покровителю. Поэтому особым и специфичным праздником для Сербии считается Крестная Слава – день святого, покровительствующего конкретной семье, дому. Этот день празднуется не менее Рождества, Нового года или Пасхи.

Сербы считают Славу одной из особенностей своей культуры. Слава „передается по наследству” по линии мужа, т. е. девушка, выйдя замуж, уже отмечает новую Славу семьи мужа. На Славу принято приглашать родню, друзей и знакомых, часто невзирая на их религиозные взгляды. Как правило, обязательным пунктом стола на Славу является печенье и вино. Печенье не имеет ничего общего с нашим печеньем, в Сербии это слово обозначает жареного на вертеле поросенка или ягненка, реже – быка.

Каждая семья имеет своего святого покровителя, день памяти которого становится днем Крестной Славы. Святой наследуется сыновьями от главы семьи – обычно отца. Дочери наследуют Славу, если остаются

в семье; замужние женщины обычно отмечают Славу мужа. Если семья сына переселяется далеко, то с разрешения отца сын может отмечать Славу в своём доме. Иначе же, пока жив глава семьи, сыновья отмечают Славу в его доме.

Таким образом, проведенное культурологическое описание некоторых общих сербско-российских праздников репрезентирует национально-культурное сближение, родство сербского и русского народов. А знакомство с реалиями сегодняшней Сербии, её картиной мира, становится для многих русских стимулом для интеркоммуникации, для изучения сербского языка – для ориентирования в новых именах и понятиях культуры Сербии, для постижения её национальных особенностей.

Источники

- Новости Управления по международной деятельности. <<http://magtu.ru/novosti/upravlenie-po-md/7050-v-mgtu-im-g-i-nosova-otmetili-den-gosudarstvennosti-serbii.html>>. 21.02.2017.
- Русские в Сербии. <<http://lifeinserbia.net/novosti/russkie-v-serbii.html>>. 21.02.2017.
- Сербские праздники. <<http://lifeinserbia.net/novosti/serbskie-prazdniki.html>>. 21.02.2017.
- Календарь событий. <<http://www.calend.ru/holidays/>>. 21.02.2017.
- Русская Православная Церковь. <<https://mospat.ru/ru/2015/07/06/news120791/>>. 21.02.2017.
- Культура Сербии. <<http://tcgroup.ru/serbiya/kultura-serbii.html>>. 21.02.2017.
- 30 фактов о Сербии глазами россиянина. <<http://www.fresher.ru/2012/06/19/30-faktov-o-serbii-glazami-rossiyanina/>>. 21.02.2017.
- <https://ru.wikipedia.org/wiki/%d0%a1%d0%b5%d1%80%d0%b1%d1%81%d0%ba%d0%b8%d0%b5_%d0%be%d0%b1%d1%8b%d1%87%d0%b0%d0%b8>. 21.02.2017.

Литература

- Kostomarov, Burvikova 2000: В. Г. Костомаров, Н. Д. Бурвикова Об одной из единиц описания текста в аспекте диалога культур, *Иностранный язык в школе*, №6, 2000, 3–5.
- Krysin 2001: Крысин Л. П. Язык – живая саморазвивающаяся система, *Общественные науки и современность*, №5, 2001, 41–65.
- Maslova 2001: Маслова В. А. *Лингвокультурология*, Москва.
- Ter – Minasova 2000: Тер – Минасова С. Г. *Язык и межкультурная коммуникация*, Москва: Слово / Slovo.
- Vedenina 2000: Веденина Л. Г. Теория межкультурной коммуникации и значение слова, *Иностранный язык в школе*, № 5, 2000, 72–75.

Vereshagin, Kostomarov 1990: Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Москва: *Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного.*

**Lyudmyla I. Antropova,
Zalavina Tatiana Y.,
Lily Polyakova S.**

LINGUISTIC AND CULTURAL SPACE OF SERBIA AND RUSSIA: GENERAL AND CHARACTERISTIC NATIONAL AND CULTURAL ASPECTS

Summary

The article describes a new paradigm of development of Serbo-Russian relations, revealing the spiritual and cultural contiguity of the two peoples. The concept of intercultural rapprochement is investigated on the basis of formation and interaction of individual social subcultures that define the world of media, language and a particular culture. Special attention is paid to linguistic and cultural relations between peoples of Serbia and Russia. Links between the Serbian and Russian languages are also considered. The authors examine general national and linguoculture stereotypes and highlight some common ethnic concepts. They describe in detail the traditional holiday "Day of Family, Love and Fidelity," which is celebrated annually in both countries, as well as the national day of Serbia "Godmother Glory."

Keywords: Serbia, Russia, Serbo-Russian relations, intercultural rapprochement, carrier of national culture, brotherhood of Slavic peoples, affinity of languages, national and cultural holidays

*Примљен 6. маја 2017. године
Прихваћен 30. септембра 2017. године*

Чернобровкин Владимир Александрович¹
*Магнитогорский государственный
технический университет им. Г. И. Носова
Институт гуманитарного образования
Кафедра дошкольного образования*

РОССИЙСКО-СЕРБСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО: КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В статье рассмотрены взаимоотношения между Россией и Сербией в культурологическом аспекте. Автором предпринята попытка представления краткого экскурса в историю взаимоотношений и культурных связей России и Сербии, начиная с 18 века; определена роль языка общения, и в частности, распространение русского языка в Сербии в подтверждении русско-сербских культурных отношений; рассмотрен такой немаловажный пласт культуры Сербии как религия и в этой связи намечены аспекты духовного и культурного единства России и Сербии во взглядах представителей сербской культур – философской и духовно-религиозной мысли; представлена роль центра науки и культуры „Русский дом” как центра культурной, научной и религиозной жизни российской эмигрантской общины и особого проявления культурных связей между Россией и Сербией в 20 веке; выявлена значимость современного русско-сербского проекта Русская культура в Сербии в укреплении русско-сербских культурных отношений, главной целью которого явилось формирование прочного фундамента в форме культурного обмена, выстраивание культурных отношений современной Сербии и России; представлены известные и выдающиеся современные создатели искусства: писатели, кинорежиссеры и музыканты Сербии.

Ключевые слова: духовное и культурное единство, центр науки и культуры, русско-сербский проект, культурный обмен, культурные акции, культурно-философская и религиозная мысль.

Современное социокультурное пространство отличается сложностью взаимоотношений между государствами и их культурами. История взаимоотношений между государствами и культурами многих народов складывалась таким образом, что долгое продолжительное время совместного проживания сформировало единые корни и основы в последующем развитии культуры народов. В современных условиях активизации подвижности и коммерциализации социокультурных процессов, конкуренции в ракурсе массового сознания, приведших к смене социальных ориентиров, переоценке традиционных ценностей, одной из ведущих потребностей человека становится необходимость в межкультурных связях человека с окружающим миром, которые

¹ elrgal@yandex.ru

реализуется путём самореализации, самоотождествления человека (Chernobrovkin 2016: 112).

Россию и Сербию связывают многовековая дружба и тесные духовные, экономические и культурные связи. Культура Сербии отличается самобытностью и вызывает интерес. Некоторые исследователи причисляют сербов к националистам за особо острое проявление их отношения к собственной родине. Множество фактов говорит о большом гостеприимстве сербского народа, который можно с уверенностью назвать самодостаточной единицей истории. Культура сербского народа, произошедшая, можно сказать, из „семени самосознания”, свято чтится и охраняется в каждой сербской семье.

Для того, что бы обосновать представленный факт, необходимо совершить краткий исторический экскурс в историю взаимоотношений и культурных связей России и Сербии.

Взаимоотношения между Россией и Сербией (Российско-сербские взаимоотношения) берут официальное начало в 1838 году, когда было официально открыто консульство России в Княжестве Сербия (балканское государство после сербской революции 1817 года). Отношения между Сербией и Россией не всегда складывались дружелюбно и в разные времена отличались некоторой напряженностью и недостаточным взаимопониманием. Еще в 18 веке были предприняты попытки создания в России автономий австрийских сербов, но они оказались временными и недолговечными. В XIX веке в ходе войн с Турцией Россия, одна из немногих стран, оказывала определенное влияние и способствовала восстановлению сербской государственности.

Во время Первой мировой войны Россия являлась сторонницей Сербии и принимала активное участие в её спасении и сохранении на политической карте мира. В связи с этим сербский народ и сербы, осознавая это, всегда с благодарностью относились к России и к русским, в частности принимали у себя русских беженцев, помогали в их размещении и заботе. Что касается взятия власти большевиков после социалистической революции 1917 года, то Сербия, в целом, не разделяла большевистский режим и считала его инородным, антироссийским, братоубийственным и временным. Особенно натянутыми взаимоотношения с Сербией считались в период Сталиновского правления. После смерти Сталина двусторонние отношения возобновились, во многом улучшились, но Белград держался особняком в социалистическом мире, не поддерживая советскую политику вмешательства в дела соцстран и сохраняя стабильные отношения с США. Следует так же сказать, что ещё 1944 году этнические русские в рядах Красной Армии освобождали город Белград (сербы приняли советского солдата как освободителя), а добровольцы из России, в количестве трехсот, принимали активное участие в войнах бывшей Югославии десятилетия с 1991 по 2001 годы. Следует отметить и тот факт, что в тот же период блокады Югославии десятки тысяч сербов работали строителями в России.

Большую роль в подтверждении русско-сербских культурных отношений имеет язык общения, и в частности, распространение русского языка в Сербии. Во второй половине XIX века русский язык был достаточно широко распространен в высших учебных заведениях Сербии. Он был обязательным предметом во всех классах Высшего женского училища, на историко-филологическом факультете Великой школы, Духовной семинарии, Учительской школе. Особую роль в продвижении русского языка сыграл русский профессор, учёный-славист, писатель Платон Андреевич Кулаковский. Его вклад в распространение русского языка в Сербии, кроме лекций, включал подготовку и издание учебных пособий (хрестоматия „Руска читанка” 1879 г.), создание при белградской народной читальне отдела русской литературы, подбор для отправки на обучение в Россию молодых сербов, пропаганда в местных СМИ российской жизни (публикация в белградском журнале „Отацбина” пяти писем о русской периодике, об открытии памятника А. С. Пушкину, о смерти Ф. М. Достоевского и т.п.), сообщение информации о Сербии в российские СМИ, участие в различных мероприятиях (открытие в 1880 году памятника российским добровольцам, павшим в Сербии в 1876 году, в городе Алексинац) и т.д.

Следует так же заметить, что после Второй мировой войны русский язык в Югославии был самым распространенным и популярно используемым из всех иностранных языков: в конце 1980-х годов им владело около половины населения страны. В настоящее время в Сербии русский язык изучается с 3 или 5 класса 2 раза в неделю. Необычайно высокий интерес к русскому языку проявляется в самопровозглашённой Республике Косово. С другой стороны, сербский язык в России также изучается, он преподаётся на кафедре славянских языков и культур МГУ, на кафедре славянской филологии СПбГУ и в МГИМО.

Затрагивая такой немаловажный пласт культуры Сербии как религия и характер вероисповедания, следует сказать, что в Сербии, как и во многих других славянских странах, проповедуется православие. Его исповедует большая часть населения испокон веков. Православие является государственной религией Сербии. Конституцией страны закреплено право граждан на свободу вероисповедания и выбора религии, поэтому в Сербии есть христиане не только православной, но и католической, протестантской конфессии, а также иудеи и мусульмане, которые стараются мирно сосуществовать проживать на территории Сербии.

Духовное и культурное единство России и Сербии неоднократно фиксировалось в языковой формуле „две сестры родные”, что проявляется, в первую очередь, в приверженности православию и принадлежности славянскому миру. Кроме этого, отношение Сербии к культуре России неоднократно выражалось в словах сербской поговорки „На небе Бог, на земле – Россия” (Doronenko 2016: 65)

Представители сербской культур – философской и духовно-религиозной мысли, подвижники христианства, среди которых святитель Николай Сербский (Велимирович), преподобный Иустин (Попович),

митрополит Черногории Амфилохий (Радович) неоднократно высказывались с глубокой проникновенностью о русской культуре и её выдающихся представителях. Так митрополит Амфилохий, осмысливая философию Ф. М. Достоевского, приходит к мысли о том, что он нашел в душе русского народа те ценности, которые европейская мысль не могла ему дать. Особое выделение в русской мысли имен Соловьева, Флоренского, Бердяева, Флоровского говорит об уважительном отношении к их творчеству и понимании русской культуры, имеющей родственные связи с сербской культурой.

Особым проявлением культурных связей между Россией и Сербией в 20 веке явился центр науки и культуры „Русский дом”, который был создан и действует в Белграде с 1933 года. Остановимся на вкладе „Русского дома” в укрепление русско-сербских культурных взаимоотношений несколько поподробнее. Итак, полное название „Русского дома” – Российский центр науки и культуры (РЦНК). „Русский дом” (сербохорв. Руски центар за науку и културу „Руски дом”) представляет собой одно из 44 зарубежных представительств Россотрудничества МИД России по продвижению русского языка, российской науки и культуры.

Белградский Русский дом стал центром культурной, научной и религиозной жизни российской эмигрантской общины. Его девизом, по свидетельству югославского историка Мирослава Йовановича, стали поэтические строки Игоря Северянина – „Родиться русским слишком мало, им нужно быть, им нужно стать” (Русский дом (Белград)). В Русском доме находились домовая церковь Покрова Пресвятой Богородицы, русско-сербская мужская и женская гимназии, начальная школа, гимнастический зал, русская публичная библиотека, созданная в 1920 году; русский научный институт, основанный в 1928 году и переехавший из дома бывшего посольства Российской империи, русский общедоступный театр, русское музыкальное общество, общество „Русский сокол”, музей, посвящённый Николаю II, музей русской конницы и другие организации.

В современном Российском центре науки и культуры есть киноконцертный зал с прекрасной акустикой, большой выставочный зал, конференц-зал и музыкальный салон, а также одна из крупнейших русских библиотек в зарубежной Европе с читальным залом и книжным фондом более чем из 60 тыс. названий книг российских авторов, видео – и фонотекой. Следует отметить и тот факт, что в 2015 году в мультимедийном центре библиотеки Русского дома был открыт удалённый электронный читальный зал расположенной Президентской библиотеки в Санкт-Петербурге.

В настоящее время в РЦНК осуществляется проведение курсов русского языка, успешно функционирует детская студия русского народного танца „Матрёшка”, особым уважением пользуется Школа музыки имени Сергея Рахманинова. Среди традиционно и периодически проводимых мероприятий следует назвать тематически связанные с Россией научно-технические и художественные выставки и презентации, регулярный

показ новых российских художественных фильмов и мультфильмов, театральные спектакли, новогодние ёлочные представления и многое другое.

Важно отметить и тот факт, что Дом ни на день не прекращал работы даже во время бомбардировок Югославии странами НАТО в 1999 году, несмотря на проведение некоторых мероприятий буквально в экстремальных условиях. У Валентины Терешковой, в то время руководителя Росзарубежцентра, хранятся осколки снаряда, который в те дни попал в Русский дом. А 24 мая 1999 года, когда во всём Белграде была отключена электроэнергия, празднование Дня славянской письменности и культуры состоялось при свечах – и в дальнейшем проведение этого праздника стало традиционным и отмечается именно при свечах.

Немаловажное значение в укреплении русско-сербских культурных отношений сыграл современный проект Русская культура в Сербии (Удружење „СРПСКО – РУСКА БЕЗА”), инициированный сотрудниками по вопросам корпоративной стратегии и культурного сотрудничества Миливой и Аленой Иштокович. Главной целью проекта явилось формирование прочного фундамента в форме культурного обмена, на котором выстраиваются культурные отношения Сербии и России. Проект был призван освещать разнообразные аспекты и демонстрировать единые корни народов Сербии и России. Организаторы проекта отмечали тот факт, что многие поколения в Сербии восхищались творениями русских классиков в таких видах искусства, как музыка, литература, киноискусство и т.д. Главным желанием организаторов стала возможность продемонстрировать то Великое, что Россия дала мировой культуре и осветить богатство ее культуры.

В число важных мероприятий, явившихся этапами реализации проекта, вошли манифестации звезд и ведущих деятелей российской культуры, представленные выступлениями следующих коллективов и солистов: Государственный ансамбль танца „Казачи России” (г. Белград, г. Новый Сад, г. Вршац, г. Врбас); Владимир Спиваков и „Виртуозы Москвы” (г. Загреб); Участие сербского Ансамбля „Диоген” на казачьем фестивале (Липецк, Елец, Задонск, Хлевный); Ольга Калинина (сопрано), заслуженная артистка России, (г. Белград); Дарья Глухова, восходящая звезда русского пианизма (Косово, Белград, Ковачица, Сремские Карловцы); Ансамбль имени А. В. Александрова или Хор Красной Армии; Сергей Путилин, „золотой тенор” Ансамбля Александрова с хором „Краљ Петар 1”; „Лучшие песни России” с участием солистов Большого театра, Ансамбля Александрова и сербских звезд (Белград); Кубанский казачий хор (в соорганизации с агентством „Профайл”); Дни славянской культуры и письменности (Валево, Кралево, Белград, Сремские Карловцы); Традиционный концерт „Лучшие песни России” с участием солистов Большого театра, Ансамбля Александрова и сербских звезд (Белград); выставка в Музее Российской Академии Художеств, г. Санкт-Петербург; балет „Щелкунчик” с солистами императорских театров: Мариинского и Михайловского и др.

Кроме организации концертных мероприятий, русско-сербский проект сумел реализовать и другие культурные акции: издание книг на русском языке, распространение, приобщение российских делегаций к истории сербско-российских связей, проведение промоций, участие в выставках и многое другое (О проекте русская культура в Сербии).

В качестве знакомства и просветительской популяризации для россиян, хотелось бы напомнить о самых известных и выдающихся современных представителях искусства: писателях, кинорежиссерах и музыкантах Сербии. Итак, современный сербский писатель – это Милорад Павич. Наиболее известные его произведения это „Хазарский словарь” (Хазарски речник) 1984 год, „Пейзаж, нарисованный чаем” (Предео сликан чајем) 1988 год, „Внутренняя сторона ветра” (Унутрашња страна ветра), „Последняя любовь в Константинополе” (Последња љубав у Цариграду. Приручник за гатање) 1994 год и др. его произведения. Нужно заметить, что его „Хазарский словарь” переведен на 24 языка мира. Далее, назовем одного из наиболее известных современных кинорежиссеров Сербии – это Эмир Кустурица. Он режиссировал и снял следующие фильмы „Папа в командировке” (Отац на službenom putu) 1985 год, „Время цыган” (Дом для повешения / Дом za vešanje) 1988 год, „Аризонская мечта” (Arizona dream) 1993 год, „Подполье” (Андерграунд / Underground) 1995 год „Черная кошка, белый кот” (Crna mačka, beli mačor) 1998 год, „Жизнь как чудо” (Život je čudo) 2004 и др. Этот режиссер отмечен наградами крупнейших кинофестивалей Европы, включая две „Золотые пальмовые ветви” фестиваля в Каннах; он кавалер французского Ордена литературы и искусства. В ряду известных современных музыкантов Сербии представляем Горана Бреговича, он был гитаристом, автором музыки и текстов сараевской группы „Биело дугме”. Сочинитель (и исполнитель) музыки для кинофильмов. Так, музыка к фильмам Патриса Шейро („Королева Марго”) и Эмира Кустурицы („Андерграунд”) сыграла не последнюю роль в завоевании ими „Золотых пальмовых ветвей” Каннского кинофестиваля. Горан Брегович прославился саундтреком к фильму „Время цыган” Кустурицы, затем последовали звуковые дорожки к таким работам, как «Сны Аризоны», „Андерграунд”, „Черная кошка, белый кот”. Известен также по музыке к фильмам „27 украденных поцелуев», „Дорога в ад”, „XXL” и „Турецкий Гамбит”. Стиль Бреговича – синтез балканской, сербской, цыганской музыки.

В заключение представленного русско-сербского культурного сотрудничества нельзя не обойти стороной последнее, пожалуй, самое знаменательное событие, открытие и проведение которого приходится на апрель – май 2017 года: это Дни сербской культуры, которые проходят в Москве с 18 апреля по 14 мая в Международном фонде славянской письменности и культуры (Дни сербской культуры в Москве открылись).

Важность и знаменательность этого события подчеркивается особым вниманием сербских гостей, прибывших на открытие и проведение этих Дней в Москве; достаточно только перечислить их имена и статусы: Президент Фонда А.Н. Круто, чрезвычайный и полномочный посол

Сербии Славенко Терзич, первый секретарь посольства Болгарии Кристина Дражева, советник министра экономического развития Республики Сербской (в составе Боснии и Герцеговины) Неманя Ковачевич, представители Русской Православной Церкви, Союза Писателей России, различных общественных организаций.

На открытии Дней сербской культуры, которое с блеском провели 18 апреля 2017 года поэтесса Нина Карташева и председатель общества русско-сербской дружбы И. М. Числов, зрителям была продемонстрирована выставка икон современных сербских художников, привезенных из Сербии, которая вызвала большой интерес. В витринах были представлены предметы прикладного искусства из Республики Сербской, работы известного сербского художника Миленко Янатовича; кроме этого, российский зритель мог полюбоваться на виды Сербии и Республики Сербской, запечатленные российскими художниками во время поездок, а так же фотографии, иллюстрирующие природу и исторические памятники Сербии. А в концертном зале звучали сербские песни в исполнении ансамбля „Звуки музыки” учащихся школы Москвы и зажигательные сербские танцы фольклорного ансамбля „Завичай – Москва”.

В продолжение празднования Дней сербской культуры на следующий день 19 апреля была проведена презентация туристического потенциала Республики Сербской и Летней иконописной школы „Одигитрия”. Школа обратилась с приглашением юных художников с родителями в г. Биелину для посещения специально подготовленной интересной для детей и родителей программы.

Вторым этапом чествования сербско-культурных связей стало проведение 21 апреля 2017 года научно-практической конференции „Славяне и славянство. Россия и Сербия – вертикаль истории” в здании Международного фонда славянской письменности и культуры. Среди основных докладов, посвященных различным аспектам культурных связей, историческим эпизодам, литературным общностям Сербии и России, вкладу русских учёных в укрепление единения Славянского мира и т.д., наибольший интерес, на наш взгляд, могут вызвать следующие темы: „Сербия как урок для России” (Числов Илья Михайлович – Председатель Общества русско-сербской дружбы, член Союза писателей России); „Велико – моравский Велеград – Белград, где творили Константин Философ и архиепископ Панонский Мефодий. Глаголица – дар славянским народам” (Шапошников Александр Константинович – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Отдел этимологии и ономастики Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН); „Россия и Сербия – поэтический диалог” (Парпара Анатолий Анатольевич – русский писатель, переводчик главный редактор „Исторической газеты”); „Героический пример Сербии для России” (Осипова Елена Аркадьевна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института мировой литературы РАН, секретарь общества русско-сербской дружбы); „Вклад русских учёных академика РАН О. Н. Трубочёва и академика РАЕН Богатовой Г. А. в укрепление единения Славянского мира” (Корольчук На-

тальяя Сергеевна – научный сотрудник, заместитель руководителя н. и. ц. „Славист” им. академика О. Н. Трубачёва).

Таков яркий и дружественный двусторонний диалог в отношении взаимопроникновения славянских русской и сербской культур демонстрирует дань уважения традициям этих культур. Традиции родственных культур не могут утратить свою притягательность и сходство, несмотря на сложность политической ситуации в современном мире. Хотелось бы надеяться на мудрое руководство властных структур наших государств и продолжение, упрочнение взаимоотношений и культурных связей Сербии и России.

Источники

Русский дом (Белград). <[https://ru.wikipedia.org/wiki/Русский_дом_\(Белград\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Русский_дом_(Белград))>. 16.04.2017.

О проекте русская культура в Сербии. <<http://ruska-kultura.com/o-proekte-russkaya-kultura-v-serbii/>>. 06.04.2017.

Дни сербской культуры в Москве открылись! Завтра – научная конференция. <<http://www.senica.ru/serbia/news/dni-serbskoy-kultury-v-moskve-otkrylis-zavtra> – – nauchnaya-konferenciya>. 20.04.2017.

Литература

Chernobrovkin 2016: В. А. Чернобровкин, Психолого-социальные аспекты идентичности в современной молодежной культуре, в: *Modern developmental psychology: main trends and prospects of research: materials of the II international scientific conference on October 20–21, 2016*, Prague: Vědecko vydavatelské centrum „Sociosféra – CZ”.

Doronenko 2016: О. Е. Дороненко, Духовный опыт Сербии и России в контексте культурной коммуникации Европы, в: *Культурологические чтения – 2016: материалы международных научно-практических конференций* (Екатеринбург, УрФУ, 16-19 марта). Екатеринбург: УрФУ, 63-70.

Vladimir A. Chernobrovkin

RUSSIAN – SERBIAN COOPERATION: CULTUROLOGICAL ASPECT

Summary

The article considers cultural aspects of the relationship between Russia and Serbia. The author aims to present a brief excursus into the history of relations and cultural ties between Russia and Serbia from the eighteenth century, the role of language within their communication and, in particular, the spread of the Russian language in Serbia as a confirmation of the

Russo-Serbian cultural relations. The paper considers religion as an important layer of Serbian culture and outlines the aspects of spiritual and cultural unity of Russia and Serbia as seen by representatives of Serbian cultural-philosophical and spiritual-religious thought. Furthermore, the present work introduces the role of the “Russian house” as a centre of cultural, scientific and religious life of the Russian immigrant community and particular manifestations of cultural ties between Russia and Serbia in the twentieth century. The paper identifies the significance of contemporary projects of Russian culture in Serbia as strengthening of Russo-Serbian cultural relations, the main objective of which is the formation of a solid foundation in the form of cultural exchange and building cultural relations of modern Serbia and Russia in the form of presenting famous modern artists, writers, filmmakers and musicians of Serbia.

Keywords: spiritual and cultural unity, centre of science and culture, Russo-Serbian project, cultural exchange, cultural promotion, cultural-philosophical and religious thought

*Примљен 6. маја 2017. године
Прихваћен 30. септембра 2017. године*

Назарычева Алевтина Ивановна¹

*Магнитогорский государственный
технический университет им. Г.И.Носова
Институт гуманитарного образования
Кафедра языкознания и литературоведения*

Овчарова Светлана Владимировна

*Магнитогорский государственный
технический университет им. Г.И.Носова
Институт гуманитарного образования
Кафедра языкознания и литературоведения*

Скворцова Мария Львовна

*Магнитогорский государственный
технический университет им. Г.И.Носова
Институт гуманитарного образования
Кафедра языкознания и литературоведения*

СМЫСЛОЖИЗНЕННЫЕ ОРИЕНТИРЫ РУССКОГО И СЕРБСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО СОЗНАНИЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ МИРЕ ЭМИРА КУСТУРИЦЫ

Тема межкультурных взаимодействий сегодня не только актуальна, она становится жизненно необходимой частью повседневности. Поиск собственной идентичности сопровождается не только сравнением с „другим”, отделением „своего” от „чужого”, но и обозначения общности основ разных культур. Узнавание в другой культуре знакомых смыслов порождает тесную взаимосвязь между культурами и представителями этих культур. Примером этому для русского сознания в культуре повседневности могут служить фильмы Эмира Кустурицы.

Целью нашего исследования является актуализация схожести в понимании смысложизненных ориентиров русского и сербского национального сознания и их отражение в творчестве Эмира Кустурицы.

Ведущими принципами осмысления материала являются принципы рецептивной эстетики, позволяющие связать художественные и социальные функции кинематографа, творческие намерения автора и пристрастия зрителя.

Результаты исследования определяют актуальность темы межкультурного взаимодействия в процессе повседневного общения и оценкой иного этнического сознания средствами эстетического восприятия. Материал статьи будет интересен исследователям русской и зарубежной культуры

¹ alevtina.n76@mail.ru

Россия и Сербия – страны схожие ментально и исторически. Общие славянские корни дают возможность не просто видеть в Сербии соседа, но близкий по духу народ.

Ключевые слова: кинематограф, Сербия, Россия, Эмир Кустурица, национальное самосознание, „балканское барокко”, фантасмагория.

«Кино должно исцелять души людей.
В нем должно быть особое отношение
к каждому зрителю. Не как к потребителю.
Нужно, чтобы, посмотрев твой фильм,
люди начинали обнимать друг друга,
испытывали счастье, сердечную радость».
Эмир Кустурица

Современная медиакультура, бесспорно, является доминирующей формой культуры. Сами того не замечая, мы потребляем огромное количество информации, не прилагая к ее получению практически никаких усилий, мы конструируем свой мир, черпая образцы из медиареальности, некритически принимая предложенные поведенческие модели. В этом смысле кино всегда было самым влиятельным из существующих медиа и остается таковым по сей день. Благодаря кино и его производным – телевидению, компьютерным играм и пр. – процессы формирования массового сознания существенно ускоряются: симплификация мировосприятия, унификация поведенческих стандартов, нивелирование ценностей, и, как следствие, манипуляция общественным мнением, навязывание парадигмальных моделей. (Pochinina 2011: 7-8)

К концу XX века голливудская модель кинематографа стала ведущей, положив конец многолетнему противостоянию голливудской и т.н. европейской модели кинематографа. Режиссеры, которые не приняли правила игры, стали снимать авторское кино, „кино не для всех”, архаус, где системообразующую роль в создании фильма играет режиссер, а не продюсер, озабоченный коммерческим успехом картины. Примером такого индивидуального стиля можно считать творчество великого сербского режиссера Эмира Кустурицы. Его фильмы отражают его мировосприятие. Он не ставит фильмы. Он их проживает. Он не придумывает характеры, ситуации, интриги и коллизии. Он переносит на экран то, как видит и понимает этот мир, независимо от конъюнктуры и моды.

Иногда стиль Эмира Кустурицы называют „балканским барокко” (Orlov 2017). Динамика образов, смешение фантастических и реальных элементов, необычные и неправдоподобные сюжетные повороты, вычурность визуального наполнения в сочетании с трагизмом исторического контекста оправдывают такое определение режиссерского стиля.

Мир Кустурицы вторгается с экрана сразу, с первых минут, без раскачки. На фоне сказочной балканской природы разыгрываются человеческие страсти. Череда необычных, не глянцевого и не однозначных

персонажей проходят перед зрителем. Они совершают нелогичные, сумасшедшие поступки – страдают, глумятся, любят, умирают, предаются, теряют и находят. Они живут в каком-то пограничном состоянии, как бы балансируя на грани реальности и вымысла, они не удивляются летящему по небу человеку, обладают телекинезом и даром предвидения. Их жизнь полна невообразимых совпадений и случайностей. Однако далеко не сразу из этого эмоционального хаоса начинает выкристаллизовываться осознание режиссерского замысла. И тогда от этого действия невозможно оторваться. Оно поглощает время и поработает сознание. Многие критики и зрители в своих рецензиях отмечают эту особенность восприятия фильмов Кустурицы.

Кустурица словно бы проводит через все свои фильмы мысль, однажды выведенную в заглавие одного из фильмов – „жизнь как чудо”, то есть полна необъяснимого и прекрасного, а человек – больше и многогранней, чем мы привыкли о нем думать. Сербский режиссер в своих фильмах обращается с материалом как с многоцветным огромным жизненным полотном, вырезая из него разнообразные, кажущиеся совершенно несовместимыми, куски. Однако эта масштабность и несовместимость, как ни странно, оказывается очень близкой и понятной российскому сознанию.

Отношения известного режиссера с Россией имеют давнюю историю. Он не раз признавался в любви и особом отношении к нашей стране, а мы платим ему такой же любовью и вниманием к его творчеству. Несмотря на вненациональный характер проблем его фильмов, в России их понимают лучше в силу схожести ценностно-значимых основ „славянской” ментальности. Сам режиссер говорил о том, что Россия родная для него страна, так как мы очень похожи – „Сербия и Россия связаны не только экономически и культурно. Это что-то большее, это на уровне крови” (Vashchenko 2016).

В многочисленных интервью Э. Кустурица говорит о России с теплом и любовью, подчеркивая, формированию его необычного стиля во многом способствовало увлечение русской культурой. Сам он вспоминает, что, когда был студентом, начал задаваться вопросами о смысле и цели человеческой жизни и открывать мир через литературу, именно через русскую: „...Время Чехова – это и сейчас, и сто лет назад. Его творчество в принципе выходит за рамки какой-либо современности. Это искусство, которое привносит в человеческие отношения метафизику. И когда я рос и пытался осознать свое место в мире, такая метафизика была мне очень нужна. Особенно глубоко она была мной прочувствована через русскую культуру” (Масан 2008).

Кроме русских писателей, Эмира интересовала и глубокая философская русская мысль, слишком близка она его духу свободы и автономности от техногенной цивилизации. В своих интервью он признавался, что наиболее ценна для него идея космической свободы, спрятанная в глубинах сознания, внутри человека (Ruzaev 2016).

Подобный свободолобивый характер демонстрируют все герои его фильмов – от детей до пожилых людей. И те, и другие свободны в своих желаниях, поступках, устремлениях. Дети – в силу своей непосредственности, старики – в силу опыта и устремленности к вечному. Труднее всего приходится героям среднего возраста, которые принимают стандарты цивилизации, но понимают, что не вписываются в рамки положенного.

В этом смысле свободолобие и автономность вне любого контекста (социального, экономического, политического и т.п.) демонстрируют цыгане. „Цыгане – совершенно особые люди. Они маргиналы. А я обожаю маргиналов, у них жизнь и сознание незамутнённое, почти детское, они не участвуют в этой нашей запрограммированной жизни. Для цыган существуют только деньги, любовь и семья. И всё. Ничего лишнего”, – говорит Кустурица (Вокруг.тв). Поэтому они становятся любимыми героями Маэстро.

Цыгане все еще воспринимаются отдельно от любого этноса, что придает их быту и нравам сказочный флер. Там может быть все, даже того, чего быть не может („Время цыган”). В жизни цыганского быта многое воспринимается под другим углом, возникает ощущение размытости границ между мечтой и реальностью. Преломление реальности под углом, совмещающим драму и жизнелюбие, бешеную энергию и размеренность, неспешность жизни создает неповторимую атмосферу существования. Красота естественности существования, эстетика повседневности дает глоток свободы и свежести восприятия жизни. В фильмах всегда присутствуют обычные жизненные ситуации, переплетение жизни и смерти – свадьбы и похороны, дорога и полет – мечта и реальность, философский подтекст которых воспринимается легко и просто. Образы животных в фильмах Э. Кустурицы воспринимаются как продолжение жизни, как символы витальности и символичности бытия. Это и есть „естество повседневности”, не замутненное модой, прогрессом и информатизацией.

Цыганские мотивы интересны режиссеру своей маргинальностью (что подчеркивает сам Кустурица), как своеобразный протест против прагматизма, комфорта, коммерциализации и конформизма. В этом смысле душа русская схожа с цыганской своим свободолобием и широтой. Наверняка открытость и миссионерский характер русской души позволяет говорить о значимости проблем, которые мало интересуют Запад, но о которых с завидным упорством снимает фильмы Э. Кустурица. Связь свободы и духовности как ее основы – вот, что привлекает художника в „русском мире”. Это „православие и благородство духа”.

Бережное отношение к внутреннему свету духовности привлекло и самого Кустурицу к этой религии, поэтому в его интервью можно встретить размышления об особой миссии кино: „Христианское кино должно исцелять души людей. В нем должно быть особое отношение к каждому зрителю. Не как к потребителю. Нужно, чтобы, посмотрев твой фильм, люди начинали обнимать друг друга, испытывали счастье, сердечную радость. Радость от полноты бытия. Не в этом ли эстетический

смысл человеческой жизни? Надо помочь человеку освободиться от страхов, чтобы он, пройдя через катарсис, мог сказать: „Жизнь, полная трудностей, стала легче”. Если ты христианин, и цель твоего творчества – сделать человека счастливым, твой фильм, как инструмент, поможет выполнить задачу твоей жизни. Вера дает людям повод задуматься над вопросами, „кто есть человек” и „зачем я живу”. А эти вопросы – сущностно христианские...” (Православный мир 2014). Кустурица пытается вернуть искусству то, что забыто со времен Аристотеля – катарсис, который должен испытать зритель. В этом главная задача любого искусства, не связанного со стремлением угодить публике.

Эмир Кустурица не избежал влияния постмодернизма в своем творчестве. Более того, его фильм „Андеграунд” считается ключевым для постмодернистского кинематографа (Постмодернизм и кинематограф). Маргинальность персонажей; абсурд сюжетных коллизий; интертекст и культурно-исторические аллюзии – все это позволяет причислять фильмы Маэстро к вершинам постмодернистского кинематографа. Однако режиссер не стремится занять место в когорте кинематографистов постмодернистского толка. Он всегда остается несколько в стороне, ему ближе статус режиссера-одиночки, никому ничем не обязанного и создающего шедевры вне времени и какого бы то ни было художественного направления. Вероятно, поэтому режиссер не смог работать в Голливуде, хотя такие попытки и были: фильм „Аризонская мечта” – яркий пример такого творческого опыта. Один из героев фильма произносит такую фразу: „В последний раз я слышал слова „С добрым утром, Колумб!”. И впервые в жизни я открыл, словно Колумб, что живу в мире дешевых одеколонов. И вряд ли можно открыть новую Америку”. В одном из интервью Кустурица в определенной степени повторяет мысль своего героя, признаваясь: „Я делаю авторское кино, которое в Голливуде невозможно. Там делают фильмы, как изготавливают одежду. Голливуд обслуживает концепцию корпоративного мира, в котором все мы не люди, не граждане, а потребители. Современное кино вообще превращается во что-то наподобие видеоигр” (Gladilichikov 2014).

Вероятно, поэтому духу самого режиссера близка Россия, с ее некоммерческим складом ума, душой нараспашку, идеализмом, свободолюбием, поиском смысла жизни и верой в справедливость, где вопросы добра и зла являются не отвлеченными понятиями, а включенными в повседневную жизнь, безусловно, ближе духу великого серба. Счастье не в погоне за благами цивилизации, а в свободе и душевной гармонии с миром и самим собой. Вера в чудо – еще одна составляющая российской ментальности. Мешанина обстоятельств, открытость, парадоксальность, перипетии истории – многое роднит сербского режиссера с русским менталитетом. Фантасмагория – так можно описать атмосферу многих его фильмов, что очень похоже на русскую действительность. Россия – огромная страна, поэтому так актуальна тема маленького человека, потерявшегося в этих джунглях цивилизации. Сербия – небольшая страна, но и здесь тема маленького человека звучит особо: любое,

даже самое незначительное событие имеет смысл, если оно способствует пониманию жизни и ее продолжению, милосердию и вере в чудо.

Кроме духовной близости, с Россией у Сербии много схожего и в истории. Общность ментальных черт подкрепляется сложными поворотами исторического опыта обеих стран. Россию и Сербию связывает общее социалистическое прошлое. Это время тотального контроля и цензуры, поэтому понятным, прочувствованным становится всеобщая атмосфера страха и давления („Папа в командировке“). Наши страны раздирали конфликты и противоречия (в разные периоды истории), мы пережили страшный абсурд братоубийственной войны и сохранили стойкость, веру в добро и вселенскую справедливость в любых жизненных перипетиях.

В фильмах Кустурицы постоянно присутствует „русский след“, своеобразная переключка культур. Например, в „Аризонской мечте“ угадывается цитата из „Чевенгура“ А. Платонова: „Это человек глупый, а рыба всё понимает, не думая“; в самом начале фильма „Завет“, герои благоговейно встают под звуки российского гимна; жители подполья постоянно говорят о России: „...какое же веселье без русской песни...“, „...если бы не война, я бы была ведущей актрисой московского театра“, „если бы не война, я бы стал Югославским Маяковским“. И таких отсылок множество... Так же, как и в произведениях русских писателей и режиссеров, характеры в фильмах Кустурицы раскрываются через политические события страны, хотя политика не оказывается ведущей темой или особым сюжетом в истории картины, это, скорее, данность, в которой живут герои. Схожесть бытовых условий советского и постсоветского пространства у многих наших соотечественников вызывает иногда полное неприятие, а у кого-то – ностальгию.

Взаимодействие культур в истории происходит по-разному – от полного неприятия до полного слияния. Уровень культурного взаимодействия связан с обогащением смыслов и поиском схожих элементов в мировосприятии. Маркером отношений народов всегда являлось искусство как живой организм, ярко отражающий эмоции разных культур. В фильмах Э. Кустурицы, любимых русскими, ярко отражено все то, что является родным и понятным не только сербу, но и русскому – отчаянная веселость, вера в чудо, свободолюбие, коллективизм, душевность, открытость, широта души и многое другое.

В заключение хотелось бы выразить надежду, что взаимные симпатии великого режиссера и великого народа будут иметь творческое продолжение. Особый оптимизм вселяет обещание Маэстро снять фильм в России, о русских и на русском классическом литературном материале (Alperina 2016; Vashchenko 2016).

Источники

- Постмодернизм и кинематограф. *Studall.org*. <http://studall.org/all-83527.html>.02.02.2017.
- Православный мир. <https://ofeofan.wordpress.com/2014/09/>.
- Эмир Кустурица: Credo. *Православный мир*, ноябрь 2014. <http://www.pravmir.ru/emir-kusturitsa-hristianskoe-kino-dolzno-istselyat-dushi>.12.03.2017.
- Эмир Кустурица: персона. *Вокруг.ТВ*. http://www.vokrug.tv/person/show/emir_kusturica/.02.04.2017.

Литература

- Alperin 2016: С. Альперина, Три лета с Моникой, *Российская газета*, декабрь 2016. <https://rg.ru/2016/12/21/kusturica-i-beluchchi-pokazali-v-moskve-film-po-mlechnomu-puti.html>.24.03.2017.
- Gladilshikov 2017: Ю. Гладильщиков, Эмир Кустурица: Я делаю терапевтическое кино, *Огонек*, июнь, 2004. <http://www.kommersant.ru/doc/2293819>.12.03.2017.
- Macan 2008: К. Мацан, Кино должно исцелять души. Встреча с Эмиром Кустурицей. Татьяна день. *Молодежный интернет-журнал МГУ*, январь, 2008. <http://www.taday.ru/text/91364.html>.03.04.2017.
- Orlov 2017: П. Орлов, Мастер: Эмир Кустурица, *tvkinoradio*, январь, 2017. <https://tvkinoradio.ru/article/article10072-master-emir-kusturica>.22.02.2017.
- Pochinina 2011: Н. Е. Починина, *Мифопоэтика в современном кино (на примере творчества Эмира Кустурицы)*. LAP LAMBERT Academic Publishing.
- Ruzaev 2016: Д. Рузаев, Путина демонизируют. Эмир Кустурица о любви к классике, связях с Россией и новом фильме. *Lenta.ru*, июль 2016. <https://lenta.ru/articles/2016/07/20/emirkusturica/>.23.03.2017.
- Vashchenko 2016: В. Ващенко, Россия и Сербия связаны на уровне крови, *Газета.ру*, ноябрь 2016. <https://www.gazeta.ru/social/2016/11/08/10314431.shtml#page5>.12.03.2017.

Alevtina I. Nazarycheva,
Svetlana V. Ovcharova,
Maria L. Skvortsova,

**LIFE GUIDELINES OF THE SERBIAN AND RUSSIAN
NATIONAL CONSCIOUSNESS IN THE ARTISTIC WORLD OF
EMIR KUSTURICA**

Summary

The theme of intercultural interactions today is not only relevant, but it has become a vital part of everyday life. The search for “one’s own” identity is accompanied not only by comparison with the “other” and the separation of “one’s own” from “another’s”, but also by the

denotation of the generality within the grounds of different cultures. The recognition process of some familiar meanings in another ethnicity creates a close relationship between cultures and their representatives. In everyday culture Emir Kusturica's films can be an example of this process to the Russian consciousness.

The aim of this paper is to examine similarities in understanding the meaningful orientations of the Russian and Serbian national consciousness and their reflection in Emir Kusturica's work.

The main principles of understanding the material are the principles of receptive aesthetics, which allow a connection between the artistic and social functions of cinema, the creative intentions of the auteur and the obsession of the viewer.

The results of the study are related to the relevance of the topic of intercultural interaction in the process of everyday communication and the evaluation of other ethnic consciousness by means of aesthetic perception. The material of the article will be of interest to researchers of Russian and foreign cultures.

Russia and Serbia are countries that are similar mentally and historically. Common Slavic roots make it possible to see Serbia not only as a neighbour, but as congenial people.

Keywords: cinema, Serbia, Russia, Emir Kusturica, national identity, "Balkan Baroque", phantasmagoria

*Прихваћен 6. маја 2017. године
Примљен 28. августа 2017. године*

Солдатченко Александр Леонидович¹
*Магнитогорский государственный
 технический университет им. Г.И. Носова
 Институт гуманитарного образования
 Кафедра языкознания и литературоведения*

Харитонова Светлана Викторовна
*Магнитогорский государственный
 технический университет им. Г.И. Носова
 Институт гуманитарного образования
 Кафедра языкознания и литературоведения*

Колесникова Ольга Юрьевна
*Магнитогорский государственный
 технический университет им. Г.И. Носова
 Институт гуманитарного образования
 Кафедра языкознания и литературоведения*

СТАНОВЛЕНИЕ ГРАЖДАНСКИХ КАЧЕСТВ СТУДЕНТОВ СЕРБСКИХ И РОССИЙСКИХ ВУЗОВ КАК ФАКТОР ПРОФИЛАКТИКИ ЭКСТРЕМИЗМА И ТЕРРОРИЗМА

Актуальность исследования определяется курсом руководства России и Сербии на консолидацию и единство общества в рамках правого государства на фоне упрочнения позиций России и Сербии в сфере международных отношений и борьбы с мировым терроризмом, что ставит перед системой высшего образования задачу по подготовке не только высококлассных специалистов, но и граждан своей страны, способных отстаивать интересы родины, соподчинять свои стремления с потребностями страны, быть лояльными легитимной власти, сознательно и эффективно противостоять негативному воздействию экстремистских и террористических организаций, не поддаваться на их провокации и занимать активную гражданскую позицию в борьбе с экстремизмом и терроризмом. Целью работы является изучение организации процесса становления гражданских качеств студентов сербских и российских вузов для профилактики и противодействия экстремизму и терроризму. Достижение поставленной цели предполагает решение следующих задач: 1) уточнить определение понятия „гражданские качества студентов вуза“; 2) разработать комплекс базовых гражданских качеств студентов вуза; 3) определить роль гражданских качеств студентов вуза в профилактике и противодействии экстремизму и терроризму; 4) выя-

¹ cafol@mail.ru

вить педагогические средства их эффективного формирования. В ходе изучения и сравнительного анализа научных работ по соответствующей тематике уточнено определение понятия „гражданские качества студентов вуза“; разработан базовый комплекс гражданских качеств студентов вуза; определена роль гражданских качеств студентов вуза в профилактике и противодействии экстремизму и терроризму, а также виды, формы и функции социально значимой деятельности студентов вузов, этапы, методы, организационные формы и принципы вовлечения студентов вуза в социально значимую деятельность для развития гражданских качеств. Результаты исследования применяются для уточнения компонентного состава гражданских качеств студентов вуза, разработки комплекса педагогических условий их становления, профилактики и противодействия вовлечения молодых людей в деятельность экстремистских и террористических организаций.

Ключевые слова: гражданские качества студентов вуза, базовый комплекс гражданских качества студентов вуза, социально значимая деятельность, социально значимая деятельность студентов вуза, профилактика и противодействие экстремизму и терроризму

1. ВВЕДЕНИЕ

Актуальность рассматриваемой проблемы обуславливается сложившейся политической и экономической обстановкой как внутри стран, так и на международной арене. Чётко обозначенный курс руководства стран на укрепление позиций Российской Федерации и Сербии в области международных отношений, укрепление дружественных связей с братскими странами, создание благоприятных условий для дальнейшего роста экономики ставит перед системой высшего образования задачу по подготовке не только компетентных специалистов в узкой профессиональной области, но и полноценных граждан своей страны, готовых отстаивать её интересы, защищать свою родину, быть полнофункциональными членами правового государства.

Кроме того, в настоящее время наблюдается рост активности экстремистских и террористических организаций различного толка. Данные организации не только устраивают акты террора, ведут боевые действия, но и настойчиво стараются вести вербовку в свои ряды новых боевиков, привлечь на свою сторону подрастающее поколение. Политическое руководство и народ России выступили с инициативой, которую поддержало всё прогрессивное человечество, по оказанию отпора и принятию решительных мер по борьбе с этой мировой угрозой, что отражено в приоритетных направлениях развития науки, технологий и техники, перечне критических технологий, утверждённых Указом Президента РФ от 16 декабря 2015 г. № 623, где на первом месте указана „безопасность и противодействие терроризму“. Кроме того, в указе Президента Российской Федерации от 1 декабря 2016 года № 642 „О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации“ в качестве одного из приоритетных и перспективных научно-технологических на-

правлений развития Российской Федерации обозначено „противодействие <...> терроризму и идеологическому экстремизму, <...> и иным источникам опасности для общества, экономики и государства”.

Представляется, что данная проблема является животрепещущей и для Сербии вследствие целого ряда внешних и внутренних причин, имеющих, в том числе, и историческую обусловленность.

Молодёжь в силу возрастных особенностей, таких как юношеский максимализм, противоречивость, проявляющаяся в отрицании авторитетов и повышенной восприимчивости к влиянию старших, стремлении выделиться и быть „таким как все” и др., может быть подвержена пагубному воздействию со стороны антиобщественных организаций и попасть под их отрицательное влияние. Следовательно, система высшего образования должна уделять особое внимание развитию качеств студентов, позволяющих им не только активно противостоять негативному воздействию экстремистских и террористических организаций, но и вовлекать других людей в антитеррористическую деятельность. Действенной мерой представляется организация педагогической работы по развитию гражданских качеств студентов вуза.

2. ИЗУЧЕНИЕ СОСТОЯНИЯ ПРОБЛЕМЫ В НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

В современной научной литературе проблема формирования гражданских качеств личности достаточно разработана. Многие авторы, например, Н. Г. Бибилова (Bibikova 2005), Н. В. Божко (Bozhko 2006) и др., рассматривают гражданские качества как ключевой компонент гражданственности – интегративной характеристики личности, интегрирующих её в социокультурное пространство нашего общества. А. П. Мягкова (Myagkova 2013) и др. реализуют компетентностный подход, включая гражданские качества личности в структуру гражданской компетентности. А. Ф. Абзалов (Abzalov 2006) и др. изучают данную проблему в контексте формирования гражданской позиции личности. Большинство авторов, в частности, М. О. Арапов (Arapov 2013), И.Н. Кондратенко (Kondratenko 2002), Э. И. Печерица (Pecheritsa 2011), С. В. Романова (Romanova 2008) и др., ограничиваются перечислением гражданских качеств личности, не предлагая вариантов их классификации.

Исследователи используют широкий спектр способов формирования качеств личности, а именно, средства отдельных дисциплин (Abzalov 2006); в рамках учреждений (Arapov 2013); при помощи различных видов образования (Bibikova 2005); средства воспитания (Pecheritsa 2011). Достаточно широко применяется средовой подход (Myagkova 2013; Slepova 2005).

Мы разделяем мнение учёных, которые, согласно основному принципу деятельностного подхода о развитии личности в деятельности, предлагают формировать качества личности в процессе осуществления различных видов деятельности: волонтерской (Arapov 2013); социально

значимой (Aladko 2009; Bozhko 2006; Sidorkina 2010; Tebenkova 2012); коммуникативной (Bunakova 2006); внеаудиторной (Burtseva 2005); культурно-досуговой (Гаронов 2007); поисково-краеведческой (Romanova 2008).

В данной работе гражданские качества студентов вуза исследуются как фактор профилактики и противодействия экстремизму и терроризму. Предполагается, что данные качества эффективно развиваются, если специально организовать привлечение студентов к выполнению социально значимой деятельности. Подобный подход позволяет изучить гражданские качества в контексте острой социально-политической проблемы современности, что, с одной стороны, подчёркивает значимость выбранной темы, с другой стороны, расширяет границы практического применения исследуемого феномена.

3. Определение понятий

Гражданские качества студентов вуза рассматриваются как качества, присущие гражданину. Под „гражданином” понимается „личность, обладающая собственным достоинством и самоуважением, убеждённо и ответственно владеющая своими правами и сочетающая в своей деятельности государственные, групповые и индивидуальные интересы, осознающая гражданскую ответственность за судьбу Отечества” (Abzalov 2006: 13). Гражданские качества реализуются в процессе осуществления учебно-познавательной, профессионально-трудовой, досуговой и общественно-политической видов деятельности, которые являются основными для студентов вуза (Soldatchenko 2015; Soldatchenko 2016). Гражданские качества студентов вуза проявляются в следующих аспектах: 1) ролевом; 2) функциональном; 3) культурологическом; 4) деятельностном; 5) аксиологическом. Свойствами гражданских качеств являются социальная направленность, социальная значимость, реализуемость в деятельности, приобретённость (Bunakova 2006: 11; Romanova 2008: 12–13).

В зависимости от сфер социального взаимодействия, в которых данные качества проявляются, базовый комплекс гражданских качеств студентов вуза разделяется на следующие группы: 1) учебно-познавательные качества: самостоятельность, прилежание, усердие, старательность, любознательность, пытливость, заинтересованность; 2) профессионально-трудовые качества: трудолюбие, дисциплинированность, творческая активность и инициативность, предприимчивость, деловитость; 3) семейно-бытовые качества: патернализм, человеколюбие, добропорядочность, сострадание, бескорыстие; 4) общественно-политические качества: патриотизм, мужество, героизм, национальное достоинство, лояльность конституционной власти, государству и стране, социально-политическая активность, гражданская убеждённость, коллективизм, интернационализм, бережливость.

Каждая из вышеперечисленных групп гражданских качеств студентов вуза выполняет определённую функцию в плане противодействия

экстремизму и терроризму, что позволяет рассматривать их в качестве весомого фактора предупреждения данных опасных явлений современной действительности, и определить их роль в противостоянии этим негативным тенденциям.

Учебно-познавательные качества реализуют функцию предупреждения возникновения экстремистских и террористических взглядов и настроений, поскольку данные качества способствуют осуществлению эффективной ориентации в жизни, помогают человеку осуществить выбор траектории индивидуального пути развития посредством приобретения и обогащения личного опыта и осознать ложность, неправильность, вредность и опасность, которые таит в себе экстремизм и терроризм.

Функцией профессионально-трудовых качеств является предупреждение распространения экстремистских и террористических взглядов и настроений. Данный эффект достигается за счёт того, что эти качества в известной степени обуславливают развитие внутренней мотивации и осознание возможностей для самореализации и самоактуализации в качестве компетентного специалиста, предоставляемые профессиональной сферой, и таким образом направляют потенциал личности в созидательное общественно полезное русло.

Защитная функция (пассивное противостояние экстремизму и терроризму) выполняется семейно-бытовыми качествами, за счёт того, что семейно-бытовые качества, в известной степени, связаны с обретением человеком жизненного смысла, осуществлением сознательного выбора, а также интериоризацией гуманистических ценностей и формированием на их основе индивидуальной системы общечеловеческих ценностей, что делает человека невосприимчивым к экстремистским идеям, удерживает от участия в деятельности антиобщественных организаций.

Наиболее значимую функцию осуществляют общественно-политические качества. Именно благодаря им личность способна оказывать противодействие (активное противостояние) экстремизму и терроризму. Это становится возможным за счёт того, что данные качества побуждают человека к сотрудничеству с правоохранительными органами, активному участию в деятельности законных общественных и политических организаций с использованием легитимных средств борьбы с экстремизмом и терроризмом, вовлечению других людей в антитеррористическую деятельность и борьбу с экстремизмом.

В контексте проводимого исследования социально значимая деятельность студентов вуза рассматривается как педагогическое средство становления их гражданских качеств с целью профилактики и противодействия экстремизму и терроризму. Таким образом, под социально значимой деятельностью студентов вуза понимается совокупность их добровольных, сознательных действий в качестве субъектов образовательного процесса, направленных на принесение пользы обществу и становление их социальной зрелости. В педагогическом процессе социально значимая деятельность студентов вуза выполняет следующие функции: 1) социализирующую, 2) развивающую; 3) кумулятивную; 4)

культурологическую; 5) преобразующую; 6) гармонизации; 7) мобилизующую; 8) ценностно-ориентирующую. Социально значимая деятельность студентов вуза обладает такими характеристиками, как 1) добровольность, 2) безвозмездность, 3) полезность, 4) социальная направленность (Aladko 2009; Pozdnyakova 2009; Tebenkova 2012).

В зависимости от областей осуществления определяются следующие виды социально значимой деятельности студентов вуза, соотносящиеся с группами гражданских качеств из базового комплекса: 1) учебная, 2) научно-исследовательская, 3) производственно-практическая, 4) спортивная, 5) художественная, 6) общественно-политическая.

Вышеперечисленные виды социально значимой деятельности реализуются в следующих формах: 1) учебная-практические, семинарские, лабораторные, факультативные занятия, лекции, предметные олимпиады и др.; 2) научно – исследовательская – конкурсы научных работ студентов, научные форумы, конференции, выставки, семинары и др.; 3) производственно-практическая – производственная практика, студенческие стройотряды, благоустройство, субботники и др.; 4) спортивная – спортивные олимпиады, соревнования, игры, конкурсы, секции, дни здоровья и др.; 5) художественная – фестивали, концерты, тематические вечера, КВН и др.; 6) общественно-политическая – социальное проектирование, акции, добротворчество, благотворительность, студенческое самоуправление, взаимодействие с общественными организациями и органами местного самоуправления, волонтерская деятельность, поисковая работа, вахта Памяти, военно-спортивные конкурсы, игры, соревнования, смотры и др. По количеству участников формы организации социально значимой деятельности студентов подразделяются на: 1) массовые, 2) групповые, 3) индивидуальные.

4. Методы и этапы

Процесс развития гражданских качеств студентов посредством их вовлечения в социально значимую деятельность строится на следующих принципах: 1) целостности, 2) самостоятельности, 3) индивидуальной ориентации, 4) продуктивного взаимодействия, 5) вариативности, 6) субъектности, 7) нарастающей трудности, 8) преемственности (Burtseva 2005; Garonov 2007; Sidorkina 2010).

Развитие гражданских качеств студентов посредством их вовлечения в социально значимую деятельность осуществляется в четыре этапа: диагностический, подготовительный, деятельностно-практический, рефлексивно-аналитический.

Целью диагностического этапа является выявление исходного уровня развития гражданских качеств студентов и их готовности к осуществлению социально значимой деятельности. На данном этапе используются методы анкетирования, фокус-групп, интервьюирования, КОС, метод незаконченных предложений, карточки-характеристики для самоидентификации, „индекс жизненной удовлетворенности”, „Карта

интересов”, экспресс-диагностика социальных ценностей личности, реализуемые в таких формах как практические, семинарские, лабораторные, факультативные занятия, лекции и др.

Целью подготовительного этапа выступает подготовка студентов к осуществлению социально значимой деятельности. На данном этапе применяются социальные методы и технологии: тренинги личностного роста, деловые и ролевые игры, метод анализа конкретных ситуаций (case study), социальные проекты, анализ достоинств, недостатков, возможностей и рисков (SWOT-анализ), технология самоконтроля и составления диагностических отчётов (SMART-анализ), PR-сопровождение, предполагающие использование следующих форм: лектории, беседы, диспуты, тематические передачи СМИ, встречи с деятелями культуры, экскурсии, музыкальные и литературные салоны, гостинные, тематические вечера, показы и др. (Garonov 2007; Burtseva 2005; Slepova 2005).

Деятельностно-практический этап ставит целью личностное самосовершенствование, проявляющееся в развитии гражданских качеств студентов. Методы формирования сознания личности (разъяснение, инструктаж, беседа, увещание, внушение, доклад, пример); методы организации социально значимой деятельности (педагогическое требование, общественное мнение, поручение, педагогические ситуации, взаимопомощь, социальные проекты); методы стимулирования социально значимой деятельности (соревнование, поощрение, наказание) задействуются на данном этапе. Вышеперечисленные методы реализуются в следующих формах: производственная практика, студенческие стройотряды, благоустройство, спортивные олимпиады, соревнования, игры, конкурсы, секции, дни здоровья, фестивали, концерты, тематические вечера, КВН, социальное проектирование, акции, добротворчество, благотворительность, студенческое самоуправление, волонёрская деятельность, поисковая работа, вахта Памяти, военно-спортивные конкурсы, игры, соревнования, смотры и др. (Burtseva 2005; Garonov 2007; Slepova 2005).

Целью рефлексивно-аналитического этапа является интерпретация полученных результатов, для чего применяются рефлексивные методы: рефлексивные вопросы, схематизаций, групповой обмен впечатлениями, заверши фразу, заключительная дискуссия, звезда сбывшихся ожиданий, итоговый круг, лотерея плюс – минус и такие организационные формы как практические, семинарские, лабораторные, факультативные занятия, лекции и др.

5. Обсуждение результатов

Достижению поставленной цели по становлению у студентов гражданских качеств как фактора профилактики и противодействия экстремизму и терроризму посредством массового вовлечения их в социально значимую деятельность способствует ряд организационных особенностей данного процесса: 1) последовательность, проявляющаяся в том,

что вовлечение студентов в социально значимую деятельность реализуется в четыре этапа на разных уровнях (межличностном, групповом, корпоративном, институциональном, массовом) и сферах (учебно-познавательной, профессионально-трудовой, семейно-бытовой, общественно-политической) взаимодействия посредством актуализации совокупности связей: „преподаватель – студент”; „студент – студент”, „родитель – студент”; „администрация вуза – студент”; „представители местного самоуправления – студент”; „представители общественности, студенческих и молодёжных организаций – студент”; 2) системность, подразумевающая выделение определённой структуры процесса массового вовлечения студентов в социально значимую деятельность для развития их гражданских качеств и взаимосвязей между её компонентами (цели, задачи, этапы, методы, формы, принципы); 3) индивидуализация, достигаемая посредством прокладывания индивидуальных маршрутов движения студентов в ходе развития их гражданских качеств в социально значимой деятельности; 4) комплексное педагогическое влияние на различные стороны сознания (мотивационную, когнитивную, эмоциональную и деятельно-практическую) и направленности (целевую, содержательную и процессуальную) личности студента при помощи соответствующих средств (побуждение, слово, образ, действие, рефлексия) и методов (формирования сознания личности, организации и стимулирования социально значимой деятельности); 5) актуализации педагогического потенциала обучающихся при помощи обучения их методам самоорганизации, самостимулирования и рефлексивным методам.

Итак, в ходе исследования определены этапы, принципы, методы и организационные формы вовлечения студентов вуза в социально значимую деятельность для становления гражданских качеств как фактора профилактики и противодействия экстремизму и терроризму. Дальнейшая разработка темы может осуществляться по следующим направлениям: рассмотрение гражданских качеств в рамках различных структурных компонентов личности, определение базового комплекса гражданских качеств для разных категорий обучающихся, поиск более эффективных методов, средств и организационных форм развития гражданских качеств и организации социально значимой деятельности, выявление её специфики применительно к различным категориям обучающихся, выявления альтернативных факторов, способов и условий профилактики и противодействия экстремизму и терроризму.

Литература

Abzalov 2006: Абзалов А. Ф. *Педагогические условия формирования гражданской позиции у студентов вузов в процессе изучения дисциплины „Безопасность жизнедеятельности”*, автореферат диссертации... канд. пед. наук, Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург.

- Aladko 2009: Аладко О. И. *Система массового вовлечения школьников во внеурочную социально значимую деятельность*, автореферат диссертации... канд. пед. наук, Институт развития образовательных систем, Томск.
- Arapov 2013: Арапов М. О. *Взаимодействие деятельности учреждений культуры и волонтерского движения по воспитанию гражданских качеств молодежи*, автореферат диссертации... канд. пед. наук; Московский государственный университет культуры и искусств, Москва.
- Bibikova 2005: Бибикова Н. Г. *Экологическое образование обучающихся как средство формирования гражданственности*, диссертация... канд. пед. наук, Ставропольский государственный университет, Ставрополь.
- Bozhko 2006: Божко Н. В. *Воспитание гражданственности подростков в процессе социально значимой деятельности общественного экологического объединения*, автореферат диссертации... канд. пед. наук; Сургутский государственный педагогический университет, Сургут.
- Bunakova 2006: Бунакова Т. А. *Педагогические условия формирования социально – значимых качеств личности студентов в процессе межкультурной коммуникации*, автореферат диссертации... канд. пед. наук; Костромской государственный университет имени Н. А. Некрасова, Кострома.
- Burtseva 2005: Бурцева Т. А. *Формирование социально-значимых качеств личности студента во внеаудиторной деятельности вуза*, автореферат диссертации... канд. пед. наук, Костромской государственный университет имени Н. А. Некрасова, Кострома.
- Garonov 2007: Гапонов И. О. *Формирование социально значимых качеств личности курсантов военного вуза в культурно-досуговой деятельности*, автореферат диссертации... канд. пед. наук, Костромской государственный университет имени Н. А. Некрасова, Кострома.
- Kondratenko 2002: Кондратенко И. Н. *Развитие гражданских качеств учащихся в процессе освоения религиозных знаний в курсах истории и обществознания*, диссертация... канд. пед. наук, Государственный научно-исследовательский институт семьи и воспитания, Москва.
- Muagkova 2013: Мягкова А. П. *Формирование гражданской компетенции у старшеклассников в воспитательном пространстве современной средней общеобразовательной школы*, автореферат диссертации... канд. пед. наук, Московский государственный университет имени М. А. Шолохова, Москва.
- Pecheritsa 2011: Печерица Э. И. *Формирование гражданских качеств подростков средствами поликультурного воспитания в учреждении дополнительного образования*, автореферат диссертации... канд. пед. наук, Томский государственный педагогический университет, Томск.
- Pozdnyakova 2009: Позднякова Т. Ю. *Общественная оценка социально значимой деятельности современной школы*, автореферат диссертации... канд. пед. наук, Омский государственный педагогический университет, Омск.
- Romanova 2008: Романова С. В. *Формирование у учащихся сельских школ гражданских качеств в процессе поисково – краеведческой работы в музее*, автореферат диссертации... канд. пед. наук, Чувашский государственный педагогический университет имени И. Я. Яковлева, Чебоксары.
- Sidorkina 2010: Сидоркина С. Л. *Формирование социальной ответственности у подростков посредством социально значимой деятельности*, авторе-

- ферат диссертации... канд. пед. наук, Нижегородский государственный архитектурно – строительный университет, Нижний Новгород.
- Slepova 2005: Слепова Н. Ю. Развитие социально значимой деятельности старшеклассников в современном социокультурном пространстве, автореферат диссертации... канд. пед. наук, Казанский государственный университет имени В. И. Ульянова – Ленина, Казань.
- Soldatchenko 2015: Солдатченко А. Л. Реализация принципов интегративного подхода к построению модели социальной зрелости студентов вузов, *Вестник Южно – уральского государственного университета*. Серия „Образование. Педагогические науки”, 2015, Т. 7, № 4, 26 – 32.
- Soldatchenko 2016: Солдатченко А. Л., Харитонова С. В. Развитие гражданских качеств студентов посредством вовлечения в социально значимую деятельность, *Вестник Южно – уральского государственного университета*, Серия „Образование, Педагогические науки”, 2016, Т. 8, № 4, С. 52 – 58.
- Tebenkova 2012: Тебенькова О. Б. *Становление ценностных ориентаций подростков в социально значимой деятельности профильного объединения художественно – эстетического направления*, автореферат диссертации... канд. пед. наук, Забайкальский государственный гуманитарно – педагогический университет имени И. Г. Чернышевского, Чита, 2012.

**Alexander L. Soldatchenko,
Svetllana V. Kharitonova,
Olga Y. Koltsnikova**

DEVELOPMENT OF SERBIAN AND RUSSIAN STUDENTS’ CIVIL QUALITIES AS A MEANS OF PREVENTION OF EXTREMISM AND TERRORISM

Summary

The topicality of the issue is determined by the government’s course towards the consolidation and unity of Serbian and Russian societies on the basis of the constitutional law-governed state, while both countries are strengthening their positions on the international scene and playing a leading role in the fight against terrorism. The paper implies that the system of higher education should train not only qualified specialists, but also educate citizens who are able to defend their motherland, subordinate their own needs to the needs of the country, be loyal to the legitimate authority, consciously and effectively resist negative influence of extremist and terrorist organizations. Such people never submit to the provocations of extremists and terrorists. They are active citizens who stand their ground in the fight against extremism and terrorism.

This article studies how to organise the process of development of students’ civil qualities in Serbian and Russian universities in order to prevent extremism and terrorism. To achieve this goal a number of tasks should be performed: 1) to define the term “students’ civil qualities”; 2) to determine the cluster of basic students’ civil qualities; 3) to determine the role of students’ civil qualities in prevention of extremism and terrorism; 4) to determine pedagogical means of effective development of students’ civil qualities. Comparative analysis of pertinent literature lets us determine the basic cluster of students’ civil qualities, their role in prevention of extremism and terrorism, types, forms and functions of students’ socially significant ac-

tivity, stages, methods, organisational forms and principles of engaging students into socially significant activity in order to develop their civil qualities. The results can be used to specify students' civil qualities, to formulate the pedagogical conditions of their formation and to prevent young people from being involved with extremist and terrorist organizations.

Keywords: students' civil qualities, the cluster of basic students' civil qualities, socially significant activity, socially significant activity of university students, prevention of extremism and terrorism

Примљен 6. маја 2017. године
Прихваћен 28. августа 2017. године

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Абрамзон Татьяна Евгеньевна¹
*Магнитогорский государственный
 технический университет им. Г.И. Носова
 Институт гуманитарного образования
 Кафедра языкознания и литературоведения*

Рудакова Светлана Викторовна
*Магнитогорский государственный
 технический университет им. Г.И. Носова
 Институт гуманитарного образования
 Кафедра языкознания и литературоведения*

ПРОБЛЕМА ПОЭТИЧЕСКОГО ПЕРЕВОДА (А.А. АХМАТОВА И СЕРБСКИЕ ПОЭТЫ)

В статье исследуется проблема художественного перевода, рассмотренного как средство межкультурного диалога, способного сблизить разные народы, сравниваются взгляды поэтов и ученых (прежде всего XIX и XX веков), занимавшихся вопросами перевода поэтических текстов. Предлагается объяснение противостояния позиций двух групп исследователей, с одной стороны, признающих возможность поэтического перевода, а с другой – не верящих в это. В статье осмысливается разность подходов к переводческой деятельности, выявляются основные принципы, которыми руководствуются в своей практике поэты-переводчики. Рассматривается вопрос о русско-сербских и сербско-русских поэтических переводах. Подчеркивается все возрастающий интерес с российской стороны к творчеству сербских лириков. Обозначен основной круг русско-сербских и сербско-русских переводчиков, охарактеризовано место А. А. Ахматовой в этом ряду. В данном ракурсе рассмотрен вопрос относительно неоднозначного отношения самой Ахматовой к собственной переводческой деятельности. Исследована поэтика перевода Ахматовой произведения сербского эпоса „Хасанагиница“, выявлено, что сближает и что отличает текст Ахматовой от переложения сербского эпоса, что создано было А. С. Пушкиным, и перевода эпоса сербского народа, что был выполнен Н. А. Заболоцким. Рассмотрены особенности переводов Ахматовой стихотворений Десанки Максимович. Выявлена особенная близость Ахматовой художественных образов, интонаций Д. Максимович, которую нередко называли сербской Ахматовой.

Ключевые слова: поэтический перевод, Ахматова-переводчик, Сербия, „Хасанагиница“, Десанка Максимович, поэтика перевода.

¹ ate71@mail.ru

1. Проблема поэтического перевода

Проблема перевода в современном многоязычном мире с разнообразными культурами сохраняет свою актуальность. Несмотря на то, что в сфере международных отношений и деловой коммуникации активно используется английский язык, национальные литературы создаются на языке своего народа. И потому по-прежнему велико значение хорошего художественного перевода, способного создать мост между разными культурами, сблизить народы, помочь им в процессе такого культурного диалога лучше понять друг друга и взаимообогащаться. При этом самым сложным был и остается перевод поэтический. Лирика – мир загадочный, здесь царит ассоциативно-метафорическая образность, отличающаяся смысловой многомерностью. Потому и анализировать, и переводить поэзию оказывается делом архисложным. От переводчика требуется не только хорошее знание языка, культуры, истории, обрядовой стороны жизни как своего народа, так и того, произведения автора которого он собирается переводить; он должен понимать специфику национального характера и своеобразие ментальной картины мира народа, к творчеству поэта которого он решает обратиться. Кроме того, переводчик должен знать, а также чувствовать особенности индивидуального мира поэта, чтобы угадать и правильно передать своему читателю те художественные образы и мысли, что были представлены в исходном тексте. Как верно заметил А. Базилевский: „Переводчик поэзии не толмач, не бесстрастный транслятор: он перелагает, пересказывает, «перепевает» (сказали бы сербы) иной образный мир на язык своей души” (Bazilevsky 2015: 53). Поэт работает скорее не с эмпирическим, а почти мистическим материалом, проникая в сферу духа, сознания, заглядывая в суть вещей явлений, жизни, интуитивно постигая тайны мироздания, прозревая до многих истин человеческого бытия. Но откровения тайн – состояние неустойчивое, загадки, если и отрываются, спешат поскорее исчезнуть, заставив человека столкнуться с еще большей тайной. Путь, что проходит поэт, создавая свои творения, должен быть в той или иной форме пройден и переводчиком, чтобы он сумел уловить не рациональную, а образно-метафорическую логику художественного текста. Эти и многие другие вопросы становятся основой дискуссий для исследователей, собирающихся на различных конференциях, обсуждались данные проблемы и на IV Международном конгрессе переводчиков художественной литературы «Литературный перевод как средство культурной дипломатии», проходившем в сентябре 2016 г. в Москве.

1.2. Взгляды русских поэтов на проблему поэтического перевода

В русской литературе о сложности поэтического перевода стали задумываться и посвящать этому вопросу серьезные работы уже в начале XIX век. Так, В. А. Жуковский, большая часть наследия которого – переводы или вольные переложения зарубежных авторов, признавался: „Пе-

реводчик в прозе есть раб; переводчик в стихах – соперник” (Zhukovsky 1960: 410). В своей работе „О басне и баснях Крылова” он задался вопросом, каковы принципы перевода поэзии с одного языка а другой. И выдвинул предположение, что есть переводчики – подражатели, то есть буквально воспроизводящие текст иноязычного автора на своем языке, подобные тексты оставляют читателя равнодушным. И только оригинальный поэт „воспламеняется идеалом, который находит у себя в воображении” и создает такие переводы, которые волнуют, будоражат читателя” (Zhukovsky 1960: 410). Соответственно для Жуковского в переводе важнее всего оказывается не точность выражений, а схожесть эмоционально-образного ряда, мощь воображения и близость идей.

Интересно, что спустя более ста лет практически той же позиции будет придерживаться и Б. Л. Пастернак, утверждавший: „Наравне с оригинальными писателями переводчик должен избегать словаря, не свойственного ему в обиходе, и литературного притворства, заключающегося в стилизации. Подобно оригиналу, перевод должен производить впечатление жизни, а не словесности” (Pasternak 1990: 176). Поэт вслед за Жуковским выражает убеждение, что главное в переводе не буквальное следование тексту оригинала: „Такие переводы не оправдывают обещания. Их бледные пересказы не дают понятия о главной стороне предмета, который они берутся отражать, – о его силе” (Pasternak 2001), а умение ухватить в переводимом стихотворении нечто, что заденет тебя за живое, всколыхнет в тебе чувство, и ты, уловив это, сумеешь отразить в новом создаваемом тексте.

Иная установка относительно поэтического перевода формулируется П. А. Вяземским, в корне не согласным с позицией Жуковского, при том, что творчество этого автора вызывало у Вяземского восторг и заставляло воспринимать его как одного из ярких представителей ему современной литературы. В своей статье „Адольф. Роман Бенжамен-Констана. От переводчика” Вяземский заявляет: „Есть два способа переводить: один независимый, другой подчиненный. Следуя первому, переводчик, напивавшись смыслом и духом подлинника, переливает их в свои формы; следуя другому, он старается сохранить и самые формы, разумеется, соображаясь со стихами языка, который у него под рукою. Первый способ превосходнее, второй невыгоднее; из двух я избрал последний. <...> Отступления от выражений автора, часто от самой симметрии слов казались мне противоестественным изменением мысли его” (Vyazemskij 1886: 10-11). Вяземский придерживается принципа буквального следования за текстом оригинала – на уровне языка, синтаксиса, образов, композиции.

Уже с первой половины XIX века в России начинают активно формироваться две основные тенденции по созданию поэтического перевода. Первая связана с установкой поэтов-переводчиков передать „букву” переводимого текста, создать текст максимально точный стилистике, смыслу, лексическому своеобразию исходного произведения. Вслед за П. А. Вяземским этой линией в своем творчестве будут придерживаться

Н. И. Гнедич, А. А. Фет, В. Я. Брюсов, М. Л. Лозинский. Второй подход к поэтическому переводу определяется желанием передать „дух” оригинального исходного произведения и связан с проявлением достаточной свободы в работе с ним. Эта позиция близка не только В. А. Жуковскому, но и А. С. Пушкину, М. Л. Михайлову, Ф. И. Тютчеву, В. И. Иванову, А. А. Блоку и др.

Но такое распределение авторов по группам должно восприниматься как определенная условность, так как многие из этих поэтов демонстрировали и не раз противоречивое отношение к связи чужого и своего слова, осознавая сложность переводческого труда. Так, В. Я. Брюсов, переведший на язык русской поэзии за свою творческую жизнь множество стихотворений латинских, французских, английских, армянских, еврейских, порой с грустью осознавал, что работа его скорее всего бесплодна, ибо „передать создание поэта с одного языка на другой — невозможно; но невозможно и отказаться от этой мечты” (Вгусов 1955: 185).

Были и другие поэты, которые, например, подобно поэтам-искровцам хотели привнести в иноязычный текст в процессе его перевода на русский язык социальные реалии современной им России, или подобно Пастернаку, казалось бы, принимающего формулу Жуковского относительно взаимодействия поэта и переводчика, хотели, чтобы в переводе читатель увидел и почувствовал что-то ему близкое на уровне национальной ментальности, потому стремились вписать переводимое произведение в контекст отечественной словесности.

2. Круґ русско-сербских и сербско-русских поётов и их переводчиков

Диалог между русской и сербской литературой имеет давние традиции и обусловлен близостью наших народов, общностью некоторых духовных констант, определяющих некоторую схожесть национальных картин мира.

В современном российском культурном пространстве все заметней растет интерес к сербской культуре, особенно к поэзии. Подтверждение тому – издание нескольких сборников с произведениями сербских поэтов в XXI в. (Антология 2004–2008; Сербские поэты 2011).

Если говорить об истории русско-сербского и сербско-русского перевода, то она насчитывает уже более двухсот лет. В Сербии за это время сформировалась не одна плеяда блестящих переводчиков, открывших для своего читателя мир русской поэзии, показавших всю его сложность, красоту и уникальность, познакомивших с произведениями авторов, которых можно считать знаковыми фигурами русской культуры. Назовем тех русских поэтов, чьи произведения для сербского читателя оказались особенно интересны, и переводчиков, благодаря творчеству которых эти автора стали столь популярны в Сербии: А. С. Пушкин (Й. Йованович-Змай, В. Илич, М. Якшич, Й. Дучич, М. Данойлич, З. Костиц, М. Павич, Л. Симович), М. Ю. Лермонтов (Й. Йованович-Змай, В. Илич,

М. Якшич, Й. Дучич, З. Костич, М. Сибинович), К. Н. Баттюшков (Л. Симович), П. А. Вяземский (Л. Симович), И. А. Крылов (М. Якшич), Ф. И. Тютчев (Й. Дучич, Л. Симович, И. Яничевич, Л. Захаров), А. А. Фети (Л. Симович, И. Яничевич, Л. Захаров), В. Я. Брюсов (Б. Милькович, М. Табакович), А. Белый (Б. Милькович), А. А. Блок (Б. Милькович), В. В. Маяковский (Б. Милькович), С. А. Есенин (Н. Бертолино, М. Живанчевич, Д. Киш, С. Маркович, В. Николич, М. Топич), М. И. Цветаева (Д. Максимович, Д. Киш), О. Э. Мандельштам (Б. Милькович, Д. Киш), А. А. Ахматова (Д. Максимович, С. Раичкович, Д. Киш), М. Алигер (Д. Максимович), Б. Л. Пастернак (М. Данойлич, Б. Милькович, С. Маркович), Н. А. Заболоцкий (М. Данойлич), Л. Н. Мартынов (Б. Милькович), А. А. Вознесенский (М. Бечкович, Б. Петрович), И. А. Бродский (М. Данойлич)...

Не менее впечатлителен список имен сербских поэтов, открытых для российской публики нашими переводчиками. Вот лишь несколько авторов из этого ряда, самых известных не только в Сербии, но и в России, данных в соотношении с теми, кто перевел их на русский язык: Б. Раичевич (А. А. Ахматова, А. Б. Базилевский, М. А. Базалевский, И. Бикинеева, Е. М. Винокуров, Ж. Б. Перковская, Б. Н. Роман, В. В. Чарский), Й. Йованович-Змай (З. Н. Александрова, А. А. Ахматова, А. Б. Базилевский, М. Ивенсен, Е. Курелла, С. Я. Маршак, А. Сурков, И. Френкель, Л. Яхнин), А. Шанйич (П. Семьнин, В. Звягинцева, В. Потапова), Д. Максимович (А. А. Ахматова, Б. А. Ахмадулина, М. И. Алигер, А. Б. Базилевский, И. А. Бродский, В. Ваксмахер, В. В. Виноградов, Е. Е. Гродская, Н. В. Горская, В. М. Инбер, В. Конов, Н. М. Кореневская, А. П. Ладинский, Ю. М. Лощиц, Л. Н. Мартынов, М. Павлова, М. Петровых, Д. С. Самойлов, Б. А. Слуцкий, Н. В. Стефанович, В. М. Тушнова, А. Шаропова, С. И. Щеглов), С. Маркович (А. Б. Базилевский, М. И. Вирта, А. А. Парпара, Ж. В. Перковская, В. В. Чарский), О. Давичо (Ю. П. Мориц, М. Павлова, Ю. Д. Левитанский), В. Попа (М. И. Алигер, А. Б. Базилевский, В. П. Бурич, М. Л. Карасёва, Н. А. Кореневская, М. П. Кудинов), С. Раичкович (А. Б. Базилевский, А. С. Кушнер, В. И. Кочетков, Г. М. Кружков, М. Петровых, Ю. Д. Левитанский, Ю. Б. Покровская, А. М. Ревич, И. М. Числов, О. Чухонцева), В. Милошевич (А. Б. Базилевский, Ю. Д. Левитанский), Д. Киш (В. Бацунов, А. Б. Базилевский, А. Романенко, Л. С. Семенов), М. Алечкович (А. Б. Базилевский, Н. В. Горская, А. Глуховский, Т. Жирмунская, Р. Ф. Казакова, М. Л. Карасёва, В. Корчагин, В. Г. Куприянов, Ю. П. Мориц, Б. А. Слуцкий, В. В. Чарский), Й. Дучич (А. Б. Базилевский, В. И. Кочетков, Ю. Б. Покровская, В. А. Потапова, Е. Л. Таубер, И. В. Чивилихин, С. И. Штейн), Л. Симович (А. Б. Базилевский, С. С. Куняев, В. В. Осипов, Ж. В. Перковская, Е. В. Полянская, В. Д. Цыбин, В. В. Чарский, И. М. Числов), Б. Петрович (А. Б. Базилевский, Т. Ю. Врубель, Г. С. Куренев, А. В. Осмоловский, А. О. Семёнова, Й. Я. Станишич, В. В. Чарский), М. Данойлич (А. Б. Базилевский, Е. М. Волкова, А. В. Осмоловский) и др.

Если проанализировать этот далеко неполный список имен поэтов и их переводчиков и обратиться к самим переводам, то обнаруживается очевидная закономерность – самые яркие, тонкие переводы созда-

вались прежде всего не профессиональными переводчиками, а именно поэтами. Важно и то, что этот внушительный, но далеко не полный список авторов и переводчиков с российской и сербской стороны говорит о мощном тяготении двух народов к друг другу, о желании вести диалог межличностный и межнациональный, о наличии между нашими культурами некоей незримой связи, которую удастся прочувствовать и передать в дыхании поэзии именно переводчикам. Как видим, в описанном ряду поэтов и переводчиков, связанных с Сербией, место А. А. Ахматовой не самое выдающееся. Но это то, что касается количественного показателя, в качественном же отношении все обстоит несколько иначе. Её сербские переводы были высоко оценены уже современниками, да и сама Ахматова с особым теплом отзывалась именно о своих переводах сербской поэзии.

3. Отношение А. А. Ахматовой к переводческой деятельности

Специально к вопросу о переводческой деятельности Ахматовой в настоящий момент обращались немногие исследователи, в их числе Г. П. Козубовская, Е. В. Малышева (Kozubovskaya, Malysheva 1998), Ф. Т. Найфонова (Найфонова 2014), хотя многие в своих работах по творчеству этого поэта отмечают, что в наследии данного автора переводам отведено значительное место.

Исследователи творчества А. А. Ахматовой отмечают, что в ее до-революционной поэзии, кроме перевода стихотворения Р. М. Рильке „Einsamkeit” (в переводе „О святое мое одиночество – ты! ”), больше работы с чужим текстом в таком аспекте мы не находим. Основной корпус переведенных поэтических произведений Ахматова создает уже в послевоенное время. Обращение поэта к переводам обусловлено многими факторами, одной из важнейших причин можно считать запрет на публикацию, последовавший после того, как в 1946 году было напечатано Постановление оргбюро ЦК ВКП(б) „О журналах „Звезда” и „Ленинград””, в котором относительно лирики Ахматовой звучало утверждение-обвинение в том, она представляла чуждую светскому народу безыдейную поэзию (См.: Доклад т. Жданова о журналах „Звезда” и „Ленинград”, Правда, 1946, №225 (10307)). Но запрет касался публикации собственных стихотворений поэта (об этом впоследствии рассказывала сама Ахматова). Соответственно „чужой голос”, чужое слово”, к которому вынужден был обратиться поэт, давали шанс не только заработать на жизнь, но и прорвать „зону молчания”, обрести возможность говорить с читателям, пусть и не от своего лица, а спрятавшись за другим поэтом, выражая ту боль, ту надежду, что жили в сердце, заставляя страдать, но не давая впасть в отчаяние.

Известно, что Ахматова создала поэтические переводы ста пятидесяти авторов, писавших стихи на семидесяти восьми языках. Она не была полиглотом, хотя несколько языков знала хорошо – французский, немецкий, итальянский, а также латинский и английский. Помогали ей

найти первоначальную тропу к тексту подстрочники, что делали для нее переводчики. Она не стыдилась этого, более того убеждена была в том, что любому, кто работает в поэзии без этого средства не обойтись: „Мы все переводим с подстрочника. Тот, кто знает язык оригинала, на какой-то стадии все равно видит перед собой подстрочник” (Ахматова без глянца 2007). Но эта словесная подсказка скорее создавала абрис стиха, чем раскрывала его смысл, она намекала, но не обнажала тайну того, о чем размышлял создатель поэтического текста. Очень выразительно этот инструмент поэтического перевода охарактеризовал другой поэт-переводчик, представляющий культуру советской России середины XX века Н. А. Заболоцкий: „Подстрочник подобен развалинам Колизея. Истинный облик постройки может воспроизвести только тот, кто знаком с историей Рима, его бытом, его обычаями, его искусством, развитием его архитектуры. Случайный зритель на это не способен” (Zabolotsky 1956: 197). Ахматова, набираясь опыта у М. Л. Лозинского, Б. Л. Пастернака, которые давали ей, если так можно выразиться, первые уроки работы с чужим текстом: учили её сначала видеть целое, а затем уже из деталей создавать полотно своего перевода, нашла свой собственный подход к процессу переводу. Иногда ей не хватало того материала, что был представлен в дословном переводе, и тогда она просила прочесть на языке оригинала стихотворение, взятое ею в работу, чтобы почувствовать его вибрацию, услышать музыку, лучше понять ту сокровенную эмоцию, что хотел в своем произведении отразить автор.

Удивительно сложно отношение Ахматовой к переводам, как чужим, так, в первую очередь, собственным. Ахматова признавалась, что переводческая деятельность серьезна, сложна и благородна. Но при этом осознавала губительную мощь переводов, ибо, становясь профессиональным переводчиком, человек начинает писать чужие стихи, думать, как другой, и может, как Лозинский, увлекшись переводами, окончательно оставить собственное поэтическое творчество.

4. Ахматова и сербская поэзия

Следует сказать, что, несмотря на огромное количество переведенных поэтических текстов (исследователи насчитали более 20000 строк, написанного Ахматовой – переводчицей) разных авторов с разных языков, по-особенному Ахматова ценила свои переводы именно сербской поэзии.

Ряд современников А. Ахматовой утверждают, что, несмотря на нелегкое материальное положение поэта, она, имеющая на определенном этапе жизни в качестве единственного дохода переводческую деятельность, делилась работой с теми, кто в ней нуждался еще более, чем она. Подписывая чужие переводы своим именем, она позволяла коллегам по цеху заработать чуть больше. Потому, по мнению многих современников поэта, в частности, об этом говорит А. Г. Найман, её литературный секретарь, Ахматова-переводчик, „когда речь идет о поэтических пере-

водах, – это коллективный псевдоним шести, возможно, семи переводчиков, одним из которых была сама Анна Ахматова” (Анна Ахматова).

И как выясняется, не все сербские переводы, которые традиционно связывают с именем Ахматовой, принадлежат ей. Так, в своих воспоминаниях о совместной деятельности с Ахматовой Н. И Харджиев (Khardzhiyev 1992), заявляет, что из пяти текстов, вошедших в качестве переводов Ахматовой сербского эпоса, два выполнены им – это „Пир у князя Лазаря”, „Смерть матери Юговичей”. Относительно других произведений Ахматовой, связанных с сербскими переводами, никто из работающих с нею ни при ее жизни, ни после её смерти не высказал сомнений в авторстве.

Из всего многообразия сербской поэзии для себя Ахматова выделила лишь 4 образа-магнита, что притягивали её внимание: это сербский эпос (она переводит 3 поэмы – „Хасанаганица”, „Молодая Милошенка и мать Юговичей”, „Омер и Мейрима”), 3 трагических произведения сербского романтика Бранко Радичевича („Бедная возлюбленная”, „Перед смертью”, „Гойко”), циклы „Розы” и „Увядавшие розы” Йована Йовановича – Змайя, посвященные безвременно ушедшей из жизни жене, и произведения Десанки Максимович (широко известны 7 ахматовских переводов данного автора – „Снится мне”, „Страх”, „Зимним днём”, „Счастье”, „Вечер”, „Усталость”, „Вещь”).

Из трех текстов из сербского эпоса, переведенных Ахматовой, самое сильно впечатление производит поэма „Хасанаганица”. Сербский эпос впервые был собран и представлен широкому читателю в сборнике, опубликованном в 1814 году. Эта работа была проделана известным сербским фольклористом Вуком С. Караджичем (в последующее собиранию и публикации сербских песен он посвятит жизнь), и сборник стал известен не только в стране автора, но и за ее пределами. Так, в России, начиная с 1820 года, стали появляться критические заметки или поэтические переложения этого произведения. Среди первых, кто попытался для русского читателя открыть мир сербского эпоса, был А. Х. Востоков (как теоретик) и А. С. Пушкин (как лирик). В последующем среди переводчиков сербского эпоса оказались и такие поэты, как Н. В. Берг, П. В. Киреевский, Н. Ф. Щербина, А. Н. Майков, Н. М. Гальковский, М. А. Зенкевич, А. Ахматова, Д. Самойлов, Н. А. Заболоцкий, Б. А. Слуцкий, М. В. Исаковский...

Но в данном ряду знаковыми остаются три фигуры – А. С. Пушкин, Н. А. Заболоцкий, А. А. Ахматова. Первый – автор вольного переложения, в котором исходный текст становится скорее стимулом к созданию чего-то принципиально нового в творчестве. В „Песнях западных славян” Пушкина, написанных по мотивам сербского эпоса, соединяется романтическая стихия, фольклорное начало, индивидуально-авторское сопрягается с сознанием иного человека, иной культуры. Пушкина захватывают сюжеты о гордых, сильных людях, поставленных в трагические обстоятельства, когда они вынуждены принять только одно из двух решений – убить или быть убитым, сдаться или биться до послед-

него. Отталкиваясь от увлекшего его первоисточника, Пушкин создает парадоксальное произведение – он рассказывает о свободных духом людях, которые живут и действуют в мире тотальной, абсолютной несвободы и предопределенности.

Н. А. Заболоцкий создает самый объемный по количеству переведенных строк русскоязычный вариант сербского эпоса. Но значимость труда этого автора не только в этом. Вслед за Пушкиным он увлекается созданием особых сербских характеров, мощных, неукротимых, сражающихся за свободу своей страны. В отличие от Пушкина, Заболоцкий в своем переводе стремится не к выражению своего авторского „Я”, затмевающего оригинальный текст, он ставит перед собой задачу передать и дух, и очарование, и стилистику, и звучание сербского текста. Образ королевича Марко оказывается центральным героем в переведенном Заболоцким цикле, по своей яркости, масштабности он сопоставим и с фольклорными героями русского эпоса (например, Ильей Муромцем), и с героем „Песни о Нибелунгах” Зигфридом. Можно утверждать, что Заболоцкому удалось передать эпический размах переведенного произведения сербского эпоса.

Однако, оказавшись в такой компании, поэма Ахматовой „Хасангиница” не только не потерялась, но заняла достойное место и в творчестве самого поэта, и в сфере переводной литературы, и в контексте отечественной словесности.

Уже сам выбор этого произведения из мира сербского эпоса дает возможность увидеть, чем сознательно или подсознательно руководствуется поэт, останавливая свое внимание на том, или ином иноязычном тексте. Ахматова ориентируется на те мотивы, образы, которые оказываются в той или иной форме созвучны ее видению мира, которые позволяют ей, опираясь на образный ряд и логику другого автора, высказать какие-то волнующие её саму мысли. Биографический метод, пусть иногда в подтексте, но все же обнаруживается при анализе многих переводов Ахматовой, выполненных по велению сердца (а сербские переводы именно таковые), а не под давлением исключительно внешних обстоятельств.

В отличие от Пушкина и Заболоцкого, Ахматова, обращаясь к сербскому эпосу, выбирает сюжет, где главным художественным образом оказывается женщина, а основой повествования – ее трагическая судьба. В переводной поэме Ахматовой получают переосмысление известная в мусульманской среде, живущей правилами шариата, традиция, по которым муж в любой момент, когда ему вздумается, без проволочек волен развестись с женой, если посчитает, что она не соответствует его требованиям, а значит он может выгнать её из дома, лишит права общения с детьми, отправив обратно к родителям.

При этом ни её судьба, ни чувства детей в расчет не берутся.

Для Ахматовой, как нам представляется, эта история оказалась странно притягательной, так как в ней причиной цепи драматических

событий становятся недомолвки, рождающие недопонимание, предопределяющее в конечном итоге трагическую развязку.

Недомолвки, неверное, обидное слово, становящееся причиной расставания, трагичное восприятие жизни, душевные муки, что испытывает женщина, ощущающая, как почва уходит из-под ног, когда она осознает, что любимые ею человек её оставляет – все это мотивы любовной поэзии Ахматовой. Героиня ранней лирики Ахматовой, тяжело переживающая расставание с любимым, испытывает состояние, как ей казалось, похожее на умирание, угасание её души и тела. „Уйдешь, я умру”, – бросает героиня Ахматовой своему любимому, когда осознает, что он уходит ... и навсегда. Но не умерла, нашла в себе силы жить дальше. Обратившись к сербской истории, Ахматова показывает, что сердце женщины может как-то смириться с разрывом, произошедшим между нею и мужем, но принять факт разрыва отношений с детьми она не в состоянии. Ахматова скупое, как диктует ей фольклорный текст, передает отчаяние женщины, то, что понятно любому человеку, но не очевидно близким людям героини.

Обратившись к переводу „Хасанагиница”, Ахматова создала не менее величественный характер, чем те, что показывали своим читателям Пушкин и Заболоцкий. Обращаясь к иной культуре, иным обрядам, поэт изобразил такой женский образ, который не может оставить равнодушным никого.

Но, пожалуй, самым значимым в творчестве Ахматовой стал её опыт перевода стихотворений Д. Максимович. Между этими женщинами – и в их судьбах, и в их взглядах на жизни, и восприятии их окружающими – есть нечто неуловимо и одновременно очевидно созвучное. Обе – великие личности и для своего народа, и для культуры в целом. Наверное, неслучайно, что обе были номинированы на Нобелевскую премию, к сожалению, награда обеих обошла. Но величие их как личностей бесспорно.

В переводах произведений Д. Максимович Ахматова в большей степени, чем в иных переводах, проявляет свой особый подход: она стремится уловить самое важное – интонацию, настроение, мысль, а затем, всматриваясь и вслушиваясь в оригинальный текст, создает свое произведение, в котором мы как будто слышим голос автора, с которым Ахматова, кажется, вступает в диалог.

Ахматова в своей переводческой деятельности не следует установкам ни первой (настаивающей на буквальном переводе), ни второй (заявляющей о праве переводчика на свободу в работе с текстом) групп переводчиков. С одной стороны, самое важное, к чему устремляется сознание поэта – передать музыку стиха, его эмоцию, то особое состояние, что рождает соприкосновение с данным произведением, но при этом для Ахматовой важно точно воссоздать образ, описанный автором, не слухавить, не увести в сферу близкую ей, но не автору оригинального произведения. Поэт переводит мысли, но не слова, воссоздает на своем языке яркие образы переводимого стихотворения, но не ставит

перед собой цель точно воспроизвести в своем тексте художественные детали, поэт находит в своей душе что-то заветное, что соотносится с содержанием переводимого произведения (Abramzon, Rudakova, Zaitseva, Koz'ko, Tulina 2016). И рождается текст, в котором слышны голоса и поэта, и его переводчика, причем голоса не конфликтующие, а будто друг в друге растворяющиеся.

И доказательством может стать сравнение двух удивительных текстов – стихотворение „SREĆA” и его перевод „Счастье”

SREĆA

Ne merim više vreme na sate,
ni po sunčevom vrelom hodu;
dan mi je kad njegove se oči vrate,
i noć kad ponovo od mene odu.

Ne merim sreću smehom, ni time
da li je čežnja moja od njegove jača;
sreća je meni kad bolno ćutim s njime,
i kad nam srca biju ritmom plača.

Nije mi žao što će života vode
odneti i kaplju moga življenja;
sad neka mladost i sve neka ode;
on je stao kraj mene pun divljenja.

Счастье

Я время по часам не отмечаю,
по ходу солнца не считаю срока,
заря встает - когда его встречаю
и снова ночь, когда он вновь далеко.

И смех не мера счастья. Не хочу я
знать, чье сильней и тягостней томленье.
Есть счастье в грусти: вместе с ним молчу я,
и слышно двух сердец одно биенье.

И мне не жаль ветвей моих весенних,
что будут смыты жизни водопадом.
Пусть молодость уходит легкой тенью:
он, зачарованный, со мною рядом!

В своих переводах Ахматова соединила две культуры, показав близость ценностей, эмоциональных переживаний. Ахматова как переводчик способна раствориться в пространстве сербского фольклора и

передать образность, музыку народных эпических песен, а может почувствовать мир как герой-романтик и предложить мужской взгляд на отношения мужчины и женщины, переводя тексты Б. Раичевича и Й. Йовановича-Змайя, но тоньше, пронзительнее и точнее удастся Ахматовой передать лиричность Д. Максимович.

Литература

- Анна Ахматова. <<http://www.vekperevoda.com/1887/akhmat.htm>>.12.12.2016.
- Антология сербской поэзии 2004–2008: Антология сербской поэзии*, В 3 томах, Пер. с сербского. Составление А. Базилевского. М.: Вахазар, РИПОЛ классик.
- Ахматова без глянца 2007: Ахматова без глянца, Сборник, Сост., вступ. ст. П. Фокина. Санкт-Петербург: Амфора. <<http://www.rulit.me/books/ahmatova-bez-glyanca-read-354088-1.html>>. 10.12.2016.
- Голоса поэтов 1998: Голоса поэтов. Стихи зарубежных поэтов в переводе Анны Ахматовой*. Москва: Прогресс.
- Записные книжки 1996: *Записные книжки Анны Ахматовой (1958-1966)*. Москва – Torino: Giulio Einaudi editore s.p.a., Российский государственный архив литературы и искусства на русском языке.
- Сербские поэты 2011: *Сербские поэты XX века* Комментированная антология / Перевод с сербского; Ред.-сост. А. Б. Базилевский; Предисл. и очерки А. Б. Базилевского, М. Л. Карасёвой. М.: Этерна; Вахазар.
- Abramzon , Rudakova, Zaitseva, Koz'ko, Tulina 2016: Abramzon T.E., Rudakova S.V., Zaitseva T.B., Koz'ko N.A., Tulina E.V., The consistency of lyric artistic thinking, *International Journal of Environmental and Science Education*, 2016, T. 11, № 17, 10185-10196.
- Bazilevsky 2015: А. Б. Базилевский, Сербско-русский круг: поэт переводит поэта, *Слово.ру: Балтийский акцент*, 1, 51-65.
- Bryusov 1955: В. Брюсов, *Избранные сочинения в 2 т.*, т. 2, Москва: Гослитиздат, 1955, с. 188.
- Desanka Maksimović: Sreća. <<http://kutaknet.com/index.php/kutak-za-dusu/desanka-maksimovic-sreca>>. 22.12.2016.
- Khardzhiyev 1992: Н. И. Харджиев: О переводах в литературном наследии Анны Ахматовой, в: *Тайны ремесла. Ахматовские чтения*, Выпуск 2. Москва: Наследие, 230-232.
- Kozubovskaya, Malysheva 1998: Г. П. Козубовская, Е. В. Малышева, „Восточные переводы” А. Ахматовой, *Культура и текст*, № 3, 62-77.
- Naufonova 2014: Ф. Т. Найфонова, Анна Ахматова – переводы из осетинской поэзии, *Известия СОИГСИ*, 11 (50), 67-74.
- Pasternak 1990: *Борис Пастернак, Об искусстве*, Москва, Искусство, 1990.
- Vyazemskij 1886: П.А. Вяземский *Полное собрание сочинений кн. П. А. Вяземского*, т. X, Санкт – Петербург: Изд-ие графа С. Д. Шереметева, 1886.
- Zabolotsky 1956: Н. А. Заболоцкий, *Заметки переводчика*, Молодая гвардия, № 3, 197-198.

Zhukovsky 1960: В. А. Жуковский, *Собрание сочинений* в 4 т., т. 4, Москва: Художественная литература.

**Tatyana Ye. Abramzon,
Svetlana V. Rudakova**

**THE PROBLEM OF POETIC TRANSLATION
(AKHMATOVA AND SERBIAN POETS)**

Summary

The article examines the problem of literary translation considered as a means of intercultural dialogue, capable of bringing together different peoples, and compares the views of poets and scientists (primarily from the nineteenth and twentieth centuries) who dealt with translation of poetic texts. In juxtaposing the two groups of researchers, we recognize that, on the one hand, they recognize the possibility of poetic translation and, on the other, they do not believe in it. The article analyses the difference between the approaches to translation and identifies the main principles that poets-translators follow. The question of Russo-Serbian and Serbo-Russian poetic translations is considered, while emphasizing the growing Russian interest in the work of Serbian poets.

Identifying the place of A. A. Akhmatova in this tradition of poetic translation, the paper examines her fairly ambiguous relation to her activities as a translator. The poetics of Akhmatova's translation of the Serbian ballad "Hasanaginica" is studied, revealing the similarities and differences of Akhmatova's text to the translations of A. S. Pushkin and N. A. Zabolotskiy. The peculiarities of Akhmatova's translations of Desanka Maksimović's poems are considered. In view of Akhmatova's special fondness of her artistic images and intonations, Desanka Maksimović was often referred to as the Serbian Akhmatova.

Keywords: translation of poetic texts, Akhmatova, Serbia, "Hasanaginica", Desanka Maksimović, the poetics of translation

*Примљен 6. маја 2017. године
Прихваћен 26. августа 2017. године*

Бедрикова Майя Леонидовна¹
*Магнитогорский государственный
технический университет им. Г.И. Носова
Институт гуманитарного образования
Кафедра языкознания и литературоведения*

О ПЕРСПЕКТИВАХ ПРЕПОДАВАНИЯ СРАВНИТЕЛЬНОГО ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ (РУССКО – СЕРБСКИЕ КУЛЬТУРНЫЕ ПАРАЛЛЕЛИ)

Статья посвящена проблемам изучения дисциплины „Сравнительное литературоведение” (часть „XX век”). Курс позволяет сформировать представления об истории русской литературы от рубежа XIX–XX вв. до рубежа XX–XXI вв. как части мировой литературы, изучить методологию сравнительного литературоведения, специфику западноевропейских национальных литератур, выявить типологические сходения в текстах различных авторов, охарактеризовать стилевые манеры. Основным методом исследования является сравнительный анализ, применяемый для изучения проблем дисциплины: перевод поэтического произведения, сравнительный анализ прозаических произведений (периода „Русская литература после 1917 г.”). От обзорных тем необходимо перейти к рассмотрению произведений русских и сербских писателей, чтобы выявить и подчеркнуть общность взглядов на исторические события данного периода. В основе отбора текстов лежит не только тематический принцип (произведения о Первой мировой войне), но и жанровый. Особый интерес для изучения представляет жанр дневника, позволяющий запечатлеть внутренний мир героя, отражающий особенности национального менталитета. Это – документ становится свидетельством частной жизни, а включённый в художественное повествование – документом определённой эпохи. К теме мировой войны обращаются авторы художественных и документально – художественных произведений: К. Федин „Города и годы”, Л. Ф. Керцелли „Военный дневник”, М. Црнянский „Дневник о Чарноевиче”. Автором были выявлены „точки контактов” текстов, углублены представления о связях отечественной литературы с сербской литературой.

Ключевые слова: сравнительное литературоведение, это – документ, „Военный дневник” Л. Ф. Керцелли, „Дневник о Чарноевиче” М. Црнянского

„Сравнительное литературоведение” (Часть „XX век”) является важнейшим курсом в системе филологического образования. Накоплен значительный опыт в преподавании дисциплины (с 2009 г.) на кафедре языкознания и литературоведения Магнитогорского государственно-

¹ mlbedrikova@gmail.com

го технического университета им. Г. И. Носова. Студенты знакомятся с методологией исследований в сравнительном литературоведении, спецификой западноевропейских национальных литератур, в сравнении с русской, в соответствующих разделах курса:

1. Компаративистика как особый раздел литературоведения и как метод анализа художественного текста. 2. Русская литература конца XIX – начала XX-го вв. и французская литература последней трети XIX в.: взаимовлияния. 3. Русская литература после 1917 г. Становление антиутопического жанра в русской литературе 1920–х гг. 4. Русская литература 1920–1930-х гг. Диалог с классикой 19 – го в. Диалог русских писателей с зарубежными художниками слова: вечные темы, природа и цивилизация. 5. Русская литература 1940–1950-х гг. Жанр философского романа в русской и зарубежных литературах. 6. Русская литература 1960 – начала 1980-х гг. „Деревенская проза“. Восприятие опыта Л. Леонова в постижении национального характера, изображении национальной жизни. Концепция человека – „производного всей жизни планеты“. 7. Русская литература второй половины 1980-х – 2000 гг. Русский постмодернизм в его связях с западноевропейским.

Овладение методиками сравнительного анализа, углубление знаний о мировом литературном процессе, о связях русской литературы XX века с европейскими литературами происходит не только на лекциях, но и на практических занятиях. Целью занятий является определение основных направлений взаимодействия русской литературы и западноевропейской, выявление „точек контактов“ текстов (главный предмет исследования в сравнительном литературоведении); конкретизация представлений обучающихся о литературных влияниях, „воздействиях“ и „восприятии“ как примерах действия прямых и обратных связей в искусстве. Анализ генетических, типологических связей произведений, созданных разными авторами в разные эпохи (линии взаимодействия русской литературы XX в. с классикой XIX в.), позволяет выявить сходство и различие в развитии национальных литератур в XX в.

Мы проанализировали опыт преподавания „Сравнительного литературоведения“ (XX в.) и выявили наиболее продуктивные направления деятельности студентов. Так, задания, в которых приводятся примеры творческих контактов русских писателей с зарубежными авторами, – это обязательный компонент, от которого зависит уровень освоения данной дисциплины. Например: *Проведите сравнительный анализ произведений Э. Верхарна „Города – сироты“ и В. Брюсова „Urbi et Orbi“; в чем проявилось влияние на В. Брюсова идей французского поэта, ученика Малларме, Рене Гиля („Научная поэзия“, 1909 г.).* В процессе анализа сходных явлений осваиваются теоретические понятия: *компаративистика, диалог, „чужое“ и „оригинальное“, генезис, типология, интертекстуальность.*

Самостоятельная работа студентов предусматривает глубокий анализ теории (труды А. Н. Веселовского, В. М. Жирмунского); обзор подходов, школ сравнительного литературоведения (Д. С. Лихачев,

М. П. Алексеев, Ю. М. Лотман) и др. Обязателен анализ художественных произведений, например: *Познакомьшесь с переводом Верлена „Романсы без слов“, выйолненным В. Я. Брюсовым. Сравнить с переводами Верлена других авшйоров. Для анализа возьмитше 2 стйихотворения.*

По нашим наблюдениям, для студентов наиболее сложным является приведение примеров исследования генетических и типологических связей в произведениях разных национальных литератур, а также вопросы: почему диалог, сравнение, сопоставление принадлежат к основополагающим принципам культуры? Какими факторами можно объяснить типологические схождения в произведениях разных национальных литератур? Этапы и приемы компаративистского анализа литературных произведений. Сравнение стилевых манер разных авторов одного из течений в поэзии Серебряного века.

Эффективным способом постижения особенностей национального мироощущения является сравнительный анализ текстов различных переводов одного произведения. Проблему перевода лучше всего рассматривать на примере одного стихотворения. Например, предлагается тема практического занятия: „Н. Гумилёв о мастерстве перевода. Переводы произведений французских поэтов. Опыты перевода поэзии Серебряного века (А. Гелескул, М. Яснов и др.)“.

Выбор произведений для сравнительного изучения в разделе „2. Русская литература конца XIX – начала XX вв. и французская литература последней трети XIX века: взаимовлияния“ обусловлен фактором влияния французской поэзии на творчество русских поэтов рубежа XIX – XX вв. Изучение других периодов истории русской литературы не зависит от подобного влияния, поэтому выбор произведений свободный, например, в разделе „3. Русская литература после 1917 г.“.

Изучение русской литературы XX века в данной дисциплине требует существенного дополнения: исследования связей отечественной литературы также и со славянскими европейскими литературами. Возможно включение произведений сербской литературы XX века в курс „Сравнительное литературоведение“ в широком контексте: *руско-сербские культурные параллели*. Огромный опыт изучения сербской литературы накоплен в МГУ на кафедре славянских литератур (Славянский вестник 2003).

В разделе третьем „Русская литература после 1917 г.“ от обзорного принципа изучения материала необходимо перейти к анализу произведений русских и сербских писателей, чтобы выявить и подчеркнуть общность их взглядов на исторические события периода. Важен не только тематический принцип отбора текстов, но и жанровый. Интересен для сравнительного анализа жанр дневника. Это – документ – свидетельство частной жизни, а в художественном повествовании – это документ эпохи. В современном литературоведении огромное внимание уделяется проблеме „это – документ и литература“. Так, дневники русских писателей рассматривались на международных конференциях

в Институте русистики Варшавского университета (2005–2007) (Ego – document i literature 2005).

В дневнике как эго – документе внутренний мир человека раскрывается максимально исчерпывающе и психологически объёмно. Автор не упускает ни одной детали в повествовании, он предельно откровенен, честен перед собой и перед воображаемым читателем. Подробности, выстроенные в хронологической последовательности, могут пролить свет на скрытый смысл происходящего. Включённые в художественное повествование, дневники героев наполнены размышлениями о личном опыте, о жизненных уроках. Особенно ценны дневники свидетелей исторических событий. Особенности ментальности авторов отражаются в том, какой смысл они извлекают из события. Читателей интересует не только фактология, но и обобщения, ценен взгляд современника, переживание эпохи, национальное мироощущение.

Дневник в XIX в. являлся „периферийным” жанром как в русской, так и в сербской литературе, по свидетельству П. Петровича (Петровић 2008: 161). Настоящим художественным открытием для европейцев стал Дневник русской художницы Марии Башкирцевой (1860–1884), написанный по-французски, он был издан посмертно, переведен на европейские языки. М. Башкирцевой удалось воплотить литературный замысел в дневниковой форме, которая ассоциировалась у читателей с частным пространством человеческого бытия. Авторским кредо для писательницы было утверждение:

„К чему лгати и рисовати! Да, несомненно, что моё желание, хотя и надежда, остаётся на земле во что бы то ни стало <...>. Это очень интересный человеческий документ. Спросите у Золя, или Гонкура, или Мойассана” (Башкирцева 2014: 5).

Для М. Башкирцевой Дневник был „литературным и человеческим памятником” (Башкирцева 2014: 5). Именно как „человеческий памятник” жанр дневника утверждается в художественной литературе XX в., став, наряду с другими эго – документами, важным свидетельством трагических катаклизмов столетия.

Переживание психологической атмосферы времени происходит в процессе изучения социокультурной ситуации 1920–1930-х гг. Русская и европейские литературы осмысливают итоги глобальных потрясений, с которыми человечество столкнулось впервые в начавшемся веке – с мировой войной.

О Первой мировой войне в начале века написаны, например, такие произведения, как „Сад Пречистой Девы” Куприна (1916), „Безумный художник” (1921) Бунина. В отличие от Брюсова, который воспринял войну как судьбоносное событие для всего славянства (с надеждой на культурное возрождение), Бунин, Куприн и другие современники увидели в мировой войне глубочайшую трагедию.

Ю. Ольховская считает: в жанре дневника „главный предмет <...> внимания (автора – М. Б.) – изменяющееся собственное „я” в постоян-

ном мире” (Olkhovskaya 2006: 15). В эпохи войн, социальных потрясений возрастает значимость живых свидетельств очевидцев, поэтому так важны рефлексия, сентенции мыслящего субъекта, носящие итоговый характер. По мнению исследователя дневников М. Пришвина, „в контексте пришвинского творчества дневник расширил свои функции, выполняя роли собственно дневника, черновика, записной книжки, философского трактата” (Ольховская 2006: 14). В творчестве этого писателя Ю. Ольховская констатирует интересную особенность: в период с 1917 по 1919 гг. в дневниках „отсутствует какая – либо мораль или итог, являющиеся постоянными сюжетно – композиционными элементами пришвинских произведений. Вместо этого присутствует „умолчание”, „минус – мораль”, раскрывающая абсурдность сложившейся ситуации” (Olkhovskaya 2006: 17–18). В ходе сравнительного анализа дневников XX в. можно исследовать особенность авторского мироощущения. Так, интересно выявить наличие / отсутствие подобной особенности (умолчание, „минус – мораль”) в „Дневнике о Чарноевиче” Милоша Црњанского при описании переживаний героя: „Vojnik sam, o, niko ne zna, šta to znači” (Crnjanski).

В XX в. многие русские и европейские писатели, современники М. Црњанского, вели собственные дневники и создавали романы в форме дневника героя. П. Петрович приводит в качестве примера – романы Андре Жида 1920-х гг. (Петровић 2008: 163). Эти примеры могут быть дополнены другими исследованиями эго – документов (Studia Rossica 2006–2007), данными архивов (Петрова 2014).

Представить зримо реальность войны в восприятии молодого поколения 1910 – х гг. позволяет дошедший до нас „Военный дневник” Л. Ф. Керцелли, опубликованный Ларисой Керцелли (Carcelli 1990). Автор – Леонид Керцелли в 1915 г. восемнадцатилетним юношей попал на фронт. Лариса Керцелли пишет: „И уже через три месяца за мужество, проявленное в боях, награждён тремя Георгиевскими крестами” (Carcelli 1990: 117). „Военный дневник” представляет интерес для литературоведческого анализа, ибо, кроме строго документального повествования о событиях на фронте в период с августа по сентябрь 1915 г., содержит подлинно художественные фрагменты. Л. Ф. Керцелли датировал записи (периодичность – два – три дня). Есть среди них краткие дневниковые и развернутые, многостраничные, напоминающие художественные очерки. Авторские пометки рассчитаны на читателя, приковывают внимание к подробностям, деталям, персонажам, например, с помощью выражения: „Помню такую картину”. „Картины” – это сцены: батальное описание, пейзаж, интерьер, раздумье, диалог, монолог.

Л. Ф. Керцелли делится впечатлением от полученного письма матери:

„25 августа. Сыну герою...Милая мама! Она мной гордится! Да, если я хоть и буду убит – потомству останется память – был, жил Леонид Федорович Керцелли, поехал добровольно на войну, заработал в три месяца три Георгия...Война, война, будь она проклята; злой был человек, что выдумал такую скверную штуку” (Carcelli 1990: 117).

Автор владеет различными жанрами: описания перемежаются рассказами, анекдотами. Разумеется, рассказ, включенный в дневник, – это только миниатюра. Художественный вымысел сознательно ограничивается автором установкой на подлинность, поэтому чаще жанр миниатюры у Л. Ф. Керцелли – рассказ – быль. Автор Дневника выбирает характерный зачин:

„26 августа. Есть у нас офицер, некто Игнатьев. В бою у деревни Дурланце он не пошел с ротой, послал ее одну вперед, а сам остался позади, в окопах. Утром позиции объезжал полковник и вытащил его из его убежища. Рота едва не пропала” (Carcelli 1990: 117).

Взгляд Л. Ф. Керцелли на окружающий мир обнаруживает творческое начало, особого свойства наблюдательность, точность в сравнениях, сопоставлениях, присущих писателю–реалисту. Таковы зарисовки о случаях на войне:

„Был у нас один солдат, по имени Малука. Я его еще как-то рисовал – мне нравилась его фигура – фигура младшего из трех богатырей Васнецова – здоровая русская красота, олицетворение здоровья. Во время наступления, последнего, числа 1-го августа, его ранило, и рана его ужасна” (Carcelli 1990: 117).

В батальных картинах Л. Ф. Керцелли достигает подлинного мастерства, замечая подробности военных действий враждующих сторон. В этой части записей возникает напряженный ритм, поддерживаемый на уровне морфологическом (глаголы и глагольные формы), синтаксическом (бессоюзие). Отличительная стилевая черта военного дневника – это лаконизм. Лаконизм сочетается с яркой образностью, тонким психологизмом, обнаруживающим высочайшую культуру чувствований автора „Военного дневника”, которой наделены подлинно интеллигентные люди. Напрашивается литературная параллель с произведениями Л. Н. Толстого (композиция батальных сцен, ассоциации с толстовским стилем). Однако у Л. Ф. Керцелли собственный стиль. В записях много натуралистических подробностей, в том числе, подробностей измененного психологического сознания, состояния человека, который идет в атаку: „...то была минуша наивысшего подъема, хойшлось рычашь, колшсь, шкнущь острый шшлык кому-нибудь в живои” (Carcelli 1990: 118). Автор не щадит себя, не идеализирует в глазах воображаемого читателя. Сквозными в „Военном дневнике” становятся мотивы хаоса, крови, человеческого безумия: „При свейше восходящего солнца я видел поле смерти – несчастные лежали рядами; вой видна шей, человек 30; они начали было окайывашься, но, зашшигнушые пулемешом, шак и ошались на месте, все. А на проволоке шущи и шам висели шемные шела немцев. Всюду кровь!” (Carcelli 1990: 119). Сон бойца на фронте играет роль литературного приема: освобождение от дневного кошмара. „Сколько разных картин! О, эшош ночной бой!” (Carcelli 1990: 118). Забытье приходит к автору только в сновидении – мираже прекрасной женщины. Анализ „Во-

енного дневника» свидетельствуют о выдающемся литературном даре Л. Ф. Керцелли, в ярком документально-художественном повествовании которого угадывается новый ритм прозы – дисгармоничного мира XX в.

С особенностями культурной жизни Европы накануне 1914 г., психологической атмосферы времени читателей знакомят художественные, публицистические, философские произведения. Психологическое „измерение” предвоенной общественно-политической обстановки, состояния культуры, уровня нравственности европейского и российского общества проводят писатели: К. Федин „Города и годы”, А. Толстой „Хождение по мукам”. В русской поэзии мы выделили бы произведение Э. Багрицкого „Последняя ночь” (1932), точнее, первую часть из одноименной поэтической трилогии, в которой создается портрет молодого поколения 1910-х гг.

Юность героев (Петра Раича в „Дневнике о Черноевиче” М. Црнянского, Андрея Старцова и Курта Вана в „Городах и годах” К. Фебина) пришлась на 1910–1920-е гг. Позади осталось детство. За плечами – небольшой жизненный опыт: переживание первого чувства любви, горький „привкус” разочарований в юношеских идеалах, боль от совершенных ошибок – типичный и в то же время уникальный для каждого опыт юности. Герои М. Црнянского, К. Фебина несут в себе некоторые черты личности авторов, принадлежащих к одному поколению.

Выбор романа „Города и годы” обусловлен высокой художественностью произведения и ракурсом изображения: Западная и Восточная Европа накануне 1914 г. Классик русской литературы К. А. Федин (1892–1977) создал „Города и годы” (первое название „Еще ничего не кончилось”) в 1924 г. как „книгу – исповедь, книгу – исследование” (Федин 1988: 8). Начало мировой войны Федин, студент Московского коммерческого института, встретил в Германии. В кайзеровской Германии он стал „гражданским пленным”, находился в этом статусе с 1914 по 1918. В сентябре 1918 г. он возвратился в Россию – новую, советскую (Fedin 1988: 544). В автобиографической повести „Как я был актером” (1936–1937) писатель поведал о жизни в „германском тылу эпохи мировой войны и моих актерских делах” (Fedin 1988: 545). К. Федин признавался: „...Я не ставил себе задачей героизировать лица своей повести, а только хотел показать характер эпохи и стремился сделать это правдиво” (Федин 1988: 546). Выражение „характер эпохи” можно интерпретировать в широком смысле: социокультурная ситуация, психологическая атмосфера.

В романе „Города и годы” автор характеризует предвоенную жизнь Германии как мирную, гармоничную. В „Главе о девятьсот четырнадцатом” (главка „Центрифуга Амура”) появляется мотив некоего переизбытка благополучия обывателей: „– Как мирно, как бесконечно мирно, – проговорил Курт” (Fedin 1988: 60). Во время путешествия в Эрланген Старцову после слов Курта приходит неожиданно странная мысль: „Кто знает, может быть, эта прогулка – последний отдых, полней которого – одна смерть?” Впоследствии ощущение чрезмерности мирной жизни не оставляет героя К. Фебина: пресыщенность благополучием, весенним

настроением, любовью, развлечениями. Не случаен и мотив „кружения” в описании людской толпы в Эрлагене:

„И гора кружилась, кружилась. На вершине ее, в длину аллея, кучились балаганы, будки, лавчонки, карусели, паноптикумы, панорамы, кино, гипнотические кабинеты... Каждый человек на этом гулянье был вбит в толпу, как пыж в патрон, и непрекословно довольствовался тем, что мог вертеть головой во все стороны” (Fedin 1988: 60).

Подсознательно Старцов ощущает некую ущербность „бесконечно мирного” бытия немецких обывателей. В следующей главке „Когда, собственно, началась мировая война” неестественность немецкого веселья уже вдруг подмечает и собеседник Андрея: „Вы понимаете? Такой расцвет, такая пышность, такой достаток, такое довольство. Нестерпимо. Я чувствую, что под почвой всей страны, под сознанием всего народа лежат целые пласты напряженного нетерпения. Все кругом так насыщено, налито, наполнено, что нужна, необходима, неизбежна разрядка” (Fedin 1988: 60). „Разрядка” приходит в главке „Dichtung und Wahrheit”. Страшному известию об убийстве в Сараево 28 июня 1914 г. австрийского престолонаследника эрцгерцога Франца Фердинанда членом военно-патриотического общества „Черная рука” гимназистом Гаврилой Принципом предшествует сцена вещего сна. В ночь перед известием Андрей страдает от навязчивого ночного кошмара, в котором видит отделенную от тела человеческую голову, скатывающуюся по лестнице: „бумм – бомм – бумм – бомм” (Fedin 1988: 79). Парадоксален комментарий Старцова к убийству эрцгерцога:

„Люди вспомнили, что на свете существуют короли. Их совершенно реальное бытие вдруг стало очевидно после того, как ослепительное слово „Эрцгерцог!” ворвалось в гармонию, сломало ритмы, исказило размеры, обезобразило шембры” (Fedin 1988: 79).

Восклицание „Эрцгерцог!”, повторенное четырежды, затем откликается эхом в прозвучавшем семь раз слове „война”: „– Война. Кто произнес это слово? – Война. Чей это голос? – Война...” Предыдущая главка завершается сценой – панорамой толпы, которая „ярилась у парадной сербского торгового консула, и в толпе были Андрей и Курт” (Fedin 1988: 80). В финале „Главы о девятьсот четырнадцатом” („Цветы”) после изображения военного поезда, следовавшего в Фюрт, автор описывает обыск в квартире русского студента. Через сутки после трагического события для „мирных” немцев Старцов – это гражданин уже вражеского государства.

Выдающееся произведение сербской литературы роман Милоша Црнянского „Дневник о Чарноевиче” (1921) в литературоведении XX века поставлено в один ряд с романами о „потерянном поколении”. Герой Пётр Раич ассоциируется с героями Э. Хэмингуэя, Э. М. Ремарка и, возможно, с персонажами произведений русской „военной прозы” 1960–1980-х гг. (с военными повестями Г. Бакланова, в которых отмечен „ремаркизм”).

В „Дневнике о Чарноевиче” нет строгой хронологии, при этом убеждает внутренняя логика переживаемых героем событий как фактов личной судьбы (Галиция, Краков). Исследователь отмечает необычность формы произведения:

„Који су то ствари романи који су сахрањени, а колико је сам Дневник о Чарнојевићу, нови облик романа, који Црњански помиње 1920. године на крају свој предговора Флоберовом Новембру” (Петровић 2008: 159).

„Пријодевач, односно писац дневника, Петар Рајић, преиспитује сопствене идентитетске, што у истом мах значи и преиспитување самог чина писања – ко пише, када, зашто, за кога: „Коме ја ово пишем? Младићима, можда мом сину бледом и напавеном, или при крају романа: „Тејшке ме питају коме толико пишем, а ја им кажем: ‘мртвацима’, оне се прекрсте и мисле да сам ‘шену памећу’” (Петровић 2008: 160).

Произведение автобиографично.

„Појавом Дневника о Чарнојевићу постојаје у српској књижевности уочљива не само дезинтеграција биографског модела романа, о чему смо говорили у прошлом поглављу, већ и криза романа као фикционалне форме са развијеним зајлетом и заокреп ка „ванкњижевним жанровима, као што су дневник, аутобиографија или писмо” (Петровић 2008: 165).

В самохарактеристике героя звучит авторский голос: „Vojnik sam, o, niko ne zna, šta to znači” (Crnjanski). Персонаж и писатель имеют отношение к истории Австро-венгерской империи, захватившей немало территорий прежде самостоятельных национальных государств, которые были ассимилированы (в том числе и Банат). До войны австро-венгерским сербам удавалось сохранять национальную идентичность, но после убийства эрцгерцога Фердинанда их положение ухудшилось. Как отмечают исследователи, биографы, М. Црнянский оказался в рядах солдат империи в Галиции, где сражался против русских. Таким образом, воспитание юноши на славянских традициях пришло в противоречие с жестокой реальностью.

Выстраивая параллель, в дневниках русских авторов и „Дневнике о Чарноевиче” М. Црнянского отметим общность переживаний участников сражений, вынужденных по приказу свыше убивать себе подобных. При анализе образа Чарноевича стало традицией говорить о „суматризме”. Поскольку концептуальным для М. Црнянского является стихотворение „Суматра”, 1920 (и эссе „Объяснение Суматры”), то можно сопоставить концепцию стихотворения и идеи Чарноевича. В качестве „параллели” для анализа лучше взять поэму „Последняя ночь” Э. Багрицкого (1895–1934), автобиографический герой которой разделил участь молодого поколения 1910–20-х гг.

Во вступлении поражает яркая зарисовка предшествующих войне событий, определивших судьбу миллионов людей в России и Европе. Не называя имен исторических личностей, Э. Багрицкий создает портрет эрцгерцога Фердинанда и его убийцы:

Эригерцоѡ вернулся к себе домой.
Разделся. Выйил вина.
И шелковый сешшер у ногъ его
Расположился, как сфинкс.
Револьвер, кошорым он был убитѡ
(Системы не вспомнишь мне),
В охотничьей лавке еще лежал
Меж сѡиннинѡм и ножом.
Грядущий убийца дремал пока,
Голову положив
На юношески твердый кулак
В коричневых волосках (Bagritsky 2003:187–188).

Э. Багрицкий подчеркивает хрупкость мира, быстротечность и уникальность каждой жизни, общность судьбы юного поколения.

Вош шутѡ я понял:
Погибнетѡ ночь,
И вместе с ней отидетѡ
Обломок мира, в кошором он
Родился, ходил, дышал.
И только пузырик взовьется вверх,
Взовьется и проидетѡ (Bagritsky 2003: 192).

В батальных сценах поэмы „Последняя ночь” есть много общих описаний с авторами дневников 1914–1918 гг.

Дымятѡся костѡры у больших дорогъ.
Солдатѡы колошатѡ вшей.
Над Францией дым.
Над Пруссией вихрь.
И над Россией шуман.
Мы плакали над шѡлами грузей;
Любовь поѡребали мы;
Погибших товарищей имена
Доселе не сходятѡ с ѡуб (Bagritsky 2003: 196–197).

Итак, благодаря включению художественных и документально-художественных произведений русских и сербских писателей в раздел „Русская литература после 1917 г.” курса „Сравнительное литературоведение”, были выявлены „точки контактов” текстов, углублены представления о связях отечественной литературы с европейскими славянскими литературами. Изучение произведения классика сербской литературы XX в. „Дневник о Чарноевиче” М. Црнянского в курсе „Сравнительного литературоведения” создало широкий контекст: *руско-сербские культурные параллели*.

Источники

Crnjanski: Crnjanski, Miloš, *Dnevnik o Čarnojeviću*. <<http://www.slavcenteur.ru/Proba/knigohran/sr/crnDnevnik.pdf>>.21.22.2016.

Вместе в столетии конфликтов 2016: Вместе в столетии конфликтов. Россия и Сербия в XX веке, Институт славяноведения РАН; Институт новейшей истории Сербии, Москва. <<http://inslav.ru/publication/vmeste-v-stoletii-konfliktov-rossiya-i-serbiya-v-xx-veke>>.21.22.2016.

Литература

Bagritsky 2003: Э. Багрицкий, *Избранное*, Москва: ТЕРРА–Книжный клуб.

Bashkirtseva 2014: М. Башкирцева, *Дневник*, Захаров, Москва.

Ego – document i literature 2005: *Ego-dokument I literature. Dzienniki pisarzy rosyjskich: kontekst literacki i historyczny* / Red. naukowa L. Lutevici. Warszawa.

Carcelli 1990: Л. Керцелли, *Военный дневник (август – сентябрь 1915)*, Москва № 4, 116 – 119, Москва.

Olkhovskaya 2006: Ю. И. Ольховская, *Жанровые процессы в прозе М. М. Пришвина: от миниатюры к контекстовым лирическим формам*, диссертация ... канд. филол. наук, Омский государственный педагогический университет имени М. Горького, Омск.

Petrova 2014: И. С. Петрова, *Эго – документ как информационный ресурс регионального архива по истории Первой Мировой войны 1914 – 1918 гг., Вестник архивиста*, Москва. <<http://www.vestarchive.ru/2014-1/3011-ego-dokument-kak-informacionnyi-resurs-regionalnogo-arhiva-po-istorii-pervoi-mirovoi-voiny-1914-1918.pdf>>.20.11.2016.

Петровић 2008: П. Петровић, *Авангардни роман без романа. Поетика крајког романа српске авангарде*, Белград: Институт за књижевности.

Славянский вестник 2003: *Славянский вестник*, Московский университет, Вып.1, Москва.

Studia Rossica 2006 – 2007, *Dzienniki pisarzy rosyjskich*, XVII, Warszawa.

Fedin 1988: К. А. Федин, *Города и годы: Роман; Повести*, Москва: Художественная литература.

Maya L. Bedrikova

THE PROSPECTS OF TEACHING COMPARATIVE LITERATURE (RUSSIAN – SERBIAN CULTURAL PARALLELS)

Summary

The article is devoted to the problems of studying comparative literature, especially regarding the history of Russian literature from the end of the nineteenth century onwards as a part of the world literature. Comparative approach allows us to use diverse methodologies and study the specificities of the Western European national literatures, as well as to identify the

typological convergence in texts of different authors and characterize their stylistic manners. Reviewing the works of Russian and Serbian writers, the author aims to identify their common views on historical events. The basis of text selection is not only thematic preoccupation with World War I, but also the genre. Diary as a genre is of particular interest, as it allows the author to illustrate the inner world of the hero and reflect upon the peculiarities of national mentality. Ego-document is the evidence of private life and, when included into the narrative, it serves as a document of a certain epoch. Examining Fedin's *Cities and Years*, L. F. Kertseli's *War Diary* and M. Crnjanski's *The Diary of Čarnojević*, the author has identified "points of contact" within the texts and deepened the understanding of the links between Russian and Serbian literatures.

Keywords: comparative literature, ego-document, *War Diary*, *The Diary of Čarnojević*

Примљен 6. маја 2017. године
Прихваћен 26. августа 2017. године

Зайцева Татьяна Борисовна¹
*Магнитогорский государственный
технический университет им. Г.И. Носова
Институт гуманитарного образования
Кафедра языкознания и литературоведения*

НИКОЛА ТЕСЛА И ПРОФЕССОР ВАГНЕР (РАССКАЗЫ А. Р. БЕЛЯЕВА): ГЕРОИ НОВОГО МИФОТВОРЧЕСТВА

В статье рассматриваются растиражированный современной масс-культурой миф о великом сербском ученом-инженере Николе Тесле и цикл научно-фантастических рассказов русского писателя А. Р. Беляева „Изобретения профессора Вагнера” как современные рецепции мифа о герое-демиурге. Предполагается, что Никола Тесла был одним из прототипов профессора Вагнера. Сопоставление двух имен – Николы Теслы и профессора Вагнера, реального исторического лица и литературного персонажа, представляет интерес в том плане, что оба являются объектом мифотворчества XX века: сотворение мифа о Николе Тесле спровоцировано самим ученым и обусловлено потребностями массового сознания технократической эпохи, создание образа профессора Вагнера происходит внутри мифотворческой модели художественного фантастического мира, однако законы для того и другого феномена берут свое начало в архаической мифологии. Особенности изображения профессора Вагнера позволяют сделать вывод, что Беляев травестирует древний миф о герое-демиурге, но миметическая конструкция его произведений придает исключительную убедительность фантастическому.

Ключевые слова: мифотворчество, научная фантастика, герой-демиург, архаический миф, литературный образ.

1. Александр Беляев – „Никола Тесла” советской научной фантастики

Александр Романович Беляев (1884–1942) – один из лучших советских писателей-фантастов. Отдавая должное Беляеву как проницательному прогнозисту в области развития техники и освоения космоса, многие литературоведы в своих трудах ограничиваются лишь отдельными замечаниями о некоторых произведениях писателя. В основательной монографии „Природа фантастики” Т. А. Чернышева писала: „Зачастую классиками научной фантастики становились люди, не слишком одаренный в литературном смысле слова. <...> Да и основным свойством дарования А. Беляева, как правило, признается его умение видеть пер-

¹ tbz@list.ru

спективы научных открытий и достижений” (Chernysheva 1984). Наша задача – хотя бы частично заполнить образовавшуюся лауну.

Стало стереотипом называть Александра Беляева „Жюлем Верном” советской фантастики. На наш же взгляд, более обоснованным будет сравнение с гениальным ученым, инженером, сербом по происхождению, Николой Теслой.

Александр Беляев всегда внимательно следил за последними событиями науки и техники, публикациями в зарубежной и отечественной прессе, собирал вырезки о наиболее интересных открытиях и достижениях. Например, в основу романа „Человек-амфибия” положена публикация об ученом Сальваторе, пытавшемся искусственно изменить тело человека, судебный процесс над которым происходил в Буэнос-Айресе в 1926 году (Кагасура 2014). В 1913 году Беляев путешествовал по Европе, посетил Германию, Австрию, Италию, Францию, где первым делом интересовался техническими достижениями и даже летал на гидроплане.

Во второй половине XIX века Международные промышленные и технические выставки, научные конгрессы с размахом проводятся в разных государствах и становятся даже модными, престижной становится сама профессия инженера. Никола Тесла в девяностые годы XIX века пользовался огромной известностью и был необыкновенно популярен у журналистов как интересная и даже скандальная, как бы сегодня сказали, медийная личность: его выразительная внешность, загадочность и эксцентричность поведения, его ужасающе прекрасные демонстрационные опыты с электричеством, когда он пропускал ток через себя, и даже судебные процессы из-за патентов вызывали восторг и поклонение у множества читателей. „Вряд ли среди его современников – ученых и естествоиспытателей, будь то Маркони, Резерфорд, Нобель, Кюри, Рентген или сам Эйнштейн, удастся отыскать фигуру, окруженную таким же количеством скандальных публикаций, прижизненных мифов и измышлений” (Gor'kovskij 2010: 6). Невозможно представить, что Беляев совсем ничего не знал о Тесле, „повелителе молний”, инженерном гении, который эпатажно выстраивал свое общение с публикой как настоящее шоу и рекламную пиар-кампанию.

В повести Беляева „Золотая гора” (1929) внимание привлекает персонаж – ученый Василий Микулин, „повелитель молний”, ставящий в лаборатории на Алтае опыты с электричеством и радиоволнами, осуществивший передачу энергии на расстояние, использовавший это в качестве оружия. Странно, что нигде в эдиционной практике собраний сочинений Беляева не упоминается Тесла. Например, в комментариях к „Золотой горе” пятитомного издания 1983–1985 гг. сказано, что писатель воспользовался идеей русского ученого XIX века, основателя Харьковского университета, В. Н. Каразина об „утилизации” атмосферного электричества (Balabuha 1985: 235), тогда как совершенно очевидно, что Беляев был наслышан об эффектных демонстрациях управления электрическими молниями Николы Теслы.

Эпатажная театральность и артистическое обаяние, отличавшие Теслу, становятся яркой чертой многих персонажей – гениальных ученых, созданных Беляевым: „Микулин передвинул рубильник, и искра превратилась в бешеные потоки голубовато-белого огня, который ревел, трещал, шипел так сильно <...> Он повернул рубильник назад. Страшные огненные змеи исчезли, притаились. Но они были здесь, готовые каждую минуту выпрыгнуть по приказу своего укротителя. Да, Микулин, этот красивый юноша с выразительными глазами, был страшный своим могуществом человек” (Belyaev 1985: 210).

Как известно, Николе Тесле принадлежит несколько значительных изобретений и открытий, изменивших жизнь человечества: использование многофазного электрического тока, радиосвязь, явление вращающегося магнитного поля, флуоресцентные лампы (Obrazcov 2009). Однако во второй половине своей жизни, пришедшейся на XX век, Тесла скорее выступает в роли ученого-фантаста, нежели реального изобретателя или инженера-физика, так как большинство его проектов остались неосуществленными, а нередко ученый выдавал потенциально возможное за действительное: контакты с марсианами, радиоуправляемые беспилотные самолеты, летательные аппараты вертикального взлета, „лучи смерти”, геофизическое оружие, беспроводную передачу энергии на неограниченные расстояния, искусственный интеллект, устройство для фотографирования мыслей, самовоспроизводящихся роботов (телеавтоматов), электромагнитные медицинские приборы для диагностики и электротерапии и т.д.

Среди научных гипотез Беляева можно вспомнить нечто подобное: контакты с марсианами, „метеорологическая бомба”, домашние роботы, использование узконаправленного пучка радиоволн в медицинских целях, устройство для чтения мыслей, лучевое оружие, космические орбитальные станции, превращение элементов, преобразование материалов на атомном уровне, предсказания медицинских открытий и экспериментов по пересадке органов, генной инженерии, дистанционное обучение, контроль над временем (в буквальном смысле) и т.д. Тесла и Беляев – гениальные прогнозисты, предсказавшие множество научных открытий будущего; объединяет ученого и писателя внимание к общим научным сферам (космос, физика, радиоволны, электричество, медицина, геофизика). В этом смысле и можно назвать Беляева „русским Николой Теслой”.

2. Новое мифотворчество в эпоху научно-технического прогресса

Каковы основные отличия современного мифа? „Современный миф рождается при наличии развитых, специализированных форм интеллектуальной познавательной деятельности человека – науки и искусства, – и современно мифотворчество <...> осуществляется в трех сферах – в науке, в области популяризации знаний и в сфере собственно искусства.

При этом оно не захватывает, разумеется, всю науку или все искусство” (Chernysheva 1984). В XIX–XX веках „мифологическая картина мира, основанная на религиозных представлениях, сменилась новой системой безрелигиозных натурфилософских мифов, опирающихся на научное знание, но ориентированных на массовое сознание” (Chernysheva 1984). Мировые войны сильно ударили „по технократическим иллюзиям, явив страшный лик современной битвы как конвейера масштабного машинного истребления людьми себе подобных. Тоталитарная практика советского типа развеяла и иллюзии уравнилельно-распределительной модели социальной гармонии. Обе утопии обнаружили свою несостоятельность” (Golubcov 2009: 51). Современное общество отличается, с одной стороны, болезненной зависимостью от высоких технологий, а с другой, недоверием к рационалистическим научным построениям, далеко не всегда способным объяснить всю сложность мира и человека.

Выявляется следующая закономерность: в истории человечества периоды абсолютной уверенности в том, что Вселенная познаваема и рационально объяснима, неизбежно сменяются периодами разрушения прежней научной картины мира, временем растерянности и признания того, что наука знает чрезвычайно мало. В рациональной картине мироздания образуются лакуны – области догадок и сомнений, заполнение которых на этапе кризиса возможно не иначе как через обращение к иррациональному, сверхъестественному: чтобы сохранить целостность картины мироздания, на помощь приходит мифотворчество масс. „Самый процесс современного натурфилософского мифотворчества направляется не наукой и не искусством, а закономерностями развития как раз обиходного массового сознания” (Chernysheva 1984).

В эпоху технического прогресса в современном обществе создается новый миф о герое-демиурге или культурном герое. Главным действующим лицом эпохи, своеобразным идеалом, новым героем закономерно становится творец прогресса, первооткрыватель, интеллектуал, ученый-экспериментатор, инженер-изобретатель, посвятивший свою жизнь служению научно-техническому прогрессу. Тесла, в котором прекрасно уживались предприимчивость и артистичность, стремление к истине и жажда эффекта, творил свою жизнь как легенду, согласно мифотворческим запросам массового сознания о новом герое современной мифологии. Последние десятилетия XX века усилили и обогатили процесс мифологизации имени Теслы новыми домыслами, апокрифами, допущениями, популяризаторскими трактовками (Gor'kovskij 2010: 5), например, Тесла нередко предстает как виновник „тунгусского феномена” или инициатор так называемого Филадельфийского эксперимента. Масс-медиа, Интернет, масс-культура растиражировали этот миф современного общества. В свою очередь, миф о Тесле способствовал созданию своеобразного канона нового героя современного мифа. Никола Тесла является прототипом и прообразом многих знаменитых литературных персонажей и киногероев фантастических жанров, странных или полубезумных ученых: инженера Гарина (роман А. Толстого „Ги-

перболоид инженера Гарина»), доктора Кто (самый продолжительный научно-фантастический сериал ВВС), доктора Зло (серия фильмов об Остине Пауэрсе, пародий на бондиану), Магнето (серия фильмов о мутантах „Люди Икс”), доктора Стрэнджа в одноименном фильме 2016 года (как тут не вспомнить увлечение Теслы восточной эзотерикой!). Широко эксплуатируется имя Теслы, а также его фантастические научные проекты и в компьютерных играх (см.: Nikola Tesla).

Александр Беляев мог бы заявить о себе как талантливый ученый, изобретатель, но в силу особых жизненных обстоятельств мог был реализовать себя единственно возможным для него способом: создать виртуальный художественный мир, где в духе его эпохи главным персонажем стал гениальный ученый-одиночка, открывающий законы природы и способный преобразовать человека и мир силой всемогущего разума. Самый известный такой герой – профессор Вагнер, которому посвящено сразу несколько рассказов Беляева (1926–1930), эксцентричный гений, „разносторонний ум, талантливый изобретатель и смелый экспериментатор” (Belyaev 1964: 164), одержимый научными изысканиями в разных областях: биологии, микробиологии, химии, медицины, физики, электротехники. Одним из реальных жизненных прототипов профессора Вагнера и был Никола Тесла.

Сопоставление двух имен – Николы Теслы и профессора Вагнера, реального исторического лица и литературного персонажа, представляет интерес в том плане, что оба являются объектом мифотворчества XX века. Сотворение мифа о Николе Тесле было спровоцировано самим ученым, обусловлено потребностями массового сознания эпохи высоких технологий, продолжалось в течение целого столетия и продолжается сегодня. Создание образа профессора Вагнера происходило внутри мифотворческой модели художественного фантастического мира. Однако законы для того и другого феномена берут свое начало в архаичной мифологии. Е. М. Мелетинский выделяет несколько важных этапов возникновения и функционирования мифологического героя, а также его основные, отличительные от обычного смертного признаки, которые мы и рассмотрим на примере мифа о Тесле и образа профессора Вагнера.

3. Миф о Николе Тесле и образ профессора Вагнера (рассказы А. Р. Беляева) как воплощение нового мифа о герое-демиурге

3.1. Происхождение героя

Необычно происхождение мифологического героя: обычно, он является сыном или потомком божества, рождается чудесным образом и с ранних лет поражает окружающих удивительными способностями, рано достигает зрелости.

Что мы узнаем о великом сербе из различных источников? Его биограф М. Сейфер уделяет особое внимание героическим предкам Николы Теслы. Краткий обзор многострадальной истории Сербии и Хорва-

тии (где родился будущий „повелитель вселенной”) заканчивается примечательным выводом, призванным подчеркнуть необыкновенное происхождение героя и предуготовить ему мессианскую миссию: „Выросший в Хорватии серб Тесла унаследовал множество племенных ритуалов, эгалитарные принципы, видоизмененную форму греческого ортодоксального католицизма, пантеистические верования и миллионы предрассудков. Женщины здесь скрывались под черными одеяниями, а Мужчины в одном кармане прятали крест, а в другом оружие. Живя на окраинах цивилизации, сербы считали себя защитниками Европы от азиатских полчищ. В течение многих веков они выполняли эту миссию ценой собственной крови” (Sejfer 2008: 10-11). Самые фантастические предположения современной масс-культуры о происхождении великого изобретателя: „человек из будущего”, прогрессор, прибывший помочь людям новыми технологиями; посланец других планет, представитель „людей икс”, пришелец из потустороннего мира, даже вампир.

Многих тесламанов интересовала личная жизнь ученого, в которой не было места женщине. Сексуальная ориентация Теслы всегда оставалась загадкой, что порождало множество сплетен. Так, поговаривали о любви юного Николы к родной сестре, а будучи зрелым человеком, Тесла никого не любил так, как голубей. Такие домыслы тоже отражают древние представления: „Юный герой часто нарушает различные запреты и даже нередко совершает инцест, который одновременно сигнализирует о его героической исключительности и достигнутой зрелости” (Meletinskij 1987: 297).

О происхождении, детстве, юности и молодости Ивана Степановича Вагнера повествователь и рассказчики умалчивают. Однако „минус-прием” как раз и свидетельствует об исключительности героя. Беляевский профессор появляется в рассказах человеком, которому нельзя дать более сорока, тогда как на самом деле ему больше пятидесяти лет, словно человек без прошлого, но по всем признакам – из будущего, то есть человек вне времени, а по сути – прогрессор. Никакой женщины, кроме экономки Фимы, в ближайшем окружении Ивана Степановича не наблюдается, его жизнь всецело посвящена науке.

Мы можем предположить, почему ученый носил фамилию Вагнер, – она, безусловно, навевала ассоциации о типичном университетском профессоре. Во второй половине XIX века в России было несколько известных русских ученых с такой фамилией. Владимир Александрович Вагнер (1849–1934) – зоолог, психолог, возможный прототип чеховского фон Корена („Дуэль”); Егор Егорович Вагнер (1849–1903) – химик-органик, Иван Карлович Вагнер (1833–1891) – доктор медицины, профессор анатомии; Конрад Эдуардович Вагнер (1862–1950) – профессор кафедры врачебной диагностики, терапевт. Среди них можно выделить имя Николая Петровича Вагнера (1829–1907) – зоолога, писателя-философа, фантаста, поклонника спиритизма, известного своими экстравагантными взглядами и странным поведением, некоторые современники даже принимали его за сумасшедшего (Goryashko 2008: 12-16). По-видимому,

повлияла на создание образа профессора Вагнера и загадочная история жизни и смерти ученого-энциклопедиста, физика, химика, экономиста, философа, писателя, которого иногда называют „русским Николой Теслой”, – Михаила Михайловича Филиппова (1858–1903), изобретателя способа электрической передачи на расстояние волны взрыва, или „луча смерти”. Предполагали даже, что опыты Филиппова могли быть причиной феномена Тунгусского метеорита. Как мы видим, занятия наукой на рубеже XIX–XX веков для многих ученых сопровождалась писательскими опытами. Фантастика и наука шли рука об руку.

3.2. *Сверхъестественные способности. Дерзость героических деяний*

Одно из важнейших качеств мифологического героя определяется так: „Обычно герой наделяется непомерной силой и сверхчеловеческими возможностями” (Meletinskij 1987: 295).

Какие только сверхъестественные способности не приписывали Николе Тесле! Экстрасенс, провидец будущего, телепат, повелитель молний, повелитель вселенной. Гениальные открытия совершались им в момент мистического озарения, сопровождающегося яркой вспышкой света. Сам Тесла утверждал, что такие способности открылись у него после перенесенного ужаса заболевания холерой.

Современники утверждали, „будто ученый почти не спит. Сам Тесла заявлял, что спит меньше двух часов в день. Однако он время от времени „задремывал”, чтобы „зарядить батарейки”. В день он проходил по „8-10 миль”, а также принимал расслабляющую ванну, хотя не отказывался и от пропуска тока сквозь тело, чтобы уничтожить все чужеродные частицы” (Sejfer 2008: 208).

В рассказе „Творимые легенды и апокрифы” Беляев восхищается тем, что отказавшись совсем ото сна, Иван Степанович Вагнер достиг невероятных результатов: „Вагнер поставил себе задачей охватить большее количество знаний, чем то, которое может вместить человеческий мозг. И профессор добился этого благодаря тому, что, не нуждаясь в отдыхе и сне, мог работать почти двадцать четыре часа в сутки. Кроме того, путем тренировки он выработал способность думать обеими половинками мозга независимо одна от другой. Его глаза двигались также независимо один от другого, и Вагнер мог, таким образом, наблюдать за несколькими явлениями сразу. Он мог писать одновременно правой и левой рукой...” (Belyaev 1964: 165).

Другая особенность мифологического героя, порожденная его сверхъестественными способностями и божественным происхождением, состоит в том, что развитие героизма и самостоятельности приводит к „дерзости и даже преступлению” (Meletinskij 1987: 296). К каким же дерзким преступлениям склоняются герои нового мифотворчества?

Профессор Вагнер неслучайно называет себя „Фаустом современной науки”: почти во всех его экспериментах чувствуется что-то потусторон-

нее, дьявольское. Он выращивает гигантских блох, заставляет работать отрезанные руки и ноги мертвецов, становится человеком-призраком, появляясь в разных частях Германии то из книжного шкафа, то из пламени камина, то из пола движущегося пассажирского поезда. „Нет той сказки, которую наука не воплотила бы в жизнь”, – заявляет профессор (Belyaev 1964: 311). Герой кощунственно претендует на то, чтобы сравняться с самим Богом-творцом мира, в рассказе „Гость из книжного шкафа” он создает миниатюрную модель Вселенной, в которой вполне возможно было появление микроскопического человечества, если бы, к счастью или несчастью, в стеклянный шар, куда Вагнер-демиург поместил маленькую солнечную систему, не стал просачиваться воздух. В рассказе „Над бездной” Вагнер оказывается способен управлять силой всемирного тяготения, что чуть было не приводит к уничтожению Земли.

После экспериментов со своими механическими осцилляторами, изучая эффект резонанса, Никола Тесла убеждал журналистов: его приборы достигли такой мощности, что он способен разрушить человеческую цивилизацию. „Я лично не сомневаюсь. Земля расколется надвое. Впервые в истории человечества появилось знание, которое способно повлиять на космические процессы” (Sejfer 2008: 101).

Миф о Тесле представляет его как загадочного и опасного повелителя времени и пространства. Неслучайно в фильме Кристофера Нолана «Престиж» загородный дом изобретателя напоминает усадьбу нелюдимого графа Дракулы. Теслу называют настоящим волшебником, творящим истинные чудеса. Создание машины, производящей жизнеспособные клоны вещей, котов и людей, – Тесле легко приписывают и такое открытие.

Тесла, герой фильма Нолана, прекрасно осознает опасность своих научных проектов, предвещая, что однажды навязчивые идеи уничтожат самого создателя. Открытия ученого – это своеобразное испытание для неразвитой цивилизации или (в случае с демоническим героем, как в „Престиже”) провокация-искушение. Мифотворческое сознание приписывает герою-демиургу опасения, что его „дары” будут использованы незрелым человечеством себе во вред, а потому их нужно тщательно скрывать. Загадочные „лучи смерти”, исчезнувший без следа электромобиль ученого, геофизическое оружие, способное расколоть Землю путем усиления вибраций, тайна телепатии, возможность перемещения во времени и пространстве – все это тайны, которыми якобы владел Тесла, но унес с собой в могилу.

Изобретения профессора Вагнера тоже нередко оказываются преждевременными, не понятыми и не оцененными публикой. Работающие руки и ноги мертвецов приводят в ужас жителей деревни, для которых Вагнер соорудил „чертову мельницу”. Попытки внедрить изобретения профессора Вагнера в жизнь обычных людей заканчиваются провалом. Проблема преждевременности научных открытий профессора из будущего для неразвитого общества решается Беляевым в комическом ключе: „Я предложил как-то зимой, в глухой деревне, одному крестьянскому

парню, удивлявшемуся, что я не сплю, испробовать на себе мое средство. Он согласился. Наутро я его спрашиваю, как он себя чувствует. „Будь оно неладно! – говорит парень. – С тоски чуть не помер! Вся деревня спит. Одни собаки лают. Ходил, ходил – тощица! На печь залез – сна ни в одном глазу. Думал, ночи этой и конца не будет!” (Belyaev 1964: 260).

В рассказе Беляева „Гость из книжного шкафа” одному из персонажей кажется, „что уже не профессор Вагнер, а доктор Фауст стоит у таинственного мерцающего шара. Вот он произнесет заклинание, и из темного угла появится Мефистофель в традиционном театральном костюме... Не черный ли пудель царапается за дверью?..” (Belyaev 1964: 301).

„Вы спрашивали, <...> не улечу ли я на шаре, как Фауст с Мефистофелем улетели на винном бочонке? <...> Позвольте и мне, Фаусту современной науки, исчезнуть не менее эффектным образом, под занавес, как говорят актеры...” (Belyaev 1964: 311). Вагнеру не нужен Мефистофель, потому что он совмещает Фауста и Мефистофеля в одном лице. Вместо винного бочонка используется устройство, создающее новую консистенцию атомов, позволяющую материальным предметам стать неуловимыми и неуязвимыми. Наука заменяет магию, не отказываясь от магических чар. Таким образом, мы можем утверждать, что герой нового мифотворчества совмещает в себе качества Творца-демиурга и демонические черты; дерзость нового героя-демиурга может привести к разрушению всей человеческой цивилизации.

Однако новая мифология уделяет особое внимание и альтруистическим устремлениям героя-демиурга, избранной им созидательной миссии служить социуму и поддерживать космический порядок: „Герой призван выполнять волю олимпийцев на земле среди людей, упорядочивая жизнь и внося в нее справедливость, меру, законы, вопреки” стихийности и дисгармоничности (Meletinskij 1987: 297).

В реальном мире Тесла грезил о счастье для всего человечества, утверждал благородные цели своих научных экспериментов – преобразовать человеческую цивилизацию, обеспечив бесплатной энергией всех, сделав грозные „лучи смерти” основой для заключения вечного мира между государствами, освободив людей от тяжелого физического труда для занятий интеллектуальным творчеством.

Утопические настроения, вера в торжество научного прогресса были характерны и для Александра Беляева. Василий Микулин, герой уже упомянутой повести „Золотая гора”, стремится обуздать природные стихии и заставить их служить человечеству. Профессор Вагнер тоже мечтает о цивилизационном рывке вперед с помощью науки: „Освободить человечество от сонной повинности. Какие необычайные перспективы, какие возможности!.. Сколько великих произведений дали бы нам еще великие мыслители, если бы им подарить все ночи для творчества! Сколько неоконченных великих произведений было бы закончено! Как двинулся бы прогресс!” (Belyaev 1964: 258). Герой Беляева выстраивает свою жизнь как образец для нынешних и будущих поколений, демонстрируя, каким может и даже должен стать человек в будущем.

3.3. Жанровые особенности цикла рассказов А. Р. Беляева „Изобретения профессора Вагнера”

Фантастические произведения Беляева нередко относят к жанру социальной фантастики с философской проблематикой: границы между фантастическим и миметическим в его романах и рассказах стерты (см.: Samorukova 2009).

Миметическая конструкция цикла о профессоре Вагнере имеет сложную структуру. С одной стороны, человек, обладающий сверхъестественными способностями, профессор Вагнер, погружен в стихию обычной повседневной жизни: он ведет занятия в университете, привлекается в качестве ответчика на суде по «собачьему делу», выясняет отношения с деревенскими жителями. С другой стороны, профессор, в силу своих исключительных характеристик, легко погружается в авантюрно-приключенческий хронотоп: проводит сложные биологические эксперименты по пересадке человеческого мозга животному, вовлекается в интриги враждебных политических организаций и иностранных коммерческих предприятий, его жизнь подвергается смертельной опасности – быть убитым врагами или погибнуть во время масштабных опытов над природой.

Беляев прибегает к особой субъектной организации цикла рассказов, которая впервые использовалась Пушкиным в „Повестях Белкина”. Во-первых, мы сталкиваемся с загадкой автора, поскольку А. Р. Беляев является только биографом Вагнера и издателем рассказов о его изобретениях. Во-вторых, о профессоре, его открытиях и экспериментах, случаях из его жизни рассказывают или сообщают несколько человек (появляется несколько рассказчиков и повествователей): сам издатель – Беляев („Творимые легенды и апокрифы”); т. А. А. К. („Случай с лошадью”); тт. Н. А. П. и К. Е. Н. („О блохах”); Илья Ильич Рубцов („Человек-термо”); неизвестный рассказчик, знакомый с ранними публикациями о профессоре Вагнере („Ковер-самолет”); П. Е. Якименко („Чертова мельница”); безмянный любопытный рассказчик, испытавший на себе новый метод обучения с помощью гипноза („Над бездной”); приятель какого-то Коли Бибикина, ученый, исполнивший свою детскую мечту путешествовать по Абиссинии („Амба”); Аким Иванович Денисов („Хойти-тойти”); Песков, оставивший записи в путевом дневнике („Хойти-Тойти”); повествователь („Человек, который не спит”, „Гость из книжного шкафа” – рассказы, представляющие собой собрание небольших эпизодов, связанных между собой единой фабулой и героем); Альберт Ринг, ставший слонем и поведавший свою историю Вагнеру; наконец, сам профессор Вагнер, оставивший многочисленные комментарии, опровержения и научные пояснения к рассказам о себе и своих изобретениях.

Такая веселая литературная игра и пестрое многоголосье рассказчиков призваны создать жизнеподобный аналог реальному процессу мифотворчества и убедить читателя в потенциальной правдивости описываемых событий. Неслучайно самый первый рассказ цикла называется „Творимые легенды и апокрифы”: „Увы, более половины моих докумен-

тов о профессоре Вагнере оказались апокрифами. Творимые легенды возникали на моих глазах. Среди этих легенд были не только рассказы об изобретениях Вагнера, но и любопытные эпизоды из его жизни. Для иллюстрации я приведу некоторые из этих выдуманных историй, прежде чем перейти к подлинным происшествиям” (Belyaev 1964: 166). Иван Степанович Вагнер, комментируя рассказ „Чертова мельница”, замечает: „Вы сами теперь поймете, что в рассказе от науки и что от фантазии”.

Цель же автора Беляева – окончательно запутать читателя, заставив его поверить в реальность профессора Вагнера, ставшего героем нового мифа. Вымысел и реальность сплетаются, и даже меняются местами. В финале рассказа „О блохах” мы узнаем, что профессор собирается „лететь на Новую Землю. Если будут спрашивать – зачем, говорите: разводить страусов”. Издатель посчитал нужным сделать примечание: „Разводить страусов! Это, конечно, шутка. Быть может, из таких шуток профессора, принятых всерьез и дополненных воображением, и возникли апокрифические рассказы о его изобретениях...” (Belyaev 1964: 179). Парадокс заключается в том, что каким бы ни казалось в то время для русского читателя фантастическим делом разведение страусов, оно уже процветало более 50 лет в Южной Африке, а первая птицеферма возникла в Южной Калифорнии в 1882 г. (Strausovodstvo v mire). Публике оставалось только допустить, что страусоводство возможно в суровых климатических условиях. То, что предлагалось читателю принять за правду или гипотетически возможное, было фантастическим вымыслом, но то, что казалось чистой фантазией, на самом деле было реальностью или вполне возможным. Рассказы о профессоре Вагнере не понравились бы так читателям, если бы не было этой литературной игры, пронизанной жизнерадостным юмором автора. Таким образом, можно утверждать, что Беляев создает травестийный миф о главном герое технократической эпохи – ученом-одиночке, посвятившем всю свою жизнь служению науке и цивилизации, современном Фаусте. Миметическая конструкция произведений А. Р. Беляева придает исключительную убедительность фантастическому.

Литература

- Balabuha 1985: А. Балабуха, Комментарии, в: А. Р. Беляев, *Собрание сочинений в пяти томах*, Т. 5, Ленинград: Детская литература, 232-236.
- Belyaev 1964: А. Р. Беляев, *Собрание сочинений. В восьми томах*. Т. 8, Москва: „Молодая гвардия”.
- Belyaev 1985: А. Р. Беляев, *Собрание сочинений. В пяти томах*. Т. 5, Ленинград: Детская литература.
- Chernysheva 1984: Т. А. Чернышева, *Природа фантастики*. Иркутск: Изд-во Иркутского университета, <http://royallib.com/book/chernisheva_tatyana/priroda_fantastiki.html>. 19.04.2017.
- Golubcov 2009: С. Голубков, *Фантастическое и комическое (на материале русской литературы XX века)*, в: *Фантастика и технологии (памяти Ста-*

- нислава Лема), Самара: Изд-во Самарского государственного аэрокосмического университета, 50-56.
- Goryashko 2008: А. Горяшко, Плохой хороший человек. Личность и судьба Н. П. Вагнера, в: *Материалы научной конференции, посвященной 70-летию Беломорской биологической станции МГУ: Сборник статей*, Москва: Изд. „Гриф и К”, 12-16.
- Gor'kovskij 2010: П. Горьковский, *Запрещенный Тесла*. Москва: Эксмо.
- Karacupa 2014: В. Карацупа, *Беляев Александр Романович* http://archivsf.narod.ru/1884/aleksander_belyaev, 23.04.2017.
- Meletinskij 1987: Е. М. Мелетинский, Герой, в: С.А. Токарев (гл. ред.), *Мифы народов мира. Энциклопедия. В 2-х томах (2-е издание). Том 1*, Москва: „Советская Энциклопедия”, 297-294.
- Nikola Tesla, *Necropole*, <https://nekropole.info/ru/Nikola-Tesla>, 23.04.2017.
- Obrazcov 2009: П. Образцов, *Никола Тесла: ложь и правда о великом изобретателе*, Москва: Яуза, Эксмо, <http://www.e-puzzle>, 10.04.2017.
- Samorukova 2009: И. Саморукова, Конструирование фантастического в литературе, в: *Фантастика и технологии (в память Стиванислава Лема)*, Самара: Изд-во Самарского государственного аэрокосмического университета, 3-12.
- Sejfer 2008: М. Сейфер, *Никола Тесла. Повелитель вселенной*, Москва: Эксмо, Яуза.
- Strausovodstvo v mire, *Страусоводство в мире*, <http://www.strausowod.ru/country.html>, 27.04.2017.

Zaitseva B. Tatiana

NIKOLA TESLA AND PROFESSOR WAGNER: HEROES OF NEW MYTHMAKING

Summary

The article views the myth of a great Serbian scientist and engineer Nikola Tesla blown up by the modern mass culture and a cycle of science fiction stories by Russian writer A. R. Belyayev, titled *The Inventions of Professor Wagner*, as a modern perception of the myth about a hero-demiurge. It is assumed that Nikola Tesla was one of the prototypes of Professor Wagner. The comparison of two names Nikola Tesla and Professor Wagner, a real historical person and a literary character, is of interest in the sense that both are the subjects of twentieth-century mythmaking. The creation of the Nikola Tesla myth was provoked by a scientist and caused by needs of the mass consciousness of the technocratic era. The creation of Professor Wagner's image was happening inside a mythic-creative model of artistic fantasy world, but the laws to both phenomena originate from archaic mythology. The features of Professor Wagner's allow us to conclude that Belyayev transforms an ancient myth about the hero-demiurge, but a mimetic design of his works gives exceptional credibility to their fantastic contents.

Keywords: mythology, science fiction, hero-demiurge, archaic myth, literary image

Примљен 6. маја 2017. године
Прихваћен 28. августа 2017. године

Савельев Константин Николаевич¹
*Магнитогорский государственный
 технический университет им. Г. И. Носова
 Институт гуманитарного образования
 Кафедра языкознания и литературоведения*

„БИОГРАФИЯ БЕЛГРАДА” М. ПАВИЧА КАК НОВЫЙ ТИП ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПОВЕСТВОВАНИЯ

Статья посвящена проблеме интерпретации образа города в литературе постмодернизма. Ее автор обращается к вопросу о месте образа Белграда в творческой практике сербского писателя Милорада Павича. Наглядно представлено, что биография писателя, города и страны, самого текста причудливым образом пересекаются, порождая глубокие и изящные размышления о природе жизни и творчества. При этом автор статьи, рассматривая знаковую природу городского текста, опирается на труды отечественных исследователей Н. П. Анциферова, Ю. М. Лотмана, В. Н. Топорова, представляющих тартуско-московскую семиотическую школу. Дана будет оценка и русскому следу в „Биографии Белграда”. В заключении прозвучит вывод о том, что писатель познает город через познание собственной души и, что эта небольшая книга о многотрадальном городе обладает всеми чертами „романа-саморефлексии” и дает нам возможность для анализа системы взглядов писателя в целом.

Ключевые слова: Павич, сербская литература, город, постмодернизм, биография, образ города, история.

Биография города в последнее время становится одним из самых востребованных жанровых форм в мировой литературе постмодернизма. Достаточно вспомнить книгу П. Акройда „Лондон: Биография” (2000), О. Памука „Стамбул. Город воспоминаний” (2003), Дж. Олдриджа „Каир. Биография города” (2006), но все же общекультурная традиция современной городской мифологии восходит к знаменитому сербскому писателю Милораду Павичу, который в начале последнего десятилетия XX века представил на суд публики „Биографию Белграда” (1990).

М. Павич для русского читателя имя культовое, которое стоит в одном ряду с признанными классиками постмодернистской литературы, такими как У. Эко, Дж. Фаулз, П. Акرويد, Дж. Барнс. В России Павич известен в первую очередь благодаря своему нашумевшему роману „Хазарский словарь” (1984), который был воспринят как „квинтэссенция постмодернизма” и был назван критиками „первой книгой XXI века”. Потом в своей „Автобиографии” М. Павич напишет, что было время (до 1984 года), когда он был „самым нечитаемым писателем своей страны”

¹ savakos@mail.ru

и вдруг „за один день превратился в самого читаемого”: „Я написал первый роман в виде словаря, второй – в виде кроссворда, третий – в виде клепсидры и четвертый как пособие по гаданию на картах таро. Пятый был астрологическим справочником для непосвященных” (Pavic 2009: 5).

Образ Белграда является одним из наиболее важных и востребованных образов в творчестве сербского писателя, достаточно вспомнить только роман „Внутренняя сторона ветра”, где он будет скрупулезно реконструировать исчезнувший с лица земли город. Потом один из эпизодов этого романа будет приведен в „Биографии Белграда”.

Город как носитель культурной и исторической информации, в котором заключена духовная память народа, является не только явлением художественной рефлексии в современном искусстве, но и объектом изучения в гуманитарном знании. Развитие представлений о знаковой природе городского текста в трудах отечественных исследователей связано с теориями Н. П. Анциферова, Ю. М. Лотмана, В. Н. Топорова, представляющих тартуско–московскую семиотическую школу.

В свое время Н. П. Анциферов в „Книге о городе” (1926) писал, что все пути ведут в город: „Города – места встреч. Города – узлы, которыми связаны экономические и социальные процессы. Это центры тяготения разнообразных сил, которыми живет человеческое общество. В городах зародилась все возрастающая динамика исторического развития. Через них совершается раскрытие культурных форм” (Antsiferov 1926: 3). В его интерпретации город предстает как культурно-исторический организм, сложный комплекс взаимосвязанных и взаимозависимых культурных образований. Отечественный ученый увидел город через такое понятие, как „гений места”, как архетип пространства, и ему удалось сформировать устойчивое отношение к образам городского пространства в контексте литературы, что явилось весьма значимым при изучении творчества человека, который воссоздает пространство города.

Особая семантическая функция города была рассмотрена в трудах Ю. М. Лотмана, который представил город как „генератор культуры”, как собрание текстов, кодов, интерпретаций и мыслей”. Выделяя особую семиотическую функцию города, исследователь формирует представление о нем как о знаковом пространстве: „закрепленной в социальных знаках информацией о различных аспектах человеческой жизнедеятельности, т.е. является текстом, как и любая производственная структура” (Lotman 2000: 399). Исследователь представляет город как „котел кодов, разноуровневых и разноуровневых, сопологающих прошлое и настоящее” (Lotman 1996: 282).

Следует помнить, что в тот момент, когда зарождались города, они были „пространственными точками, несущими огромную нагрузку, не только функциональную, но и смысловую” (Mednis 2003: 9), именно в городах создавалась своя мифопоэтика, оказывающая влияние на его восприятие со стороны периферии. В связи с этим обращает на себя внимание то обстоятельство, что город организуется (и соответственно

рассматривается в мифопоэтической традиции) как ритуальный центр, как храм, место жертвоприношения, алтарь.

Город являлся хранилищем культурной и исторической памяти, состоящей из прошлого и настоящего. При этом он обладает особым отличительным текстом, со своим индивидуальным художественным кодом, черты которого были предельно емко охарактеризованы В.Н. Топоровым. Он включает в себя природные и культурные образы (знаки), способности изображения пространства и времени, их предельности и протяженности, фамилии и имена людей, топонимы, элементы метаописания (театр, декорация, роль, актер и т. п.), мотивы, общий лексико-понятийный словарь (Торогов 1995: 261).

Обращение к проблеме „городского текста“ предполагает и толкование самого этого понятия. Под городским текстом в литературоведении понимается комплекс образов, мотивов и сюжетов, который воплощает модель городского бытия как специфического феномена культуры. Само понятие „городской текст“ было впервые введено в научный обиход и получило свое теоретическое обоснование в работе В. Н. Топорова „О структуре романа Достоевского в связи с архаическими схемами мифологического мышления“ (1973), в которой говорится о том, что город имеет особые свойства, характерные структуры, делающие его принципиально новой, семиотически насыщенной средой человеческого обитания.

При этом В. Н. Топоров, опираясь на мифопоэтические и аксиологические составляющие, выделяет тексты „города – девы“ и „города блудницы“, которые явно связаны с языком культуры. „С появлением города, – считает В. Н. Топоров, – человек вступил в новый способ существования, который, исходя из прежних представлений и мерок, не мог не казаться парадоксальным и фантастическим: выживание и, более того, перспектива пути к максимальному благу, к обретению нового рая, заменой которого в „нерайских“ условиях и был город, отныне были связаны с незащищенностью, неуверенностью, падшестью, в известном смысле – богооставленностью и, наконец, с трудом – страданием“ (Торогов 1987, 121).

В итоге этого двухстороннего развития, продолжает В. Н. Топоров, возникают два образа города, „два полюса возможного развития этой идеи – город проклятый, падший и развращенный, город над бездной и город – бездна, ожидающий небесных кар, и город преображенный и прославленный, новый град, спустившийся с неба на землю“ (Торогов 1987, 122).

Если применить эту теорию к „Биографии Белграда“ М. Павича, то, безусловно, таким „новым градом“ станет сербская столица, которая подобно Фениксу каждый раз будет возрождаться после очередного разрушения.

Само заглавие – „Биография“ предполагает некий уклон в сторону более частной, единичной истории, где все будет выстроено на документальной основе. Однако в силу разных обстоятельств это жанровое

определение не реализуется в полной мере. В классическом понимании биография – жанр жизнеописания, которое предполагает художественное или научное осмысление истории жизни героя, описание и анализ хронологически выстроенных событий связанных с главным персонажем. Павич, придерживаясь общей хронологии изложения исторических событий, уже в первом эпизоде заявляет читателем, что только „через собственную душу ведет нас путь на Белград – к одному из древнейших городов мира, который разрушали чаще других” и, „кто хочет овладеть крепостью, тому придется сначала овладеть собственной душой” (Pavic 2009: 7).

Автору приходится констатировать, что тот, „кто узнал и полюбил этот город сегодня, знает и любит его вовсе не за то, что в нем можно увидеть или дотронуться рукой. От бóльшей и, возможно, красивейшей части Белграда не осталось и следа, на нее мы никогда уже не сможем взглянуть, не сможем ее сфотографировать или прикоснуться к ней. Но истории принадлежит и другая, исчезнувшая часть, та, которая не поддается реконструкции, та, которая хранится не в окружающем нас мире, а в нашей душе” (Pavic 2009: 7). Таким образом, активно используя приемы проспекции и ретроспекции, автор изначально стремится подготовить читателя к восприятию своего текста, уведомляя его, что познание города пойдет через познание собственной души.

И если для английского писателя П. Акройда важно было представить Лондон как тело, как некое подобие человеческого организма, в котором существуют свои закономерности жизни и роста: „Переулки города подобно капиллярам, парки его – легким... Он ненасытен и плотояден, охоч до людей, жратвы, товаров и питья” (Ackroyd 2005: 27), то Павич главным образом пытается реконструировать город, которого уже нет. При этом история его города неотделима от его собственной биографии, хотя, как остроумно он подметит, – „биографии у меня нет – одна библиография”. Следует отметить один важный момент, что в этой краткой „Автобиографии”, которая предваряет „Биографию Белграда”, М. Павич о себе говорит в прошедшем времени: „Я был писателем”, „Я родился”, „Я любил”, „Я вошел”. При этом прошедшее время это не то, которое „минуло и сгнуло”, а то, которое „тянется вечно”.

„Биография Белграда” – это поданное в форме эссе краткое изложение истории города, который волею судьбы оказался вовлечен в водоворот исторических событий, повлиявших на ход развития всей Европы. Сербский писатель сознательно выстраивает свой текст, опираясь на обширные знания истории, богословия, фольклора, литературы. Десять эпизодов, из которых состоит эта биография, вмещают в себя всю историю Белграда, начиная с архаических времен и до современных реалий. Каждый эпизод является носителем определенного культурного кода. Так, первый эпизод обращен к далеким событиям прошлого, дохристианского периода и рисует нам картину рождения города, который кельты называли Сингидунум. М Павич констатирует, что „самый старый Белград, о котором нам хоть что-то известно, несмотря на то, что

тогда он еще не носил такого имени, остался для нас безымянным” (Pavic 2009: 8). Второй эпизод вмещает в себя христианизацию тех мест и приход славян, давших ему имя – „Белый город”, что „может означать не только цвет крепостных стен, но и то, что речь идет о городе на севере, о городе северного ветра” (Pavic 2009: 9). Начиная с этого момента, город, будучи пограничным укреплением, будет постоянно переходить из одних рук в другие. О том, что Белград становится турецким городом, подробно описано в третьем эпизоде. Здесь же М. Павич приводит множество свидетельств научных и художественных, которые принадлежат европейцам, побывавшим в этом городе. Отдельно он останавливается на воспоминаниях русского путешественника Дмитрия Николаевича Бантыш – Каменского, посетившего Белград в 1810 году и опубликовавшего свои письма как „Путешествие в Молдавию, Валахию и Сербию”. Его пребывание в городе омрачали две вещи, – заключает М. Павич, – „страх новой войны сербов против турок и змеи, ползающие по улицам разрушенного города, стоящего на берегах двух прекрасных рек” (Pavic 2009: 13).

Вообще русская тема будет звучать в его „Биографии Белграда” довольно часто. Он будет писать о „русской волне”, которая накроет сербскую столицу в конце XIX века во время сербско-турецкой войны, когда на Балканы придут русские добровольцы под командованием генерала Черняева. „Русские военные, принадлежавшие к армии огромной империи и привыкшие к комфорту даже во время военных походов, почувствовали себя в Белграде как дома, для них оклеивали свежими обоями квартиры, красили фасады, на улицах можно было видеть всадников с заткнутым за голенище копьём, офицеров в красивой форме и напудренных дам...” (Pavic 2009: 20). Еще более заметным окажется „второе пришествие русских” сразу после произошедшей в России революции, когда в Югославию хлынет лавина русских эмигрантов, среди которых будут и университетские профессора. „Один из них, – вспоминает М. Павич, – известный специалист по истории и теории русского стиха, Кирилл Тарановский, преподавал мне в университете фонетику русского языка. Но самый заметный след остался в городе после русских архитекторов. Старый королевский дворец Карагеоргиевича в Дедине строил русский, некоторые из красивейших домов в городе тоже построены по русским проектам в период между двух мировых войн. Неподалеку от Белграда, в местечке Белая Церковь, выросли два потомка знаменитого русского писателя Льва Толстого” (Pavic 2009: 21).

Ближе к концу разговора о сербской столице становится все очевидным, почему М. Павич обратился к жанру биографии города: для него принципиально важно личное осмысление, „переживание” города как события. Города с такой непростой и запутанной судьбой, стоящего на стыке различных культур, где так удивительно пересекаются христианство, ислам и иудаизм. Писатель обращается к истории города, вылепившего судьбу своих жителей, в том числе и его собственную. Эта небольшая книга о многострадальном городе обладает всеми чертами

„романа – саморефлексии” и дает нам возможность для анализа системы взглядов писателя в целом. М. Павич пишет о Белграде с такой любовью, что начинаешь сопереживать всем его злоключениям. Его эрудиция удивительным образом сочетается с живыми славянскими и балканскими фольклорными источниками, которые при всех очевидных влияниях и заимствованиях, делают его прозу совершенно особенной.

Занимательный сюжет в этой книге приводит читателя к пониманию того, что биография писателя, города и страны, самого текста причудливым образом пересекаются, порождая глубокие и изящные размышления о природе жизни и творчества.

Литература

- Pavić 2009: М. Павич, *Биография Белграда*, Москва: Амфора.
- Askroyd 2005: П. Акройд, *Лондон: Биография*, Москва: Изд-во Ольги Морозовой.
- Adamovich 2003: М. Адамович, *Внутренняя сторона ветра. (Проблема времени и вечности в прозе Милорада Павича)*. *Вопросы литературы*, № 6, 3-26.
- Antsiferov 1926: Н. Анциферов, *Книга о городе*. Ленинград: Сеятель.
- Antsiferov 1927: Н. Анциферов, *Пути изучения города как социального организма. Опыт комплексного подхода*. Ленинград: Сеятель.
- Gurin 2003: С. Гурин, *Образ города в культуре: метафизические и мистические аспекты, в: Города региона: культурно-символическое наследие как гуманитарный ресурс будущего. Материалы международной научно-практической конференции*, Саратов: СГУ, 10-11.
- Lotman 1996: Ю. М. Лотман, *Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история*. Москва: Языки русской культуры.
- Lotman 2000: Ю. Лотман, *Семиосфера*. Санкт – Петербург: Искусство.
- Mednis 2003: Н. Меднис, *Сверхтексты в русской литературе*. Новосибирск: НГПУ.
- Toropov 1987: В. Топоров, *Исследования по структуре текста*. Москва: Наука.
- Toropov 1995: В. Топоров, *Миф. Ритуал. Символ. Образ. Исследования в области мифопоэтического*. Москва: Прогресс – Культура.

Konstantin N. Savelev

„BIOGRAPHY OF BELGRADE” BY M. PAVIĆ AS NEW TYPE OF THE ART NARRATION

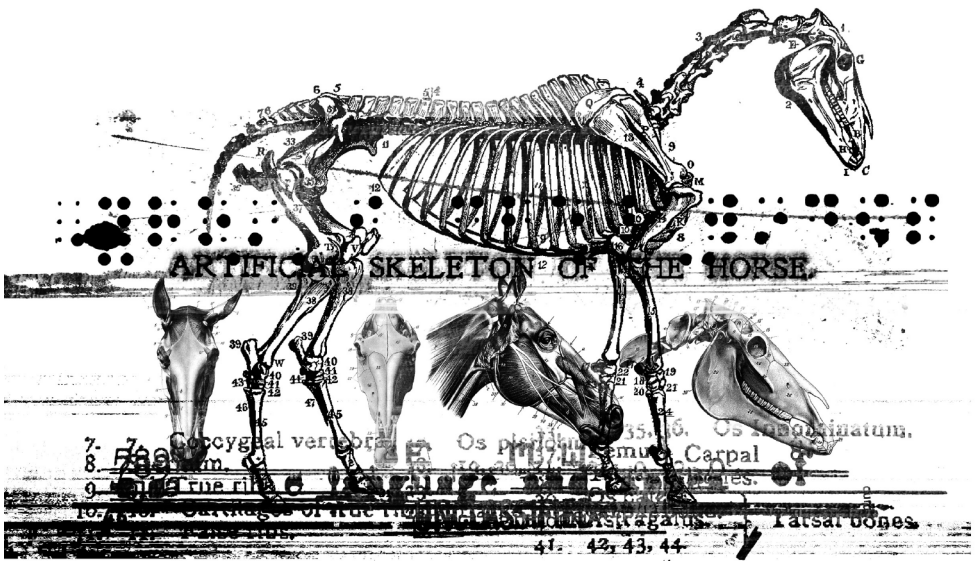
Summary

The article deals with the interpretation of the image of the city in postmodern literature. The author addresses the issue of the place of the image of Belgrade in the creative work of Serbian writer Milorad Pavić. It is clearly demonstrated that the biography of the writer, the city, the country and the text itself intersect intricately, giving rise to deep and elegant reflection on the nature of life and creativity. The author of the article, considering the iconic nature of

the urban text, relies on the works of Russian researchers N. P. Antsiferov, Yu. M. Lotman, V. N. Toporov, representing the Tartu–Moscow semiotic school. An assessment of the Russian trace will be given in the “History of Belgrade”. The writer learns the city through his own soul-searching journey and this small book about a long-suffering city has all the features of the “novel of self-reflection”, giving us an opportunity to analyse the writer’s frame of reference in general.

Keywords: Pavić, Serbian literature, city, postmodernism, biography, image of the city, history

*Примљен 6. маја 2017. године
Прихваћен 28. августа 2017. године*

Цуркан Вероника Валентиновна¹
*Магнийтогорский государственный
технический университет им. Г.И. Носова
Институт гуманитарного образования
Кафедра языкознания и литературоведения*

„ТАЙНА” ГЕНИЯ В СТАТЬЕ П. СТРУВЕ „ДУХ И СЛОВО ПУШКИНА” (К ИСТОРИИ БЕЛГРАДСКОЙ ПУШКИНИАНЫ)

Актуальность представленного исследования связана с интересом литературоведения к достижениям пушкинианы первой волны русской эмиграции. Данный феномен был создан усилиями писателей, философов, религиозных мыслителей, к числу которых относился П. Струве. Интерпретаторы эмигрантского наследия П. Струве часто рассматривают критика как фигуру «западническую», не связанную с активно-христианской линией русской философии. Целью данной работы является выявление особенностей струвистской историософской и гуманистической концепции. В статье поставлены задачи анализа статьи «Дух и слово Пушкина» как феномена религиозного типа художественного сознания, а также изучения антигезы «ясное/неизреченное», дающей ключ к трактовке философией тайны А. С. Пушкина. Без тщательного исследования художественных исканий литературной критики первой волны русской эмиграции, в частности работ П. Струве, невозможно создать целостную картину взаимодействия русской и сербской культуры первой половины XX века. Методология исследования представляет сочетание историко-литературного, сравнительного и культурологического подходов, что продиктовано необходимостью анализа литературно-критического материала в культурно-историческом аспекте.

Ключевые слова: Струве, Пушкин, религиозность, неизъяснимый, ясный, тихий, гений.

События русской истории начала XX века выплеснули за пределы России ученых, философов, писателей, художников, общественных и церковных деятелей, составлявших цвет отечественной культуры. Своей главной целью русская эмиграция считала сохранение национального наследия и популяризацию его на Западе. Эта задача была реализована во многом благодаря пушкинским юбилейным торжествам 1937 года,

¹ veravts2013@yandex.ru

которые привели в движение все русское зарубежье. О вкладе Пушкина в историю национальной и мировой культуры писали литераторы и философы, публицисты и богословы. Создатели пушкинского мифа в эмиграции не только стремились связать именем гения прошлое и настоящее, но и обозначить некий исторический рубеж. Своеобразие художественного видения Пушкина в данном качестве было выражено в философской эссеистике в образе метафорически многозначного текста, в котором один слой скрывает другой, более древний, написанный евангельскими акафистами и псалмами.

Особое место среди выступлений подобного рода занимает речь П. Струве (1870–1944), экономиста и философа, публициста и общественного деятеля, литературного критика, члена югославского Пушкинского Комитета. Она была произнесена 10 февраля 1937 года на торжественном собрании в Русском Доме имени императора Николая II в Белграде. Доклад П. Струве лег в основу статьи „Дух и слово Пушкина”, опубликованной сначала в белградском пушкинском сборнике, а затем в книге „Дух и слово: Статьи о русской и западно-европейской литературе”, вышедшей в Париже в 1981 году.

Многое в творчестве Пушкина было близко и дорого П. Струве: масштабность поднятых поэтом проблем, размах его открытий, глубина и мудрость поэтических прозрений. На разных этапах эволюции критика влияние на него творчества Пушкина сказывалось по-разному, облик поэта в его восприятии становился все более сложным, противоречивым. По свидетельству современников, П. Струве планировал написать книгу о роли Пушкина в русской национальной жизни. Несмотря на то, что этот замысел не был осуществлен, статьи „Именем Пушкина”, „Заветы Пушкина”, „Радищев и Пушкин”, „Политические взгляды Пушкина”, „Растущий и живой Пушкин” дают представление о характере и размахе струвистской пушкинианы. Статья „Дух и слово Пушкина”, посвященная памяти внука великого поэта, является одной из самых интересных и оригинальных работ эмигрантского периода творчества философа.

Небольшое по объему пушкиноведческое исследование П. Струве органично совмещает в себе жанровые черты проблемной статьи и литературного силуэта. В изучении „противочувствий” поэта критик опирается на авторитет Сократа, Платона и Анаксимена, приводит фрагменты из послания апостола Павла Коринфянам, упоминает церковного витию Иоанна Златоуста. Стремясь к объективности изложения, автор обращается к воспоминаниям Л. Пушкина, А. Тургенева, П. Вяземского, П. Плетнева, И. Пущина. Все эти историко-культурные реминисценции придают размышлениям П. Струве вневременную, „вечностную” перспективу.

Название статьи „Дух и слово Пушкина” свидетельствует о том, что ее создателя волнуют вопросы нравственно-философского порядка. Как отмечает В. Пискунов, „русская интеллигенция, пережившая в свое время едва ли не поголовное увлечение материализмом и антиклерикализмом, в эмиграции заново и по-новому открывала для себя Бога,

религию, православие” (Piskunov 2005: 291). П. Струве декларирует тезис о „сложности” Пушкина, о наличии у поэта цельного философски-религиозного мировидения. Модель пушкинского мира, включающая внешний, материальный мир, мир души и мир „духовных обстоятельств” (Пуш 1999), строится на антиномиях дух / плоть, чувственный / умопостигаемый, неистовый / мерный, высота / глубина, доброта / злоба, восхождение / нисхождение, помогающих представить неоднозначность личности гения. Дух Пушкина противопоставляется „бешено предававшейся наслаждениям” (Struve 1990: 318) и преданной страстям мятущейся душе. Отмечая невозможность обретения Пушкиным гармонии в земной жизни, путь поэта Струве видит в постоянном „преодолении себя”, в „обретении через Слово своего Духа” (Struve 1990: 318).

Р. Пайпс, один из самых известных биографов П. Струве, отмечал, что за всю историю русской мысли в ней „не было фигуры более западной в своих стремлениях и более устойчивой по отношению к славянофильским соблазнам, нежели П. Струве, для которого настоящая Россия персонифицировалась в фигурах Петра Великого и Пушкина: космополитичных, европейских, самокритичных” (Pipes 1978: 170). Признавая авторитет американского исследователя, мы, вместе с тем, не можем полностью согласиться с данным тезисом. Говоря о взаимообусловленности божественного и человеческого начала в процессе преображения земной души Пушкина в иной, божественно-бессмертный статус бытия, П. Струве, как нам представляется, близок исканиям активно-христианской линии русской философии. Критик убежден, что для возникновения подлинно высокого произведения искусства недостаточно одного таланта или художественной воли. Творец должен обладать религиозным чувством, „высоко-религиозным настроением” (Struve 1990: 320), приводящим в движение творческие силы. Подтверждение своим мыслям автор статьи находит в воспоминаниях П. Плетнева об особом расположении духа, которое незадолго до смерти позволило Пушкину прозреть „неизъяснимую тайну Божию, превышающую все земное и человеческое, и перед этой тайной Божьей смиренно и почтительно склониться” (Struve 1990: 323).

Русские религиозные мыслители по-разному решали вопрос о взаимодействии духовного и душевного начала в мире и в личности. И. Ильин в письме архимандриту Константину замечал: „душа – не то же самое, что дух. Душа – это весь поток не телесных переживаний человека, помыслов, чувствований, болевых ощущений; приятных неприятных, значительных и незначительных состояний; воспоминаний и забвений, деловых соображений и праздных фантазий и т.п. Дух – это, во всяком случае, лишь те душевные состояния, в которых человек живет своими главными, благородными силами и стремлениями, обращенными на познание истины, на созерцание или осуществление красоты, на совершение добра, на общение с Божеством – в умозрении, молитве и таинстве” (Пуш 1999: 153).

В духовном мире Пушкина П. Струве открывает истины, согретые тайным, глубоким и трепетным смыслом. Его волнует проблема превращения физической энергии в энергию духовную, несущую в себе откровение, способное непосредственно выражаться вовне, внутренне преобразовать и одухотворять материю. „Преодоление себя, своей Души в Слове и обретение через Слово своего Духа, – замечает П. Струве, – есть самое таинственное и самое могущественное, самое волшебное и чарующее, самое ясное и непререкаемое в явлении: Пушкин” (Struve 1990: 318). Оппозиция ясное / неизреченное, намеченная в главке „Слово и слова Пушкина”, в финале статьи разрешается в образе религиозной „ясной тишины”, примиряющей дух и плоть, чувственное и сверхчувственное. Этот синтез оказывается возможен, полагает критик, благодаря пушкинскому „непостижимому” родству и единству идеи и слов „при всем их противоборстве (Struve 1990: 325). При этом автор статьи допускает возможность отрицательной оценки некоторых видов „ясности” (к ним он относит „оскорбительную” ясность), которая подчас встречается в произведениях Ф. Достоевского и Ф. Ницше. Индивидуальным устремлениям великих художников П. Струве противопоставляет „ясный” дух Пушкина, „смирненно склоняющийся перед Неизъяснимым в мире” (Struve 1999: 320), восходящий к „мирам иным”, к Божеству.

Несомненно, уделяя столь серьезное внимание пушкинской религиозности, П. Струве включался в полемику о русском национальном самосознании. Пушкин служил в этом споре „очень весомым аргументом, доказательством религиозной одаренности русского народа” (Piskunov 2005: 296).

Статья „Дух и слово Пушкина” создавалась в годы, которые подсказывали ее создателю не только исторические аналогии, но и существенные коррективы к ним. Обращение к тайне Пушкина было необходимо П. Струве для уяснения собственных общественно-политических воззрений. Подобно многим русским изгнанникам философ видел в революционном экстремизме и нигилизме современников проявление агрессивного антипушкинского начала: „Дух Пушкина велит изгнать из тела и души России полонившие ее бесовские силы безобразного большевизма и утвердить вновь свободу человека, его „по воле Бога самого,, основанное „от века,, самостоянье” (Struve 1981a: 13). Революция характеризуется П. Струве как процесс деструктивный, „издержки” которого значительно превосходят созидательные результаты в том числе и потому, что приводят к утрате ее участниками душевного равновесия и самоконтроля. В ряде литературно-критических и публицистических работ П. Струве обосновывал положение о необходимости возвращения к этическим основам жизни и политики. В обстоятельно исследованной А. Кара – Мурзой оригинальной концепции „личной годности” П. Струве, которая, как считает современный исследователь, „представляла творческое развитие либеральной идеи и должна была стать одним из важнейших принципов возрожденного христианского миропонима-

ния”, Пушкин отождествлялся с типом „идеальной русской личности” (Kara – Murza 2014: 177).

Мысль о том, что судьбу значимых социальных событий в конечном итоге определяет тип человеческого поведения, звучала и в опубликованной в 1927 году статье П. Струве „Радищев и Пушкин”. В этой работе „чувствительному” автору „Путешествия из Петербурга в Москву” Пушкин противопоставлялся как физически и душевно здоровая личность и как художник, „восприимчивый ко всем впечатлениям бытия” (Struve 1981 b: 69) В статье „Дух и слово Пушкина” в гармонической красоте пушкинской поэзии критик также обнаруживает пример человеческого „самообуздания” души поэта, ее взаимодействия с „естественным религиозным началом” (Struve 1999: 323). Наступление эпохи русского Возрождения видится исследователю „под пушкинским знаком Силы и Ясности, Меры и Мерности, под знаком Петра, просветлённого художническим гением трезвости и ясной тишины, за которой высится и чутся таинственная Правда Божья” (Struve 1999: 324).

Несомненно, размышления П. Струве в статье „Дух и слово Пушкина” были своеобразными атрибутами мифа о времени, в котором идеи гуманизма и свободы творчества, противостоящие политическим императивам эпохи, утрачивали свой былой приоритет. Несмотря на это, исследователь неуклонно стремился к обретению некой универсальной истины, синтезу знания и веры, что, несомненно, отражало философско-эстетические поиски всей русской культуры Серебряного века, безмерное расширение каналов творческого мышления которой отразилось в многогранной интерпретации феномена Пушкина.

П. Струве вкладывал в образ поэта самое сокровенное, самые дорогие мысли, потаенные мечты. Религиозное сознание вырабатывает собственные принципы поэтики. К христианским символам традиционно относят символы света, звезды, птицы, чаши. Пушкин предстает в статье в народно-поэтических образах „ясного сокола”, „ясного дня”, „спокойного великана” (Struve 1999: 323). Важнейшими чертами духовного облика поэта критик считает почитание предания, любовь к „генеалогии”, погружение в прошлое, ощущение и переживание „тайны”, неприятие показного и крикливого, назойливого и чрезмерного, всего того, что претило П. Струве в современной ему русской жизни.

Еще одной стороной мистических переживаний является их „неизъяснимость”, „неизреченность”, невозможность их изложения на привычном языке. Ставя вопрос о генезисе пушкинского творчества, П. Струве говорит о каком-то „неизъяснимом наслаждении следить за тем, как Пушкин готовится, т.е. органически вырастает из всего предшествующего развития, как к нему ведет духовная (точнее духовно-языковая) сокровищница Церкви и богослужения, творчество Ломоносова, и Фонвизина, и Озерова, и Державина, и Карамзина, и Хемницера, и Крылова, и Жуковского, и Батюшкова, и, наконец, та широкая волна подлинно народной поэзии, которая <...> проникает в русскую образованность и органически в ней претворяется” (Struve 1999: 322). Подводя

итог раздумьям о значении гения Пушкина для России, Струве называет поэта „самым *объемлющим*”, „самым *гармоническим*”, „самым *ясным* русским духом” (Struve 1999: 320), рожденным русской культурой.

Проникнуть в источники религиозности „таинственного певца” „Земли Русской” (Struve 1999: 320) автор статьи пытается и путем кропотливого изучения самых употребительных в словаре поэта образительно-выразительных средств языка, полных существенного душевного и духовного смысла. „Поверяя алгебру гармонией”, в том числе и путем „простого счисления” (Struve 1999: 320), критик обнаруживает эпитеты, которые неизменно сопровождают пушкинские мысль и чувство. Рациональный подход к постижению особенностей пушкинского творчества не только не вносит диссонанса в элегический и благословенно-примирияющий в целом тон статьи, но и еще раз утверждает исследователя в справедливости предположения о дуализме „ясности” и „неизъяснимости” в поэзии Пушкина.

Статья „Дух и слово Пушкина” рисует читателю и необычайно привлекательную личность самого П. Струве. Перед нами выдающийся мыслитель, обладавший яркой индивидуальностью, стремлением к действительному участию в жизни России. С. Франк, один из ближайших друзей и соратников П. Струве, заметил однажды, что одним из „очарований личности” критика – философа „было сочетание в нем страстной убежденности, морального пафоса с широким, терпимым, снисходительным отношением к людям, с признанием законности многообразия индивидуальных дарований, призваний и склонностей” (Frank 1997: 480–481). Именно эта убежденность в неразрывной связи между свободным творчеством и преимуществом жизни и культуры позволила П. Струве открыть западному миру Пушкина в контексте „глубины православной метафизики” и „дерзновенности творческого задания современной русской христианской мысли” (Gacheva 2003: 288).

Литература

- Gacheva 2003: А. Г. Гачева, О. А. Казнина, С. Г. Семенова, *Философский контекст русской литературы 1920–1930 – х годов*, Москва: ИМЛИ РАН.
- Пуин 1999: И. А. Ильин, *Собр. соч.: Письма. Мемуары 1939–1954*, Москва: Русская книга.
- Пуин 2015: И. А. Ильин, *Поющее сердце. Книга тихих созерцаний*, Москва: ДАРЪ.
- Kara – Murza 2014: А. А. Кара – Мурза, Концепция личной годности П. Струве: этапы развития, *Политическая концептология*, № 2, 157-181.
- Pipes 1978: Ричард Пайпс П. Б. Струве о русской революции, *Вестник русского христианского движения*, № 126, 170-171.
- Piskunov 2005: В. М. Пискунов, *Чистый ритм Мнемозины*, Москва: Альфа – М.
- Struve 1981a: П. Б. Струве Культура и борьба, в: Струве П. Б. *Дух и слово. Состояние о русской и западно-европейской литературе*, Париж: YMKA – PRESS.

- Struve 1981b: П.Б. Струве, Радищев и Пушкин, в: Струве П. Б. *Дух и слово. Статьи о русской и западно-европейской литературе*, Париж: YMKA – PRESS.
- Struve 1990 : П. Б. Струве, Дух и слово Пушкина, в: *Пушкин в русской философской критике. Конец XIX – первая половина XX вв.*, Москва: Книга, 317-328.
- Frank 1997: С. Л. Франк, Умственный склад, личность и воззрения П. Б. Струве, в: Струве П. Б. *Patriotica. Политика, культура, религия, социализм*, Республика, Москва.

Veronica V. Tsurkan

THE “MYSTERY” OF A GENIUS IN PETER STRUVE’S ARTICLE “THE SPIRIT AND THE WORD OF PUSHKIN” (TO THE HISTORY OF BELGRADE PUSHKINIANA)

Summary

The relevance of the presented research is related to the interest of literary criticism in the Pushkiniana achievements of the first-wave Russian emigration. This phenomenon was created by the efforts of writers, philosophers and religious thinkers which included Peter Struve. The researchers of Struve’s immigrant heritage often view the critic as a “Western” figure not associated with the actively Christian Russian philosophy. The aim of the work is to reveal the characteristics of Struve’s historiosophical and humanistic concept. The article sets out to analyse the article “The spirit and the Word of Pushkin” as a religious phenomenon of artistic consciousness and explore the antithesis “clear/ indescribable” which gives the key to the interpretation of A. S. Pushkin’s mysteries. It is impossible to create a complete picture of the interaction between Russian and Serbian cultures in the first half of the twentieth century without a careful study of the artistic aspirations within literary criticism of the first-wave Russian emigration and Struve’s works in particular. The research methodology is a combination of literary-historical, comparative and cultural approaches, which is dictated by the need to examine literary and critical material in the cultural-historical aspect.

Keywords: Struve, Pushkin, religiosity, indescribable, clear, quiet, genius

Примљен 6. маја 2017. године
Прихваћен 28. августа 2017. године

Зеркина Наталья Николаевна
*Магнийшогорский государственный
технический университет им. Г.И. Носова
Институт гуманитарного образования
Кафедра языкознания и литературоведения*

Ломакина Екатерина Александровна
*Магнийшогорский государственный
технический университет им. Г.И. Носова
Институт гуманитарного образования
Кафедра языкознания и литературоведения*

АТТРИБУТИВНЫЙ ПОРТРЕТ СЕРБИИ И РОССИИ В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ПРЕССЕ

Статья посвящена рассмотрению роли имен прилагательных английского языка в формировании образа Сербии и России в ведущих мировых англоязычных изданиях. Авторы обращают внимание на диапазон имен прилагательных, их грамматический и семантический потенциал в процессе формирования „портретов”. В работе применены следующие методы и технологии: метод сплошной выборки; метод интернет-поиска по заданному параметру, который является гибким средством поиска, позволяющим отсортировать гигантский объем информации; метод анализа, систематизации материала и иллюстрации примерами. Проведенный лингвистический анализ доказывает и раскрывает общность развития государств и некую общность в их восприятии англоязычным миром, что лингвистически выражается в одинаковом выборе имен прилагательных при характеристике политических, исторических культурных событий Сербии и России.

Ключевые слова: прилагательное, английский язык, Сербия, Россия.

В настоящее время, учитывая возможности и мощности информационно-коммуникационных технологий и интернета, СМИ играют чрезвычайно важную роль в создании имиджа, как отдельного субъекта, так и государств в целом.

Электронные издания в настоящее время не просто популярны и настойчиво вытесняют бумажные аналоги, но и из средства информации переходят в средство „мгновенного” формирования определённых идей, с целью создания определенного имиджа. Уже стало „правилом хорошего тона” предварительно навести справки в интернете о том, с чем придется столкнуться в реальной жизни.

В данной статье нами поставлена задача: рассмотреть, как „выглядят” Россия и Сербия глазами ведущей англоязычной прессы, принимая во внимание „глобальный” характер английского языка.

Данная тема с первого взгляда очень благодатна для простого описания „портретов стран”, но если бы это касалось только обоюдного взгляда друг на друга русских и сербов, где обнаруживается многовековая история уважения, понимания и взаимовыручки, но чтобы избежать субъективности, нужно посмотреть на наши страны глазами ведущей англоязычной прессы.

Для составления „атрибутивного” портрета Сербии и России на основе данных ведущих англоязычных изданий были проанализированы, главным образом, статьи за 2016–2017 годы о Сербии и России в электронных версиях таких популярных и авторитетных англоязычных изданиях как: THE GUARDIAN (UK), New York Times (US), The Globale and Mail (Canada), Macleans (Canada) (примечание: в список источников включены только те публикации, которые цитируются в статье.)

Воздействие на потребителя информации в публицистике, главным образом, происходит с помощью определенных языковых и речевых средств, поэтому для анализа мы выбрали наиболее „эмоционально заряженный” класс лексика – имя прилагательное.

Выбор класса имен прилагательных не случайный, так как имя прилагательное – это языковая универсалия. „Прилагательное обозначает свойства, через совокупность которых человек познает сущность объективной действительности и формирует в сознании образ мира, инкорпорируемый затем в языковые знаки” (Zerkina 2013: 542).

„Одной из важных категорий действительности является категория качества. Выражение качества в языке вообще, и в английском языке в частности, обуславливает наличие такой важной группы лексики как адъективной, главным представителем которой является имя прилагательное.

Поэтому английское прилагательное может быть представлено как своеобразный „качественный слой реальности”. Имена прилагательные относятся к разряду признаков слов, ассоциируются с объектами, которые в свою очередь имеют трехмерное пространственное измерение.

Пространственные представления посредством метафор приобретают эмоционально-оценочное содержание, связанное с духовным миром человека, переносятся на выражения нравственно-психологического содержания, кумулируются во фразеологии ... „качественная” лексика приобретает оценочный характер, что находит свое отражение в семантическом потенциале прилагательных. Прилагательные получают помимо эмпирических значений значения рациональные (Zerkina 2014: 31-32).

Материал для анализа отбирался на основе принципа: статьи выше указанных изданий за 2016–17 годы, публикующие информацию о Сербии и России, методом использования интернет поисковика по ключевым словам „Serbia” и „Russia”. Далее методом сплошной выборки составлялся список всех имен прилагательных, которые используются в

статьях для характеристики российских и сербских событий. Полный статистический анализ как статей, так и количества прилагательных, находится за рамками нашего исследования.

Имя прилагательное как класс лексики способный не только выражать качество, но и в силу своего семантического потенциала обладает аксиологическим и онтологическими свойствами, вербализующими познавательную деятельность человека.

Так, при помощи имен прилагательных прямо или косвенно вербализируются такие ценностные характеристики, как представления о норме поведения человека, межличностных отношений; интерпретируются идеалы добра, правды и красоты.

Имя прилагательное как класс лексики обладает высоким оценочным и эмотивным потенциалом, „прилагательные английского языка играют особую роль в закреплении результатов познания, поскольку формируют в языковом сознании атрибутивный „портрет” реального мира, который далее помогает создавать образы объектов, окружающих человека. (Zerkina 2014: 34)

Аксиологический диапазон имен прилагательных, участвующих в формировании „атрибутивного” портрета Сербии и России в ведущей англоязычной прессе может быть представлен следующими антонимическими оппозициями имен прилагательных: *old – young, old – new (modern), small (smaller) – large (largest), wrong – right, strong – weak, good – bad (the worst), shot – long, few – much, earlier – later, dead – living, peaceful – wartime etc.*

О России:

1. According to a draft memo seen by the Guardian, the leaders will renew their promise that the door of membership remains open while stressing the importance of reforms and „**good** neighbourly relations (Rankin 2017: www)
2. „Putin is backing a person that’s truly an evil person, and I think it’s very bad for Russia, I think it’s very bad for mankind, it’s very bad for this world,” Mr. Trump added during an interview with Fox Business that aired Wednesday morning. (Davis 2017: www)

О Сербии:

It is down below, in Serbia and Kosovo, where **old** angers are resurfacing as the Balkan region that spawned so much suffering over **the last** century is again becoming dangerously **restive**. (Surkfeb 2017: www)

Vučić made his *political* reputation as a member of the *far – right Radical* party, which campaigned for a **greater** Serbia and supported the *bloody* wars in Croatia, Bosnia and Kosovo, which cost an estimated 100,000 lives and left some of Serbia’s leading politicians accused of facilitating *ethnic* cleansing (Tait 2017: www)

Необходимо отметить, что ведущая англоязычная пресса достаточно сдержанна в позитивно-качественных характеристиках Сербии и России.

Так, в статье всемирно известного издания „The Guardian” „Ratko Mladić must get life sentence, say war crimes prosecutors” (Borger 2016: www) соотношение общего количества слов к количеству прилагательных приблизительно одно к тридцати и данная пропорция наблюдается в большинстве статей.

Из всего грамматического потенциала имени прилагательного как языковой универсалии (рода, числа, падежа, степени сравнения) английское имя прилагательное имеет только степени сравнения.

С грамматической точки зрения, имена прилагательные в статьях ведущих англоязычных публицистических изданий употребляются как в положительной степени сравнения, так и встречаются случаи употребления сравнительной и превосходной степеней прилагательных (*the latest, fewer, the slightest, the worst, the longest, earlier, the oldest etc.*), что дает возможность предположить о сдержанности оценочных высказываний авторов статей в адрес объектов исследования.

О России:

1. A recent poll showed Serbians were more likely to assume Russia was the country's **biggest** aid donor, rather than the EU, although the estimated €3bn (£2.6bn) received from Brussels since 2000 far exceeds sums from Moscow (Rankin 2017: www) .
2. Some of **the most important** moments in history happen fast, like a flash of lightning (Gilmore 2017: www) .

О Сербии:

1. Mr. Anastasijevic said the situation was in some ways even **worse than** during the time of Mr. Milosevic, who focused his propaganda on the state media while allowing a robust if **small** opposition press to operate „as a fig leaf to show that he was not a dictator” (Brunwasser 2017: www).

Nearly 18 years after a United States – led intervention ended Serb domination of Kosovo, the border patrols are part of **the longest – running** mission in NATO history. (Surkfeb 2017: www)

По своей морфологической структуре английские имена прилагательные могут быть разнообразными: образованными при помощи суффиксов и аффиксов, сложения основ и т.д . Все типы имен прилагательных участвуют в формировании атрибутивного портрет: односложные (без суффикса и/или префикса) – *cool, rare, next etc.*, производные (с суффиксом и/или префиксом) – *anti – corruption, useful, international, responsible etc.*, сложные – (состоящие из двух и более основ) – *waterfront, centre – right. .*

О России:

1. Montenegro was shaken by the assassination attempt against its **pro – western** prime minister last October (Rankin 2017: www) .

Citing this poll, McAllister said the EU needed to increase its efforts „to make the European Union and its *good work more visible* in all the six *western* Balkan countries” (Rankin 2017: www).

О Сербии:

1. They say that tactics of harassment and intimidation have made it almost *impossible* to do *fair – minded* journalism (Brunwasser 2017: www).
2. Russia’s ambassador to Serbia, Aleksandr Chepurin, wrote in a *recent* editorial in Serbia’s daily Politika that Moscow would support „Serbia in preventing attempts to create an *artificial pseudo – state* of Kosovo” (Surkfeb 2017: www).
3. *Twenty – five – year old* student ..., ran as *white – suited* parody of a *sleazy political* fraudster...(Vasovic & Sekularac 2017: www).

С функционально-семантической точки зрения, исследуемые языковые единицы, главным образом, относятся к общеупотребительной лексике и не отличаются окказиональным использованием с семантическими сдвигами, но в подавляющем большинстве своем содержат отрицательно заряженные семы (*the longest siege in modern history, personal approval, horrific crimes, responsible, electoral commission, previous vote*).

О России:

1. „It would be very *irrational* behavior because it’s a fight they could not win,” he said. „It’s a fight nobody would walk away from without scars and bruises” (Surkfeb 2017: www).
2. Other *epochal* shifts are *more subtle* and *incremental* (Gilmore 2017: www).

О Сербии:

1. Despite *economic* growth and *greater fiscal* stability, Serbia remains mired in poverty and corruption (Vasovic.&Sekularac, 2017: www).
2. The *larger* conflict, though, remains unsettled. More than a decade after *the last* war in *the former* Yugoslavia ended, the nations built from its ashes remain troubled and *incomplete*—none more so than Kosovo (Warnica 2011: www).

Тематика статей находилась за рамками исследования, но любопытно отметить, что ведущая англоязычная пресса уделяет большее внимание проблемным участкам /моментам в политике и экономике, чем в культуре, образовании и т.д., а поэтому часто встречаются прилагательные, имеющие в своём значении с отрицательные семы (*wartime, wrong, criminal etc.*).

О России:

But it was Russia's role that he described as **negative**, citing the Kremlin's suspected involvement in a failed coup in Montenegro and Moscow's support for hardline nationalist leaders in the region (Rankin 2017: www).

1. Roughly 120,000 Serbs live in *northern* Kosovo, near the Serbian border, and mostly embrace the **nationalistic** fervor of Belgrade (Brunwasser 2017: www).

О Сербии:

1. *Western* leaders rely on him as a partner to maintain calm within the Serbian minorities in Kosovo and Bosnia, to support their migration policies and to keep **sufficient** distance from Russia – even though Russia's president, Vladimir V. Putin, has professed his support for Mr. Vucic (Brunwasser 2017: www).
2. An opposition candidate, Vuk Jeremic, says the Serbian media landscape has become **more murky, dangerous** and even **lawless**, with journalists facing **economic** pressures and media owners facing threats and intimidation, smear campaigns by pro – government media and **personal** attacks from Mr. Vucic and his allies (Brunwasser 2017: www).

Английское имя прилагательное, в котором представлены разные уровни видения и осмысления мира (универсальный, культурно-исторический, национальный, социальный, политический и т.д.) отображают не только когнитивную практику индивидуума, но формируют единое качественное пространство, а также часть концептуального оценочного, часто политически маркированного пространство.

Ведущая англоязычная пресса пользуется „стандартным” набором прилагательных для освещения политических событий в России и Сербии (**international, local, industrial, important, socialist – style, official, foreign, diplomatic, etc.**).

О России:

...Macedonia is entrenched in an increasingly bitter **political** crisis that has pitted neighbours against each other, and... (Rankin 2017: www).

1. For *the last* two years we have been living through one of those less obvious **historic** transformations (Gilmore 2017: www).

О Сербии:

1. „You can't hold **democratic** elections in an **undemocratic** environment,” Mr. Dojcinovic said (Brunwasser 2017: www).
2. He said, according to the information received by the Serbian security services, a **criminal** group that had demanded ransom and was believed to be linked to IS had been holding the hostages at the site that was bombed (The Associated Press 2016: www).

Предпринятый первичный обзорный анализ показал, что образы России и Сербии главным образом, „рисуются” одним набором прилагательных, которые дают объектам оценки эмпиричные, абсолютные или рационалистические (*cool, new, heavy, small, strong, long, shot etc.*).

Образность и яркость высказываниям в России и Сербии придают фразеологизмы и образные выражения с компонентом прилагательным.

О России:

1. Balkan countries were **given the green light** to begin the long road to EU membership in 2003, but progress has been mixed (Rankin 2017: www).
2. „The Balkans can easily become **one of the chessboards where the big power game** can be played,” Mogherini said (Rankin 2017: www).

О Сербии:

1. „There’s an idiom in Serbian – **that only donkeys don’t change**. It’s very *normal* to change your views. It’s very *normal* to change yourself, that you become *more mature, more responsible*” (Tait 2017: www).

The carnage dragged on until soon after the Srebrenica **massacre three bloody** years later. I have kept in touch with the survivors of, and those bereaved by, those camps, and come to understand how the outrage of „disappearance” inflicts an *immeasurable* pain on those who remain (Vulliamy 2016: www).

Итак, атрибутивный портрет России и Сербии в ведущей англоязычной прессе формируется главным образом именами прилагательными, поскольку они имеют языковую реализацию, прагматическую ценность и представляют собой совокупность качественных, ценностных культурно-мировоззренческих характеристик, отображаемых в особом взаимодействии различных средств языкового выражения.

„Портреты” России и Сербии, созданные англоязычной прессой, находятся в одной „образной нише”, где страны представлены как некие представители славянского пространства, имеющие общую религию – православие, но одновременно являются многоконфессиональными. В основе письменного языка – кириллица. Так же страны имеют общее советское прошлое и обладают общими связующими историческими моментами, которые повлияли на формирование одинакового набора элементов систем ценностей, включая национальные, что выражается в идентичности языковых средств при описании стран.

Литература

- Borger : J. Borger, , *Ratko Mladić must get life sentence, say war crimes prosecutors/* Decmber, 07, 2016 /The Guardian <[https://www.theguardian.com/world/2016/dec/07/ratko – mladic – must – get – life – sentence – say – war – crimes – prosecutors](https://www.theguardian.com/world/2016/dec/07/ratko-m-ladic-must-get-life-sentence-say-war-crimes-prosecutors)> 05.01.2017.
- Brunwasser: M. Brunwasser, *Serbia Prepares to Elect a President Amid a Murky Media Landscape/* MARCH 30, 2017/The New York Times. <[https://www.nytimes.com/2017/03/30/world/europe/serbia – prepares – to – elect – a – president – amid – a – murky – media – landscape.html?_r=0](https://www.nytimes.com/2017/03/30/world/europe/serbia-prepares-to-elect-a-president-amid-a-murky-media-landscape.html?_r=0)>.05.04.2017.
- Davis: J. Davis, *Trump Says Putin Is Partly to Blame for Syrian Crisis*\April, 12, 2017 / The New York Times. <[https://www.nytimes.com/2017/04/12/world/middleeast/trump – syria – russia.html?ribbon – ad – x=3&rref=homepage&module=Banner&version=origin®ion=Header&action=click&contentCollection=Home%20Page&pgtype=article](https://www.nytimes.com/2017/04/12/world/middleeast/trump-syria-russia.html?ribbon-ad-x=3&rref=homepage&module=Banner&version=origin®ion=Header&action=click&contentCollection=Home%20Page&pgtype=article)>.12.04.2017.
- Gilmore: S. Gilmore, *Russia's American coup/*December, 12,2016/ MACLEAN'S/ <[http://www.macleans.ca/news/world/russias – american – coup/](http://www.macleans.ca/news/world/russias-american-coup/)>.10.04.2017.
- Rankin: J. Rankin, *Russian destabilisation of Balkans rings alarm bells as EU leaders meet/* March, 9, 2017/ The GUARDIAN (UK). <[https://www.theguardian.com/world/2017/mar/08/top – mep – says – eu – must – do – more – to – stop – russia – destabilising – balkans](https://www.theguardian.com/world/2017/mar/08/top-mep-says-eu-must-do-more-to-stop-russia-destabilising-balkans)>. 25.03.2017.
- Surkfeb: B. Surkfeb, *Russia Stirs Friction in Balkans, as NATO Keeps an Uneasy Peace/*February 19, 2017/ The New York Times/ [https://www.nytimes.com/2017/02/19/world/europe/russia – nato – balkans.html](https://www.nytimes.com/2017/02/19/world/europe/russia-nato-balkans.html). 23.02.2017.
- Tait: R. Tait, *And agencies in Belgrade, Serbian PM elected president as EU warns over increased powers /*April, 3, 2017 / The Guardian [https://www.theguardian.com/world/2017/apr/03/serbian – pm – aleksandar – vucic – elected – president – eu – warns – over – increased – powers](https://www.theguardian.com/world/2017/apr/03/serbian-pm-aleksandar-vucic-elected-president-eu-warns-over-increased-powers)>. 24.03.2017.
- The Associated Press, February 20, 2016/ MACLEAN'S/ *Serbia:2 hostages believed killed in US airstrikes in Libya.* <[http://www.macleans.ca/news/serbia – 2 – hostages – believed – killed – in – us – airstrikes – in – libya/](http://www.macleans.ca/news/serbia-2-hostages-believed-killed-in-us-airstrikes-in-libya/)>. 26.12.2016.
- Vasovic: Vasovic, A.&Sekularac, I *Serbian PM Vucic confirms domination with presidential win /* April 02, 2017 /The Globe and Mail. <[http://www.theglobeandmail.com/news/world/serbian – pm – vucic – confirms – domination – with – presidential – win/article34554399/](http://www.theglobeandmail.com/news/world/serbian-pm-vucic-confirms-domination-with-presidential-win/article34554399/)> 20.03.2017.
- Vulliamy, E., *Bringing up the bodies in Bosnia/*December, 6, 2016/ The GUARDIAN (UK). <[https://www.theguardian.com/world/2016/dec/06/bringing – up – the – bodies – bosnia](https://www.theguardian.com/world/2016/dec/06/bringing-up-the-bodies-bosnia)>. 05.04.2017.
- Warnica: R. Warnica, *Kosovo: independent, but a basket case/* September,21,2011/ MACLEAN'S. <[http://www.macleans.ca/news/world/independent – but – a – basket – case](http://www.macleans.ca/news/world/independent-but-a-basket-case)>. 09.04.2017.
- Zerkina 2013: Зеркина Н. Н. Роль имени прилагательного в формировании адъективной картины мира (на примере английских имен прилагательных), *Когнитивные исследования языка*, Вып. XIV, 542-546.
- Zerkina 2014: Зеркина Н. Н. К вопросу об адъективной картине мира, *Когнитивные исследования язык*, Вып, XVI, 29-35.

**Natalia N. Zerkina,
Yekaterina A. Lomakina**

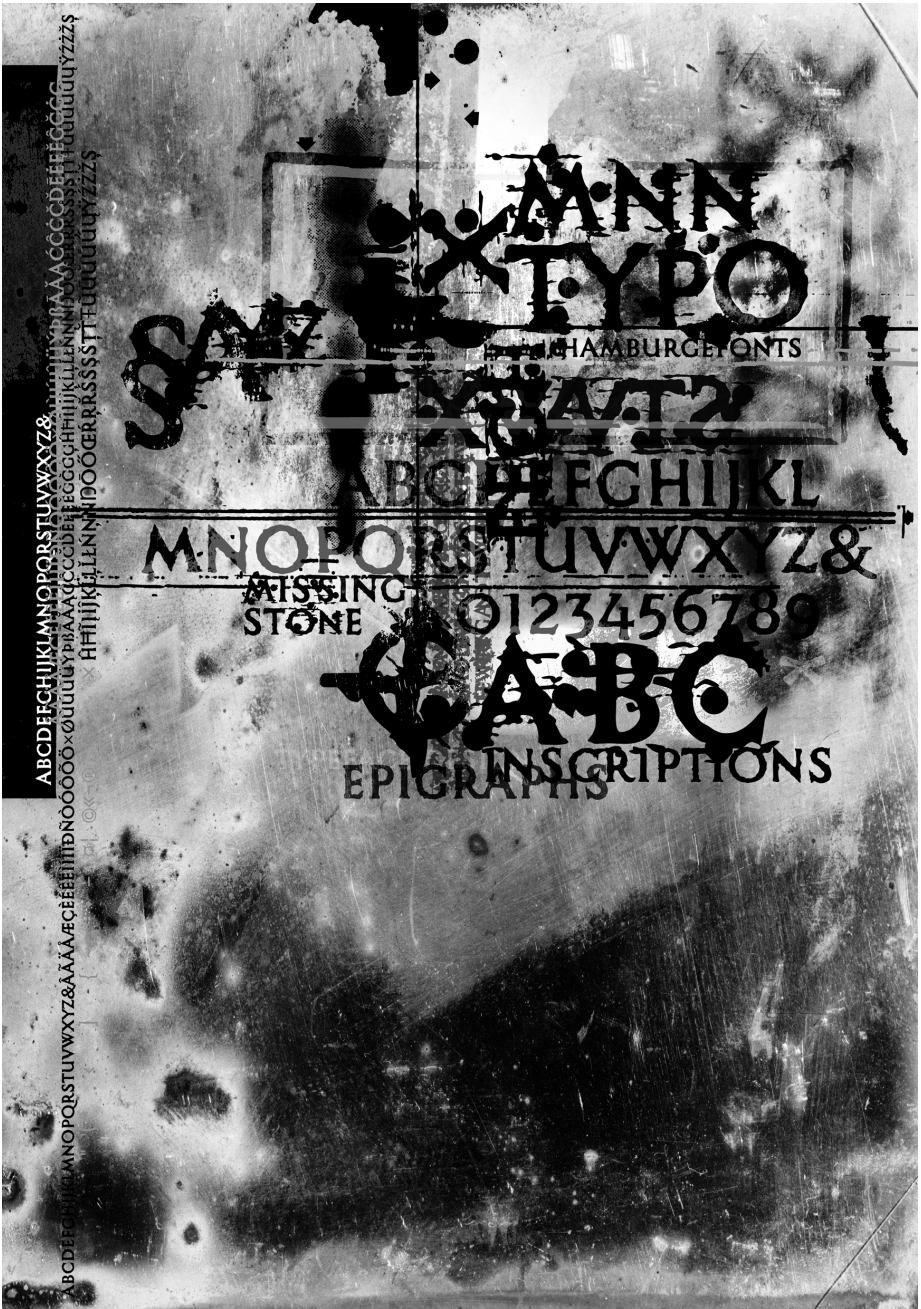
**ATTRIBUTIVE PORTRAIT OF SERBIA AND RUSSIA
IN THE ENGLISH – LANGUAGE MASS MEDIA**

Summary

The article is devoted to the role of English adjectives in the image formation of Serbia and Russia in the world's leading English-language e-publications. The authors pay attention to the range of adjectives, their grammatical and semantic potential in the process of forming "portraits". The following methods and technologies are applied in the work: the method of continuous sampling; the internet search method by a given option which is a flexible search tool that allows sorting out a huge amount of information; method of analysis, systematization of material and illustrations by examples. The conducted linguistic analysis proves and reveals the unity of development within these states and also some commonality in the perception of the states by the English-speaking world which is linguistically expressed in the same choice of adjectives that are used for characterizing the political, historical and cultural events of Serbia and Russia.

Keywords: adjective, English, Serbia, Russia

*Примљен 6. маја 2017. године
Прихваћен 28. августа 2017. године*

Мусийчук Мария Владимировна¹
*Магнитогорский государственный
 технический университет им. Г.И. Носова
 Институт гуманитарного образования
 Кафедра психологии*

Гневэк Ольга Владимировна
*Магнитогорский государственный
 технический университет им. Г.И. Носова
 Институт гуманитарного образования*

Дик Пётр Францевич
*Костанайский инженерно – экономический
 университет им. М. Дулатова
 Кафедра социально-гуманитарных наук*

Мусийчук Сергей Васильевич
*Магнитогорский государственный
 технический университет им. Г.И. Носова,
 Институт экономики и управления
 Кафедра государственного и муниципального
 управления и управления персоналом*

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЛИНГВО-КОГНИТИВНЫХ ФУНКЦИЙ СЕРБСКОГО И РУССКОГО ЮМОРА: ОТ САКРАЛЬНОГО ДО ПРОФАННОГО

Юмор – неотъемлемая онтологическая характеристика языка. Лингво-когнитивные функции юмора, как языковой фактор в социокультурной динамике современного глобализирующегося мира вызывает актуальный интерес в сопоставительном анализе функций сербского и русского юмора. Разнообразие воззрений на сущность юмора, не разработанность аппарата исследования когнитивных структур юмора и их роли в процессе познания создают условия для формирования актуальности избранной проблемы. Юмор как одна из составляющих когнитивной коммуникации осуществляется между различными субъектами познания (индивидуальными или коллективными; особенностями национального юмора и др.). Лингво-когнитивных функций юмора детерминируется наличием полярных отологических проявлений: от сакрального до профанного.

¹ mv-mus@mail.ru

Функцией высказываний из духовной сокровищницы сербского и русского народов, представленных в остроумной форме заключается донесение мысли о философско-этических нормах сакрального в различных формах остроумия: парадокс, ирония, игра слов. Глубочайшая духовная связь сербского и русского народов проявляется в значительном количестве фактов. Одним из ярких является издание апофтегем (остроумных изречений) Патриарха Сербского Павла на русском языке. Патриарх Московский и всея Руси Кирилл выделяет ряд важнейших с его точки зрения функций юмора: понижение градуса человеческих конфликтов, разрядка обстановки, формирование оптимистического взгляда.

Анализ лингво-когнитивных функций сербского и русского профанного юмора позволяет утверждать, что о дружбе народов наших стран свидетельствует значительное количество анекдотов, в которых обыгрываются своеобразие наших стран, переживания национальной идентичности. В сербской профанной юмористической речи некоторые особенности восприятия России и русских – сербами. Притом, существуют анекдоты, которые смехом вызывают сочувствие, а не обидную насмешку. В сербском и русском юморе существует великолепный пласт шуток, выполненных в жанре объявления, вызывающих сочувствие, а не обидную насмешку. Анекдот сближает сербов и русских, снимает отчужденность между ними, сохраняя их автономию и независимость.

Ключевые слова: функции юмора, сакральный юмор, профанный юмор, остроумие, ирония, игра слов, парадокс.

Если у тебя нет терпения
по отношению к твоему ближнему,
то как будет терпеть тебя Бог.
Свт. Иоанн Златоуст

Человек не доживает и до ста лет,
а суетится на тысячу.
Свт. Иоанн Златоуст

- Два старика вспоминали молодость.
- Ради меня одна прелестная девушка рисковала своей жизнью, – говорит со вздохом один.
 - Как это?
 - Она сказала, что скорее прыгнет в Дунай, чем выйдет за меня замуж.

Разнообразие воззрений на сущность юмора, не разработанность аппарата исследования когнитивных структур юмора и их роли в процессе познания создают условия для формирования актуальности избранной проблемы. Юмор как одна из составляющих когнитивной коммуникации осуществляется между различными субъектами познания (индивидуальными или коллективными; особенностями национального юмора и общим в юмористическом наследии мировой художественной культуры). Сложность осмысления лингво-когнитивных функций

юмора так же детерминируется наличием полярных отологических проявлений: от сакрального до профанного (Musiichuk 2016). В юморе наиболее ярко проявляется способность сознания к самодерминации в практических и адаптивных целях, например, через экспликацию всех неявных следствий, с целью повышения гибкости и восприимчивости к переменам, происходящим в современном мире.

Полифункциональность юмора обуславливает его феноменологическую сущность, проявляющуюся на уровне обыденного сознания личности (Musiichuk, Pavlov 2016). При этом коммуникативная функция реализуется в механизме передачи коммуникативной интенции (равнодействующей мотивов и целей общения) посредством: динамизации смысловой системы приводящей к созданию и поддержанию контакта при минимальном количестве затраченных на это средств на различных уровнях взаимодействия (индивидуальном, межличностном, социальном); иерархии языковых коммуникативных средств смещения оценок (обесценивания и повышенной оценки), создающей условия для мобилизации коммуникативных ресурсов и выхода из коммуникативного кризиса, через изменение целевых и операциональных установок личности (Musiichuk 2015).

Креативная функция юмора реализуется в механизме активизации творческого потенциала личности, через возникновение в процессе восприятия текста изменение смысла (порождение нового смысла) основанного, на компоновке текста, с высокой степенью контраста (диалектической двойственности) и имплицитности, опосредованного обращением к собственным творческим способностям личности, посредством: выявления имплицитного содержания, через динамизацию устойчивых семантических связей (разрушение смысловых стереотипов) и выход на различные уровни обобщения (осмысления) ситуаций; создания значений альтернативных имеющимся через возникновение нового смысла, порождаемого значимыми отклонениями от нормативных структурных ожиданий, опосредованных игровой сущностью юмора; предвидения последствий, посредством проигрывания на лингво-юмористических моделях, последствий принятия тех или иных решений и выборе оптимального решения в соответствии с заданными критериями управления (Musiichuk, Gnevek 2015; Musiichuk 2015).

Психотерапевтическая функция юмора как механизма оптимизации психического состояния личности реализуется посредством: установочной регуляции поведения, основанной на способности юмора производить эмоциональное отстранение, проявляющегося в подъеме эмоций, ослаблении напряжения и достижения катарсиса, проявляющегося в авто коммуникативном смехе (смех над собой, над собственным горем, „смех сквозь слезы“) через придание юмористической формы содержанию; упреждающего понимания, способствующего реализации гедонистической (наслаждения, удовольствия) функции; актуализации адаптивно необходимых тенденций и потребностей личности, удовлетворение некоторых блокированных потребностей посредством со-

циально приемлемых форм юмора; метафоричности и символичности, опосредующих двойственность внутреннего и внешнего содержания юмора, что является необходимым и достаточным условием проникновения в не осознаваемые области психики; изменения модально-оценочной направленности, опосредованной тождеством противоположностей в игровом контексте, а также изменением ценностного масштаба предмета через раскрываемые юмором новые связи предмета.

Функция социальной коммуникации реализуется в механизме включения культурно-исторического опыта в социальные коммуникации, посредством: латентной организации, через юмористические фрагменты произведений мировой художественной литературы и фольклор, выражающий отношение народа к событию, явлению, факту, как наиболее широкий и глубокий способ установления связи между внешним миром и субъективным опытом личности; сохранения и накопления опыта поколений, насыщенного уникальными экспериментами и эффектами, связанными с изучением людей, культур, исторических эпох, как основы, формирования динамической интерпретации социокультурной реальности; обеспечения этнодифференциации и этноинтеграции больших и малых групп (национальный и профессиональный юмор), через стереотипы общения внутри данного этноса, дополнительные символические функции характерные для данной общности; номенклатуры и функций развернутых речевых стереотипов, используемых в общении; историко-эволюционного подхода к пониманию личности, посредством имплицитной постановки проблем, выражающих отношение к действительности, через нерасторжимость знаковости и социальности в юморе, как средстве саморазвития культуры в индивидуальном и общественном сознании.

Юмор – неотъемлемая онтологическая характеристика языка. Лингво-когнитивные функции юмора как языковой фактор в социокультурной динамике современного глобализирующегося мира вызывает актуальный интерес в сопоставительном анализе функций сербского и русского юмора.

Лингвистический юмор существует в форме приемов остроумия, коих всего 12 (абсурд, нелепость, ложное противопоставление, ложное усиление, смешенье стилей или совмещение планов, намек, ирония, буквализация метафоры, сравнение, повторение, двойное истолкование, парадокс). Рассмотрим проявления юмора в текстах от сакрального до профанного. Начнем анализ с сакральных остроумных высказываний. Сакральные тексты, содержание которых облечено в форму юмора, через реализацию различных приемов остроумия, таких, например, как парадокс, ирония, абсурд и др., не являются привилегией наших дней. Парадокс возникает из столкновения смыслов между умением уживаться с людьми и способностью справиться с одиночеством. Гносеологическая функция остроумия ярче всего проявляется в антиномиях, как способе выражения противоречия в познании. Так парадоксы являют-

ся формой существования и развития противоречий. Г. В. Гегель писал, что противоречие есть корень всякого движения и истинности.

В конце V столетия появилось собрание изречений, отражавших монашеский идеал, автором которых является Преподобный Антоний Великий, раннехристианский подвижник и пустынный, основатель отшельнического монашества. В его наставлениях можно прочитать: „Если ты в миру не смог ужиться с людьми, то потом ты не сможешь справиться с одиночеством”. Лингво-когнитивный анализ данной сентенции позволяет прийти к выводу, что фраза построена на основе приема остроумия „парадокс”. В духовной сокровищнице, доставшейся нам в наследство от Преподобного Антония Великого, повествующие о „Настроении души услоливающие успех пребывание в Боге со страхом, бодренным вниманием и отвращением от греха и мира” выражена в парадоксальной форме следующая мысль „Умирай каждый день, чтобы жить: ибо кто боится Бога, тот будет жить вовеки (Преподобный Антоний Великий 2008). Парадокс данного философско-этического обобщения заключается в мысли о том, что для вечной жизни следует умирать каждый день. Функция данного высказывания, представленного в остроумной форме, заключается в донесении мысли о философско – этических нормах сакрального (Dick, Musiichuk 2016 Dick, Musiichuk 2016b).

Рассмотрим, в качестве примера, еще одно высказывание Преподобного Антония Великого, выраженное в форме иронии: „Не великое дело – творить чудеса, не великое дело – видеть ангелов; великое дело – видеть собственные грехи свои”. В данном, ироническом по форме высказывании, реализуется аксиологическая функция юмора

Ф. Геккер писал, что ирония освещает глубокие тайники человеческих характеров. При этом он особо подчеркивает, что иронии присущ двоякий смысл: буквальный и скрытый, чем глубже скрыт скрытый смысл, тем злее ирония. В „Риторике” Аристотель советует сделать иронию своим „оружием”, подчеркивая при этом, что ирония присуща тому, кто обладает „величием души”. Такая точка зрения свидетельствует о понимании Аристотелем важности применения в речевой коммуникации юмора в форме иронии. Давая характеристику иронии как приема остроумия, Климент Александрийский утверждает, что цель иронии – „возбудить удивление, довести слушателя до раскрытого рта и до онемения”.

Значимость иронии как коммуникативного приема подчеркивается наличием слов с постоянно закрепленной за ними эмоционально-экспрессивной окраской, имеющих в словарях пометку „ирон.” (ироническое). Такой чести не удостоен ни один из приемов остроумия.

Глубочайшая духовная связь сербского и русского народов проявляется в значительном количестве фактов. Одним из ярких является издание книги о сербском Патриархе в России „Патриарх Павел. Святой наших дней” в Сретенском монастыре (Москва, 2015) (Патриарх Павел 2015). Патриарх Павел, Сербский (Стойчевич) (11 сентября 1914–15 ноября 2009), как всякий умный человек обладал чувством юмора. Неболь-

шие истории, свидетельствующие о колоссальном чувстве юмора патриарха, ходили, как в Сербии, так и за рубежом. Так, например, книга о Патриархе, содержащая значительное количество примеров юмора Патриарха Павла, написана французским автором, переведена на русский и издана в России. В предисловии к книге Жан – Клод Ларше пишет: „Сербский патриарх Павел – один из самых уважаемых и высокочтимых православных предстоятелей Церкви прошлого века, стяжавший широкую известность не только в своей стране, но и во всем православном мире. ...Среди наиболее привлекательных черт личности патриарха Павла стоит отметить тонкий юмор, который он проявлял во всех обстоятельствах, даже в самых торжественных. Юмор часто позволял ему умирять конфликты, снимать напряжение, разрешать проблемы и давать скромно и ненавязчиво ценные поучения, сравнимые с апофтегмами древних отцов” (Обложка книги Обложка книги о Патриархе Сербском Павле). Большинству апофтегем (греч. *apophthegme* – остроумное изречение), принадлежащих Патриарху Сербскому Павлу, свойственна функция передачи духовного опыта, духовное поучение.

В то время как Патриарх Павел уже возглавлял Сербскую церковь, он всего одну рясу, и знакомая монахиня его шутиливо в этом попробовала укорить. В ответ патриарх молвил, что ему не требуется больше одной рясы, потому что надеть сразу две не представляется возможным.

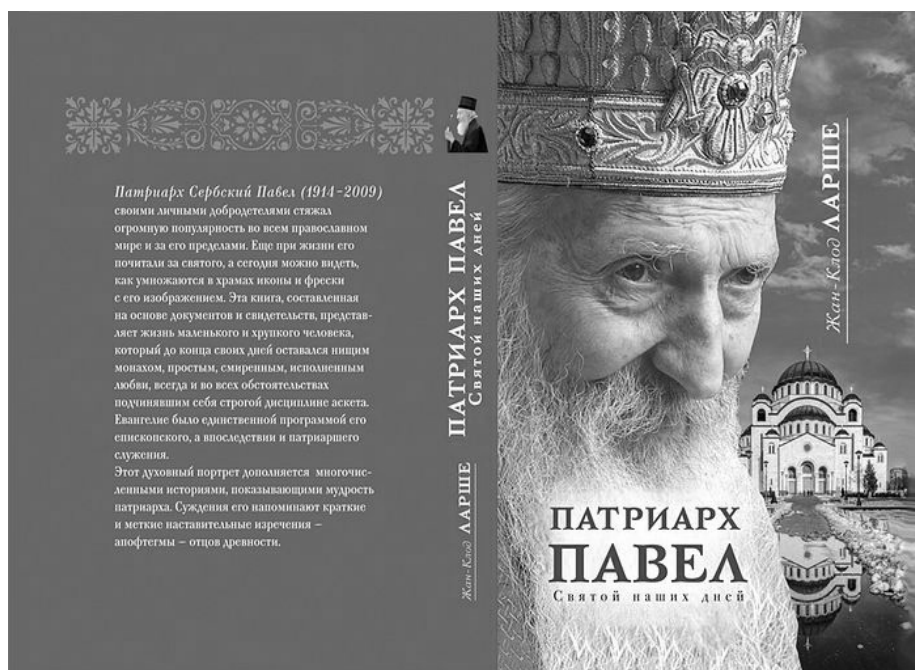

Рис. 1. Обложка книги о Патриархе Сербском Павле, опубликованной в Срегенском монастыре (Россия)

Так же сохранилось и описание такого случая, порожденного ситуацией, в которой известный сербский фоторепортер, атеист, предупрежденный о том, что к патриарху надо обращаться „Ваше святейшество”, намереваясь сфотографировать, ошибся и сказал „светлейшество”. Патриарх пошутил в ответ: „Если я — светлейшество, то зачем тебе вспышка?”. В данном примере использован прием остроумия „игра смыслов” или каламбур, в разновидности „буквализация метафоры”. Действительно, зачем фоторепортеру вспышка, если есть „светлейшество”.

Языковая игра, переводя речевую (и – соответственно социокультурную реальность) в игровую плоскость, очерчивают горизонт возможных миров индивидуального и социокультурного опыта как не совпадающих с наличными, что в ситуации восприятия юмора актуализирует интеллектуальную активность. Эмоциональный заряд формирует установку к действию, вызывая расширение актуальной языковой игры, возникающей при порождении и восприятии юмора.

В процессе восприятия юмора происходит изменения первоначального смысла, за счет неожиданных реверсий. Реверсии обладают уникальным эффектом порождения нового смысла в процессе восприятия юмора в окружающих игровых рамках.

О большой значимости языковой игры в речи свидетельствует наличие разнообразных форм проявления, например, синтаксиса, прагматики, стилистики и др. Для языковой игры используются (пусть не в равной степени) ресурсы всех языковых уровней. В процессе восприятия юмора происходит изменения первоначального смысла.

И святейшество соприкасается с прозой жизни. Рассмотрим такую апофтегему, связанную так же с именем Патриарха Сербского Павла. Один гуляка занимался времяпровождением в ресторанчике, расположенном напротив Патриархии, и, всякий раз видя проходившего мимо Патриарха, перебежал улицу, чтобы взять у него благословение, и однажды, сильно заикаясь, сказал предстоятелю: „Ваше святейшество, мы с тобой лучшие люди в этом Белграде!” Патриарх, видя, что собеседник нетвердо стоит на ногах, ответил: „Да, твоя правда, но видит Бог, когда напьемся, то хуже всех”. Сам Патриарх не пил, это общеизвестный факт, и он с юмором взял часть грехов собеседника на себя, чтобы указать грешнику на его порок. Юмористический эффект в ответе Патриарха создается на основе приема остроумия „ирония”, в разновидности халеазм или миловидное притворство. При этом реализуется аксиологическая функция юмора, направленная на решение отдельного этического вопроса.

Перейдем к рассмотрению размышлений о юморе священнослужителей и действующего Патриарха Московскому и всея Руси Кирилла. Так Преподобный Амвросий Оптинский священнослужитель Русской православной церкви, иеромонах, прославлен в лике святых 6 июня 1988 года на Поместном Соборе Русской православной церкви, при жизни почитавшийся как старец, некогда изрек: „Где просто, там Ангелов со сто”... данное высказывание является апофтегемой, вследствие юмори-

стической формы высказывания. В основе высказывания-прием остроумия „игра слов” или каламбур в форме омофона (одинаково звучащих или созвучных слов). Функция данного высказывания-укрепление духа верующих, на основе аксиологической составляющей юмористических по форме высказываний. Подчеркнем тот факт, что прообраз старца Амвросия Оптинского положен в основу старца Зосимы в романе Ф. М. Достоевского „Братья Карамазовы”.

Художественные произведения русских писателей, таких как Ф. М. Достоевского, А. П. Чехова др., оказывают большое влияние на читателей. Так, например, патриарх Московский и всея Руси Кирилл на встрече с общественностью в Одесском национальном театре оперы и балета в 2010 г. сказал: „Я с детства любил читать Чехова. Мне это очень помогало в трудные школьные годы, когда еще была антирелигиозная ситуация в стране, и я как верующий находился под притеснением. Воспоминания о рассказах Чехова помогали с юмором относиться к тем людям, которые пытались меня перевоспитать” (Информация о речи Патриарха Кирилла на встрече с общественностью). Патриарх Кирилл отметил так же важнейшие функции юмора. По словам первосвященника, юмор способен понизить градус человеческих конфликтов, „разрядить обстановку”. „Без юмора жизнь становится опасной. Большинство плохих людей лишено чувства юмора”, – подчеркнул Патриарх Кирилл. По мнению патриарха, юмор должен быть светлым и формировать оптимистичный взгляд.

Перейдем к анализу лингво-когнитивных функций сербского и российского профанного юмора. Отметим, что о дружбе народов наших стран свидетельствует значительное количество анекдотов, в которых обыгрываются своеобразия наших стран. Вспомним старинный анекдот о черногорцах:

- Сколько вас? — спрашивает иностранец черногорца.
- Да вместе с русскими миллионов двести будет.
- А много земли у вас?
- Если утюгом горы разгладить, то как Россия и будем!

В данном анекдоте представлена функция переживания национальной идентичности. В этом плане обратим внимание на несколько фраз, отражающих в сербской обыденной речи некоторые особенности восприятия России и русских – сербами.

Русский способ / *ruski način* – суровый или тяжелый спосо. (1).

Русская зима / *Ruska zima* – очень холодно (2).

Русская йога / *ruska joga* – упражнять русскую йогу – пить и засыпать в невероятных положениях (3).

Русские сказки / *Ruske bajke* – что –то очень приятное, идиллия (4).

В примерах 2 и 4 передано отношение к российским реалиям, закрепленное в сербском языке, с достаточно нейтральной коннотацией. В примерах 1 и 3, явно наличествует юмористическая форма. В примере

З содержится иронический подтекст, отражающий отдельные аспекты идентичности народа.

Следует сказать о большом пласте исследований юмора в дискурсе анекдота. Анекдот интересовал таких крупных ученых, как С.С. Аверинцев, Л. П. Гроссман, Ю. М. Лотман, Л. Н. Столович, З. Фрейд, В. Б. Шкловский, Е. Курганов (краткую библиографию по исследованию анекдотов можно найти в книге Е. Курганова „Похвальное слово анекдоту” (Kurganov 2001) и др.

Значительные исследования проведены в русле антропологических изысканий. Особого внимания, пожалуй, в этом плане заслуживают материалы круглого стола „Анекдот как феномен культуры”, проведенного в начале нынешнего тысячелетия Санкт-Петербургским психологическим обществом (Анекдот как феномен культуры 2002). В своем вступительном слове об анекдоте как феномене культуры М. С. Каган отмечает такое важное для нашего исследования положение, заключающееся в том, что рассказ анекдота порождается определенной жизненной ситуацией, он должен быть рассказан „к месту”, „по аналогии” с обсуждаемой жизненной ситуацией и должен способствовать осмыслению некоего жизненного события. Следует подчеркнуть, что процесс осмысления детерминирован интеллектуальной активностью личности.

Рассматривая „Анекдот как уникальное явление русской речевой культуры”, В. В. Химник (Hymnic 2002) подчеркивает, что юмор в форме анекдота обладает комплексом самых разных функций: рекреационных, игровых, сатирических, морализаторских и прочих. В данном высказывании выделяется полифункциональная природа юмора в речевой культуре, эту точку зрения мы полностью разделяем.

Также присоединяемся к выводам В. В. Химника, выделяющего наиболее существенные черты существования юмора в форме анекдота. И, прежде всего, это то, что анекдот понимается как „продуктивное явление национальной русской культуры, имеющей собственную номинацию и собственные типологические черты: стереотипы формы, содержания и коммуникативного назначения” (Hymnic 2002: 31). В сербской культуре можно констатировать факт наличия анекдотов в социальной коммуникации, иногда принимающей функцию переживания национальной идентичности. Так, например, как в этом анекдоте.

Встречаются два серба. Один спрашивает:

– Ты сколько в месяц зарабатываешь?

Второй:

– 100 евро.

– А сколько тратишь?

– Примерно 150.

– А как это ты так?

– А кто его знает...

Российский „анекдот”, аналогичен сербскому „виц” (множественное число: анекдоты — вицevi. Например, вицevi о Перици (сербский

вариант российского Вовочки). Вспомним один такой анекдот. Перца собирается в город погулять – потусоваться и спрашивает отца:

— Папа, у тебя есть деньги?

Отец отвечает:

— Есть, есть, сынок, не беспокойся за меня.

В данном анекдоте реализован прием остроумия „ирония” (харизматизм – миловидное притворство).

Однако и этим еще не исчерпываются сущностные характеристики анекдота. Анекдот, как форма проявления юмора, обладает всеми сущностными проявлениями юмора. И, прежде всего, „анекдот легко превращает верх в низ, абсолютное в относительное, невозможное в необходимое, но не для того, что бы, создать новые иерархии, а для того, чтобы поставить под сомнение существующие”, – абсолютно справедливо подчеркивает Л. А. Орнатская в работе „Анекдот и жизнь” (Нумніс 2002: 89). Юмор в форме анекдота в русле нашего исследования интересен, прежде всего, тем, что, что в нем постоянно сталкиваются противоположности, сходящиеся и меняющиеся местами, как им и полагается в парадоксах. Только в анекдоте это происходит не во имя устойчивого синтеза – истины, а во имя разыгрывания новой ситуации. Здесь можно добавить к уже приведенным положениям изящно выделенное Л. А. Орнатской „главное обаяние анекдота – абсолютное бесстрашие” (Нумніс 2002: 92).

Л. А. Орнатской удалось выявить механизм обаяния анекдота, основанного, по словам автора, на том типе свободы, которым человек дорожит больше всего – свободой, которая его ни к чему не обязывает. Это отличает анекдот от сатиры или, например, иронии, которые должны, по крайней мере, по определению, предписывать определенные жизнеустроительные функции.

По справедливому наблюдению Ю. М. Лотмана, анекдот одновременно зеркало быта и зеркало юмора, он рассказывает, как люди живут и что им смешно. Притом, существуют анекдоты, которые смехом вызывают сочувствие, а не обидную насмешку. В сербском и русском юморе существует великолепный пласт шуток, выполненных в жанре объявления. Рассмотрим по два примера сербского и русского юмора, исполненных в жанре объявления.

Меняю очень симпатичную блондинку на толстую волосатую кухарку, пока не умер от голода (1).

Продается дом с видом на будущее — как раз около кладбища (2).

„Безукоризненного телосложения голубоглазый блондин (35 – 177 – 80), разведен, любит детей и домашний уют, некурящий, интерес к сексу и алкоголю вполне умеренный, продает поворотом – откидную колонку для катера „Амур – 2”. (3) (АиФоризмы 1996).

Объявление: „Продается автоответчик Калашникова” (А. Кнышев). (4)

В первом примере шутка построена на основе приема остроумия ха-риентизм (миловидное притворство). Во втором примере, исполненном в традициях черного юмора, эффект смеха достигается за счет приема остроумия игра слов, в частности „буквализация метафоры”.

В третьем примере изменение смысла в процессе восприятия достигается за счет реализации приема остроумия „ложное противопоставление”. В четвертом примере в данном случае комическая форма основана на менотомии (греч. *metonymia* – переименование). Перенос имени с одного класса объектов или объекта на другой класс или предмет, ассоциируемый с данным по смежности, сопредельности, вовлеченности в одну ситуацию. Вследствие подобного перехода возникает подтекст, порождающий новый смысл. Если придать данной мысли другую форму, то комический эффект исчезает. Например, в такой формулировке. „Продается автомат системы Калашникова”.

Отметим, что создание юмористического эффекта, через форму объявления характерно и для сербского и для русского юмора. Функция юмора в анализируемых шутках преимущественно развлекательная.

Анекдот тому, кто его принимает, обещает чистое, игровое удовольствие юмора. Л. А. Орнатская убедительно доказывает, что в этом состоит главная терапевтическая функция анекдота. Анекдот свободен от каких бы то ни было предписаний. Тому, кто его принимает, он обещает чистое, игровое удовольствие. И в этом главная терапевтическая функция анекдота. „Анекдот снимает страх перед миром не только тем, что он все и всех в нем уравнивает (хотя это уравнивание осуществляется только в фантазии, и анекдот отдает себе в этом отчет), но тем, что он снисходителен к реальному миру, предоставляя ему возможность оставаться самим собой” (Ornatskaya 2002: 92). Анекдот является одним из самых легких путей к другому — ни к чему не обязывающим и ничем не привязывающим. Анекдот сближает людей, снимает отчужденность между ними, сохраняя их автономию и независимость.

Переходя к выводам отметим, что лингво-когнитивные функций юмора детерминируется наличием полярных отологических проявлений: от сакрального до профанного.

Основной функцией высказываний из духовной сокровищницы сербского и русского народов, представленных в остроумной форме, является донесение мысли о философско-этических нормах сакрального в различных формах остроумия (парадокс, ирония, игра слов и др.). Глубочайшая духовная связь сербского и русского народов проявляется в значительном количестве фактов. Одним из ярких является издание апофтегем (остроумных изречений) Патриарха Сербского Павла на русском языке. Патриарх Московский и всея Руси Кирилл выделяет ряд важнейших с его точки зрения функций юмора: понижение градуса человеческих конфликтов, разрядка обстановки, формирование оптимистического взгляда.

Анализ лингво-когнитивных функций сербского и российского профанного юмора позволяет утверждать, что о дружбе народов наших

стран свидетельствует значительное количество анекдотов, в которых обыгрываются своеобразие наших стран, переживания национальной идентичности. В сербской профанной юмористической речи некоторые особенности восприятия России и русских – сербами. Притом, существуют анекдоты, которые смехом вызывают сочувствие, а не обидную насмешку. В сербском и русском юморе существует великолепный пласт шуток, выполненных в жанре объявления, вызывающих сочувствие, а не обидную насмешку. Анекдот сближает сербов и русских, снимает отчужденность между ними, сохраняя их автономию и независимость.

Источники

- Обложка книги Обложка книги о Патриархе Сербском Павле, опубликованной в Сретенском монастыре (Россия). <http://www.stranamam.ru/post/10903888/>. 10.04.2017.
- Информация о речи Патриарха Кирилла на встрече с общественностью в 2010 г. <https://ria.ru/religion/20100723/257499548>. 14.04.2017.

Литература

- АиФоризмы 1996: *АиФоризмы*. Золотая серия, Москва: Аргументы и факты.
- Анекдот как феномен культуры 2002: *Анекдот как феномен культуры*, Материалы круглого стола 16 ноября 2002 г. Санкт–Петербург: Санкт–Петербургское философское общество.
- Патриарх Павел 2015: *Патриарх Павел. Святой наших дней*, Сост. Ж. – К. Ларше. Москва: Сретенский монастырь.
- Преподобный Антоний Великий 2008: *Преподобный Антоний Великий. Поучения* / Сост. А. Е. Смирновой, М.: Изд-во Сретенского монастыря.
- Dick, Musiichuk 2016a: П. Ф. Дик, М. В. Мусийчук, Свет и свят, *Наука. Научно-производственный журнал*, Т. 2, № 54-2, С. 21-25.
- Dick, Musiichuk 2016b: П. Ф. Дик, М. В. Мусийчук, Святая и светская духовность, *Наука, Научно-производственный журнал*, № 54. С. 9-12.
- Нупніс 2002: В. В. Химник, *Анекдот как уникальное явление русской речевой культуры, Анекдот как феномен культуры*. Материалы круглого стола 16 ноября 2002 г. Санкт–Петербург: Санкт–Петербургское философское общество.
- Kurganov 2001: Е. Курганов, *Похвальное слово анекдоту*, Санкт–Петербург: Изд-во журн. „Звезда”.
- Musiichuk 2015: М. V. Musiichuk, Comic communication mechanism as an intentional – motivated contamination, *Criar Educação*, 2015, Т. 4, № 2.
- Musiichuk 2015: М. V. Musiichuk, Cognitive model of thinking comic in the genesis and modern interpretations, *Japanese Educational and Scientific Review*, Т. XI, № 1 (9), 491-499.
- Musiichuk 2016: М. В. Мусийчук, Песнь о гелотологии божественной и современной, в: *Съвременна гелотология: Сборник от научни ситиши*

- по материјали ојј Међународна научно-пракћическа конференција, Редактори – сјставители М. В. Мусийчук, М. Б. Ворошилова, С. 3-11.
- Musiichuk, Gnevek 2015: M. V. Musiichuk, O. V. Gnevek, Multifunctionality of humor as a mechanism for probabilistic forecasting, *Harvard Journal of Fundamental and Applied Studies*, № 1 (7), 266-272.
- Musiichuk, Pavlov 2016: М. В. Мусийчук, А. П. Павлов, Функции юмора в языковой игре как основа развития интеллектуальной активности личности, *Мир науки*, Т. 4, № 2, 29.
- Ornatskaya 2002: Л. А. Орнатская, *Анекдоты и жизнь, в: Анекдоты как феномен культуры, Материалы круглого стола 16 ноября 2002 г.*, Санкт-Петербург: Санкт-Петербургское философское общество.

**Maria V. Musiychuk,
Olga V. Gnevek,
Pyotr F. Dick,
Sergey V Musiychuk**

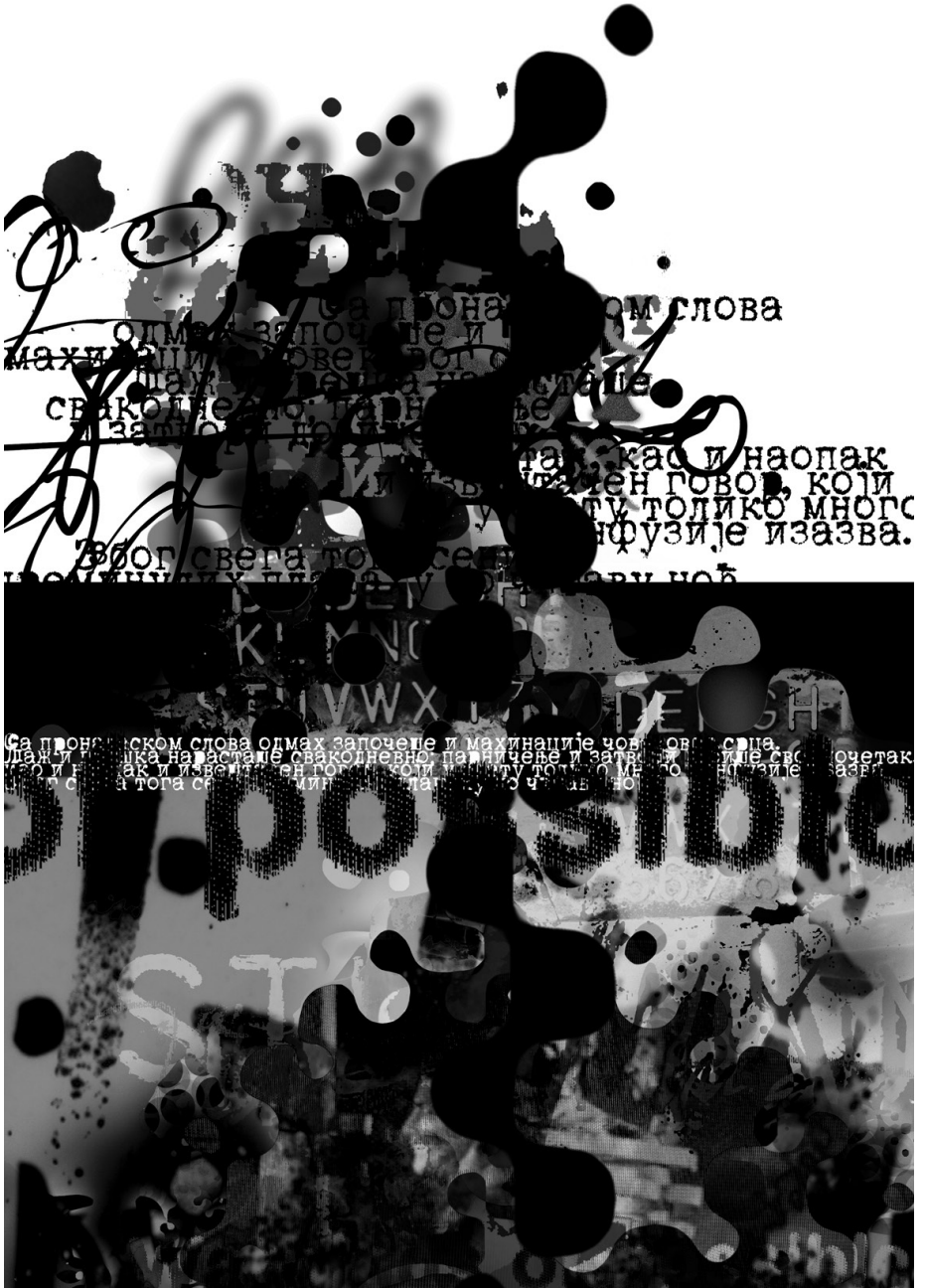
COMPARATIVE ANALYSIS OF LINGUO-COGNITIVE FUNCTIONS OF THE SERBIAN AND RUSSIAN HUMOURS: FROM THE SACRAL TO THE PROFANE

Summary

Humour is an essential ontological feature of language. Linguo-cognitive functions of humour as a linguistic factor in the socio-cultural dynamics of the modern globalizing world is a matter of current interest in the comparative analysis of the Serbian and Russian humours. Humour, as one of the components of cognitive communication, is carried out between different subjects of knowledge (individual or collective; the peculiarities of the national humour, etc.). Linguo-cognitive functions of humour are characterized by the presence of polar ontological manifestations: from the sacral to the profane. Statements from the spiritual treasury of the Serbian and Russian peoples, when presented in a witty manner, convey the thought of philosophical and ethical norms of the sacred in various forms of wit: paradox, irony, word play. The deepest spiritual connection of the Serbian and Russian peoples is shown in a considerable number of facts. One of the clearest is a Russian-language edition of apophthegms by Patriarch Pavle of Serbia. The Patriarch of Moscow and all Russia Kirill highlights a number of the most important functions of humour: a reduction of human conflict, a sense of calm and formation of an optimistic view.

Keywords: functions of humour, Christian humour, lowbrow humour, wit, irony, pun, paradox

*Примљен 6. маја 2017. године
Прихваћен 28. августа 2017. године*

Са пронајском слова

одмах започете и

махирајући словима

свакодневно, парне

и заједно са њима

трајкама и наopak

утицајен говор, који

у толико много

инфузије изазва.

Због свега тога се

немогуће је

К И М Н О П Р С Т В Х Ц Ч Џ Ђ Ш

Са пронајском слова одмах започете и махирајући словима

одмах започете и махирајући словима

одмах започете и махирајући словима

одмах започете и махирајући словима

одмах започете и махирајући словима

одмах започете и махирајући словима

одмах започете и махирајући словима

одмах започете и махирајући словима

одмах започете и махирајући словима

одмах започете и махирајући словима

одмах започете и махирајући словима

одмах започете и махирајући словима

Шулежкова Светлана Григорьевна
*Магнитогорский государственный
 технический университет им. Г.И. Носова, Россия
 Институт гуманитарного образования
 Кафедра русского языка, общего языкознания
 и массовой коммуникации*

ПРОБЛЕМА ЕДИНЕНИЯ СЛАВЯН В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ НА ОСНОВЕ ОБЩИХ КУЛЬТУРНЫХ ИСТОКОВ И МЕНТАЛЬНЫХ ЦЕННОСТЕЙ

Один цвет, одна вера, одна кровь

(Један боје, једна вера, једно крви)

Единение – одна из самых животрепещущих проблем современного славянского мира. У этой проблемы давние корни. Сегодня славян отделяют друг от друга не только государственные границы, но и членство в разных политических и военных блоках. Их претензии друг к другу звучат в спорах по территориальным, экономическим, конфессиональным, историко-культурным вопросам. Ситуация внутри славянского мира осложнилась после развала двух самых крупных государств с преимущественно славянским населением – СССР и Югославии – и прекращением действия Варшавского договора, повлекшего за собой переориентацию стран социалистического лагеря, в том числе славянских, на Запад. Чрезвычайно болезненными для всех славян стали и события на Украине после цветной революции 2014 г., приведшие к гражданской войне, в которой славяне убивают друг друга. На этом фоне отрадно отметить непрекращающиеся дружественные контакты между Сербией и Россией, народы которых, как свидетельствуют факты, в течение многих веков неоднократно доказывали свою верность братскому долгу и бок о бок сражались против общих врагов и в годы Первой мировой войны, и в годы Второй мировой. По-прежнему активно сотрудничают Беларусь и Россия, создавшие уже после распада СССР единое союзное государство, опирающееся на общность исторического прошлого и культурных истоков.

В статье „Проблемы изучения и развития общеславянского культурного наследия» российский филолог В. М. Шаклеин пессимистично замечает: „... будучи близкородственными народами, генетически связанными друг с другом, славяне зачастую представляли собой противостоящие этнические общности. Противоречия между Польшей и Росси-

ей, Сербией и Хорватией, Боснией и Герцеговиной носят многовековой характер. Историческая память южных славян, не раз вовлекавшихся во взаимное истребление, разбившиеся о Россию ожидания поляков, стремившихся создать Великую Польшу, исторические обиды России, спасавшей Болгарию от турок и столкнувшейся с ней в ходе двух мировых войн, – всё это малая часть тех преград, которые невозможно преодолеть никакими умозрительными концепциями “славянского единства” (Shaklein 2009: 38).

Картина современного состояния славянства с его внутренними раздорами и отторжением от России во многом подтверждает пророческие предсказания Ф. М. Достоевского более чем столетней давности. Тогда в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. (Genov 1979] русские солдаты с оружием в руках помогли южным славянам обрести свою независимость в борьбе с Османской империей, несколько веков державшей фактически в рабстве славянское население и жестоко подавлявшей всякие попытки славян-христиан отстоять свои права. Турецкая армия была грозным, хорошо вооружённым (с помощью Великобритании) противником. Сербь, составлявшие наиболее боеспособное ядро южнославянских сил, сражались под лозунгом *Уеднење или смрт!* (*Единение или смерть!*), стремясь объединить южных славян в *единое* независимое государство. Достоевский был уверен в победе над турками и в то же время не обольщался по поводу развития дружеских отношений между Россией и освобождёнными с её помощью славянскими этносами. Не станем здесь повторять горьких слов из „Особого словца о славянах», опубликованного Достоевским в ноябре 1877 г., в самый разгар русско-турецкой войны, в журнале „Дневник писателя». Их особенно любят цитировать современные российские журналисты в связи украинскими событиями, а также в связи с вступлением ряда славянских стран не только в Европейский Союз, но и в НАТО. „... пусть не возражают мне, не оспаривают, не кричат на меня, – писал Достоевский, – что я преувеличиваю и что я ненавистник славян! Я, напротив, очень люблю славян, но я и защищаться не буду, потому что знаю, что всё точно так именно сбудется, как я говорю, и не по низкому, неблагодарному, будто бы, характеру славян, совсем нет, – у них характер в этом смысле как у всех, – а именно потому, что такие вещи на свете иначе и происходят не могут. Распространяться не буду, но знаю, что нам отнюдь не надо требовать с славян благодарности, к этому нам надо приготовиться <...> Начнут же они, по освобождении, свою новую жизнь, повторять, именно с того, что выпросят себе у Европы, у Англии и Германии, например, ручательство и покровительство их свободе, и хоть в концерте европейских держав будет и Россия, но они именно в защиту от России это и сделают” (Dostoyevsky 1984: 81-82). Единственным народом, сохранившим верность славянскому единству после всех перипетий XIX и XX вв., оказались сербы.

Когда Кирилл и Мефодий поставили перед собой задачу совместить крещение славян с созданием для них азбуки и понятного богослужения

ного языка, они учитывали „не только состояние славянского языкового континуума в IX веке, ещё не разорванного территориально приходом венгров и хорошо сохранявшего черты праславянского языкового единства, но и этническое (национальное) самосознание славян” (Tolstoy 1997: 17). Язык первопереводов солунских братьев, через который славяне познавали основы „правой веры», называют по-разному: и *старославянским*, и *древнецерковнославянским*, и *староболгарским* (см., например, работы (Totomanova 2001), (Кръстанов 1982) и др.), и *древнеболгарским*, и *древнемакедонским*... Но то, что в IX–XI вв. он был сакральным общеславянским литературным языком, вряд ли станет кто-нибудь из славистов всерьез отрицать. Как справедливо заключил Е. М. Верещагин, завершая фундаментальное исследование текста Остромирова евангелия, которое многие слависты пытались исключить из состава старославянских памятников, „Близость евангельского текста (как и прочих памятников старославянского языка, добавим мы – С. Ш.) не зависит напрямую от извода и от локализации на панноно-моравской или болгарской территории” (Vereshchagin 2012: 478). И это объяснимо, ибо образцами для древних переписчиков, в каких бы славянских землях они ни находились, служили одни и те же источники. Ссылаясь на работу Б. Пиперова (Piperov 1971: 295), болгарская исследовательница Д. Иванова признаёт, что „старые восточноправославные новозаветные переводы (IX – XIV века) и особенно южнославянские, базируются на сравнительно единой текстологической основе...” (Ivanova 1998: 67).

Автор работы „Славянское единство” А. С. Будилович отмечает, что „единство языка всегда указывает на единство <...> народной психологии, народного умонстроения и миросозерцания». Называя германцев „народом индивидуалистов», он пишет о славянах как „народе общинном, следовательно, и государственном», унаследовавшем после христианизации от греков „любовь к метафизике, искусству, к соборной форме организации церковной, отчасти и политической, вследствие чего образованность греко-славянская получила более широкие основы и равномерное развитие” (Budilovich 2014: 220, 222]. Будучи людьми одарёнными, обладая богатым, развитым языком, занимая обширную территорию, настроенные на жизнь общинную, государственную, славяне, вооружённые новой верой и собственной письменностью, пережили феноменальный взлет своей культуры. И до крещения достигшая высокого уровня развития языческая славянская культура, в IX–XI вв. „пронизывается” христианскими философскими идеями, „пропитывается” новозаветными этическими и эстетическими ценностями. Совершенствуется язык славян-вчерашних язычников, трансформируется их менталитет. Существенной коррекции подвергаются ключевые фрагменты концептосферы средневековых славян. Трансформируются, обогащаются, обрастают новыми вербализаторами концепты „Мир”, „Время”, „Добро”, „Зло”, „Бог”, „Власть”, „Преступление”, „Наказание”, „Семья” и пр.; вписываются в картину мира славян концепты „Грех”, „Мученичество”, „Правая вера», „Святость” и пр. (Часть из этих концеп-

тов описана в коллективных монографиях, подготовленных научными сотрудниками Магнитогорской научно-исследовательской словарной лаборатории (От языковой картины мира 2007-2008; Духовные истоки 2010; Формирование концептосферы 2013)). Таким образом, в IX–XI вв. был заложен прекрасный фундамент для славянского единства.

Встаёт вопрос: можно ли, учитывая исторически сложившиеся противоречия между славянами и в то же время осознавая опасность мощного воздействия на все народы мира процесса глобализации, которая приносит с собою не только цивилизационные блага, но и поглощает целые этносы вместе с их культурами и языками, пытаться возродить славянское единство.

Отвечая на этот вопрос, мы прекрасно осознаём, насколько сложен новый путь к утраченному единству. Славяне составляют фактически половину населения Европы, но, будучи разрозненными, не способны противостоять медленному, но неуклонному сокращению сфер использования их родных языков (кстати, заметим, не без участия самой славянской интеллектуальной элиты) под натиском американизированного английского языка. В условиях универсализации, даже при отсутствии каких бы то ни было дискриминационных законов, достижениям славянских этносов может „не хватить места” в общеевропейской культуре. На наших глазах сужаются также сферы бытования собственно народных традиций, национального искусства и их влияния на подрастающее славянское поколение, которому в силу целого ряда причин выгоднее ассимилироваться в культурах более сильных игроков на мировой арене, чем славянские страны. Всё это касается не только малочисленных славянских этносов, но и 140-миллионного русского народа. Урон, который может быть нанесен культуре славян сегодня, в дальнейшем обязательно отразится и на их роли в мировом сообществе. Славяне не могут не осознавать опасности пассивного наблюдения за судьбой своего богатейшего культурного наследия и должны понимать, что сохранить это культурное наследие для потомков можно только общими усилиями. Но, как горько и точно выразился активный сторонник восстановления славянского единства вообще и русского мира в частности О. Н. Трубочев в книге „В поисках единства», в наше время, столь характерное острыми дефицитами, **дефицит единства**, возможно, один из самых острых” (Trubachev 1992: 30).

Россия, как достаточно сильная и самая большая из всех сформировавшихся на бывшей территории средневековой Славии стран, предпринимала попытки восстановления культурных связей между славянами, проживавшими в разных государствах. В XIX в. большой резонанс получил организованный российскими общественными деятелями Славянский съезд 1867 г. (см. (Славянский съезд 1867; Mayorova 2001)), на котором присутствовали представители практически всех славянских этносов, кроме поляков, чьё восстание незадолго до съезда было жестоко подавлено российским регулярными войсками и жандармерией. „Москва репрезентировалась в дни съезда как могущественный

сакральный центр, объединяющий славянские племена в единый народ, город, призванный восстановить легендарную исходную картину – единство языка, духовное единство и братскую любовь, завещанную Кириллом и Мефодием. Выполнив роль “собираательницы земли русской”, Москва, казалось, приступает к новой миссии – станет собираательницей славян” (Mayоgova 2001). Справедливости ради следует сказать, что не только русские, но и другие славянские народы пытались в разное время возродить „золотое время», когда Славия населяли люди, ощущавшие себя родственными и по языку, и по культуре. Как правило, наиболее энергичные славянские этносы собирали вокруг себя территориально близкие и по языку, и по культуре славянские народы. Так в центре Европы Хорватия, Словения, Босния и Герцеговина, Далмация, Сербия и Черногория основали Королевство Югославия (1918-1945); его наследницей с 1946 г. стала Социалистическая Федеративная Республика Югославия, распад которой, начавшись в 1991 г., завершился бомбёжками НАТО в 1999 г.

И все же, несмотря ни на какие препятствия, идея единения славян жива. Взаимная тяга славян друг к другу зиждется на этническом родстве, языковой близости, общности религии, сходстве психологического склада, одних и тех же этических ценностей и культуры в целом. Эту тягу необыкновенно емко выразила в своих девизах, в пословицах Сербия, страна нестигаемого народа, который продолжает видеть в России своего истинного друга и не оставляет надежды на единение славян, гарантом которого может стать только Россия. Тема единения – одна из самых сильных в менталитете сербов. Не случайно государственным девизом Сербии стало крылатое выражение *Само слога србина сјасава!* (*Только единство сјасает сербов!*), приписываемое покровителю Сербии святому Савве (1169–1236), сыну самодержца Сербии Симеона. Начав иноческую жизнь в русском Пантелеевом монастыре на Афоне, Святой Савва в 1219 г. стал первым архиепископом всей Сербии и сыграл огромную роль в деле укрепления позиций православия и государственности в своей стране (Святитель Савва). Единение южных славян в борьбе с поработителями во имя создания независимого югославянского государства сербы ценили превыше всего. Вполне понятно, почему одной из самых популярных пословиц сербов стал оборот *Там, где единство, там и Божье благословение!*, а созданная в 1911 г. тайная организация патриотически настроенных сербов „Чёрная рука”, возглавляемая полковником Драгутином Димитриевичем, начальником департамента разведки сербского генерального штаба, действовала под лозунгом *Уеднењ или смрт!* (*Объединение или смерть!*).

Борьба сербов за свою независимость всегда вызывала сочувствие в российском обществе. Она нашла отражение в художественной литературе, которая способствовала закреплению в русской языковой системе сербских лозунгов и девизов. Так, в историческом романе В. Пикуля главный герой, российский разведчик, сын сербки, невольный участник событий, связанных с убийством короля Сербии и его супруги Драги,

при встрече с легендарным главой „Чёрной руки” Аписом, слышит от него девиз подпольной организации: *Уеднење или смрті!*: *В оіустившем казино ко мне подсел Драгушин Апис: – Неїт смысла скривать, что сегодня ночью победим или все погубнем... Победят или погубнут все, кого ты здесь встретил! На террор власти отвечаем террором. Но если народ сдавлен страхом, действовать обязаны мы – армия. От Обреновичей не дождайся чистой голубки радости – навстречу нам летит чёрный ворон ойчаяния... Если Черногория – славянская Спарта, то Сербия станет для славян сийсийтельным Пьемонтом, ойкуда вышел Гарибальди, чтобы сийсии Италию... **Уеднење или смрті!** (По-русски это звучало бы: „Объединение или смерть!”) (В. Пикуль. Честь имею, 1986). В произведении российского автора начала XXI столетия этот девиз звучит из уст террориста, покушавшегося на жизнь австрийского эрцгерцога Фердинанда и его супруги: *Двое полицейских вели под руки мокрого молодого человека в разодранной белой рубашке с пятнами крови на груди. Он был основательно избит, из носа его сочилась кровь. Вероятно нахлебавшись воды, он сильно кашлял и ойшлевывался. Фердинанд некоторое время смотрел на бомбиста, ойтом сирсил: – Как вас зовут? – **Уеднење или смрті,** – произнес ойт тяжело дыша. – Ничего, он скажет, ваше высочество, – убедительно произнес удерживавший парня унтер-офицер. Фердинанд ойвернулся. К нему снова подошел граф Гаррах. – Все раненые ойправлены в госпиталь: два десятка гражданских и двое наших офицеров. Один ранен ойжело, в голову (О. Курылёв. Убить фюрера, 2007).**

О девизе *Уеднење или смрті!* российские авторы вспоминают в связи трагическими событиями 1999 г., когда НАТОвские бомбардировки унесли жизни 1700 сербов, в том числе 400 детей: *Ровно десять лет тому назад НАТО начал наносить бомбовые удары по Югославии. Я работал тогда в одной небольшой конторе. По советской ещё традиции в помещении весь день вещало радио <...> Было ясно, что сейчас в Югославии забивается последний гвоздь в гроб старого доброго мира – того мира, в котором родился и вырос, который ойнюдь не был всегда таким уж добрым и идеальным, но был до боли родным и знакомым. В котором единственно и возможно жить таким как я...<...> Удивлялись возмущенно – почему сербы не ударят в ойвет, зачем дают ойспрейсивенно бомбить себя <...> К черту эту дурацкую сдержанность, к черту ойлиткоректност! Ведь всё ойворяется, как и 85, как и 55 лет назад. Тогда сербы не сидели сложа руки, дрались и победили, надо и сегодня так же, терять ведь нечего: „**Уеднење или смрті!**». Югославию наши разговоры не сйасли, но свою маленькую победу нам одержать удалось: мы сйали ойкрыто демонстрировать ойвращение к передачам „Эха», в конце концов, назойливый „шелескрин»таки был выключен... (И. Иоффе).*

Русский вариант сербского государственного девиза *Объединение или смерть!* гармонично вписался в российский лозунговый корпус и активно используется в политическом дискурсе применительно и к ситуациям, не имеющим отношения к балканским событиям. Терроризм, угрожающий всему человечеству, заставляет лидеров и общественных

деятелей всех стран мира думать об объединении усилий в борьбе с этим страшным злом: **Объединение или смерть**, в таком духе выступили в январе председатель Евросоюза Дональд Туск и Джордж Сорос, они дали ЕС два месяца, в то время как смерть Шенгена конституировал Николя Саркози во Франции. Что же делать Европе? Есть ли у кого поучиться? Да, есть, мир это не только старый свет, но и новый. В XX веке в Латинской Америке был ряд политиков, которые брали курс на суверенизацию <...> Вершиной этого движения являлся Уго Чавес, именно он объединил Латинскую Америку против гегемонии США <...> Если Европа не готова к этому опыту, то он есть у нас. В начале 2000-х мы вернули Чеченскую республику, установили вертикаль власти, приняли новую символику страны, устранили разницу между федеральными и региональными законами, вернули армию и флот в достойное место в обществе. И самое главное нам удалось, вернуть себе сердце Крым. Сегодня нас проверяют на прочность, ищут возможность устроить такой же кризис как в Европе <...> никто оставял нас в покое не собирается, к нам ищут пути, наша задача не повторить ошибки Европы не разрушать стены, которые держали такие люди как Муаммар Каддафи и Саддам Хусейн. Может ли Европа выжить после своих ошибок, только когда тебя атакуют с двух сторон Вашингтон и Анкара, можно понять, что нужен новый суверенный путь. Ведь если **не придёт объединение, тогда стоишь ждешь смерть** (М. Туборин). Размышляя над судьбами оппозиционных сил России, один из российских журналистов предваряет свою статью сербским государственным девизом, который давно уже не воспринимается нами как заимствованный: **Объединение или смерть!** Неожиданное слияние Российской партии жизни и „Родины» ускорило процесс интеграции политических структур. Так, лидер „Народной воли» Сергей Бабурин заявил о возможности объединения уже в начале августа со „Свободой и народовластьем» и Партией мира и единства. Участников процесса можно понять – сроки поджимают. Напомним: до сентября Росрегистрация планирует завершить проверку партий на соответствие новым стандартам – в них должно состоять не менее 50 тысяч человек. По прогнозу главы ЦИКа Александра Вешнякова, к довыборам в Госдуму доживет не более 20 структур (Костенко Н. **Объединение или смерть!** // Газета „Политика», 31.07.2006).

Вместе с клятвой верности Родине которая родилась в годы гражданской войны в Испании как *Patria o muerte!* (1936-1939), а затем была подхвачена лидером Кубинской революции Фиделем Кастро и проникла в СССР в переводной форме *Родина или смерть!*, сербский девиз *Объединение или смерть!* стал в русском языке базой для фразеологической серии. Все единицы этой серии построены по модели „переменный компонент»+ „или смерть» и указывают на ситуацию выбора, от которого зависит нечто чрезвычайно важное, стоящее человеческих жизней: *Свобода или смерть!*, *Мобилизация или смерть!*, *Социализм или смерть!*, *Кайшуляция или смерть!* и пр. (см. (Дайте миру шанс: 192-193)).

Думается, что формы взаимодействия между Россией и Сербией, складывающиеся в современных условиях, – это лишь одна из тропинок, проложенных в будущее славянского единения, к которому стремится Российская Федерация. Там, где единство, гласит сербская поговорка, там и божье благословение. Равноправие во взаимодействии исключает основу для разногласий. Не случайно и в России, и в Сербии функционирует целый блок идентичных лозунгов, подчёркивающих взаимное уважение двух славянских народов и учёт интересов друг друга: *Сербия – Россия!, Россия – Сербия!; Кроме серба, русский тоже серб!; Что важно для русской души, то важно и для души сербской!; Общая вера! Общие враги!; Косово – это Сербия!, Крым – это Россия!; Русские и сербы – братья навек!* А события последних лет наряду с трогательными словами *На небе – Бог, а на земле – Россия!, Путин – серб!* и *Владимир, спаси Сербию!* Всё чаще звучат призывы *Славяне, крейише ряды!*

Конечно, в процессе единения славян значительную роль должна сыграть Россия. В упомянутой выше статье Ф. М. Достоевский спрашивает: „... для чего это все, наконец, и зачем брать России на себя такую заботу? Для чего: для того, чтоб жить высшею жизнью, великою жизнью, светить миру великой, бескорыстной и чистой идеей, воплотить и создать в конце концов великий и мощный организм братского союза племен, создать этот организм не политическим насилием, не мечом, а убеждением, примером, любовью, бескорытием, светом...” (Dostoyevsky 1984: 357).

Литература

- Budilovich 2014: А. С. Будилович, *Славянское единство*, Москва: Институт цивилизации.
- Dostoyevsky 1984: Ф. М. Достоевский, *Одно совсем особое словцо о славянах, койторое мне давно хошелось сказать*, *Дневник писателя*, ноябрь 1877. ПСС: в 30 т., 26, Ленинград: Наука.
- Genov 1979: Ц. Генов, *Русско-турская война 1877-1878 гг. и подвиг освободителей*. София: София Пресс.
- Ivanova 1998: Д. Иванова, О текстологической традиции в славянских восточнославянских православных евангельских переводах (в болгарском, сербском и русском) XIX века, в: *Славистика*, Пловдив: Пловдивский им. Паисия Хилендарского университет, 67-82.
- Mayorova 2001: О. Майорова, Славянский съезд 1867 года: Метафорика торжества, *Новое литературное обозрение*. Москва, № 51, 89-110. <http://magazines.russ.ru/nlo/2001/51/mayor.html>. 25.11.2016.
- Piperov 1971: Б. Пиперов, Превзвигер Лукиан, неговата рецензия на библейския текст и преводът на св. Кирил и Методий, *Год. на Духовната Академия „Св. Климент Охридски“*, 18, (44), 285-296.
- Shaklein 2009: В. М. Шаклейн, Проблемы изучения и развития лингвокультурного наследия, *Вестник Московского университета*. Серия 9. Филология, 5. Москва, 38-45.

- Shulezhkova (ред.) 2013: *Формирование концептосферы восточнославянского этноса на ранних этапах становления государственности*: колл. монография. Москва: ФЛИНТА: Наука.
- Shulezhkova (ред.) 2007–2008: *От языковой картины мира средневекового славянина к современной русской языковой картине мира*: колл. монография, ч. 1-2. Магнитогорск: Магнитогорский государственный университет.
- Tolstoy 1997: Н. И. Толстой, SLAVIA ORTHODOXA и SLAVIA LATINA – общее и различное в литературно-языковой ситуации (опыт предварительной оценки), *Войросы языкознания*, 2. Москва, 16-23.
- Totomanova 2001: А.-М. Тотоманова, Текстологични бележки върху Ватиканския палимпсест. Изследвания в чест на проф. Н. Т. Тотев, *Преславска книжовна школа*. София: СИБАЛ, 185-197.
- Trubachev 1992: О. Н. Трубачёв, *В поисках единства*, Москва: Наука.
- Vereshchagin 2012: Е. М. Верецагин, *Кирилло-мефодиевское книжное наследие. Межъязыковые, межкультурные и междисциплинарные разыскания*, Москва: Индрик.
- Vishnyakov 2014: Я. В. Вишняков, „Чёрная рука“ в сербской политике начала XX века, *Военно-исторический журнал*. <<http://history.milportal.ru/2014/11/chyornaya-ruka-v-serbskoj-politike-nachala-xx-veka/>>. 25.11.2014.
- Ватиканско евангелие 1996: *Ватиканско евангелие. Старобългарски кирилски айракос от X в. в палимпсестен кодекс Vat. Gr. 2502* / подготовили за издаване: Тр. Кръстанов, А.-М. Тотоманова, И. Добрев. София: СИБАЛ.
- Дайте миру шанс! 2016: С. Г. Шулежкова, А. А. Осипова и др. *Дайте миру шанс! Словарь современных политических лозунгов России Германии*. Магнитогорск: ЗАО „Магнитогорский Дом печати“; Greifswald: Ernst-Moritz-Arndt-Universität.
- Духовные истоки 2010: *Духовные истоки русской языковой картины мира*: колл. монография / под ред. С. Г. Шулежковой. Магнитогорск: Магнитогорский государственный университет.
- От языковой картины мира 2007–2008: *От языковой картины мира средневекового славянина к современной русской языковой картине мира*: колл. монография, ч. 1-2 / под ред. С. Г. Шулежковой. Магнитогорск: Магнитогорский государственный университет.
- Святитель Савва 2019: *Святитель Савва, архиепископ Сербский. Православный церковный календарь*. <<http://days.pravoslavie.ru/Life/life199.htm>>. 25. 11. 2016.
- Славянский съезд 1867: *Всероссийская этнографическая выставка и славянский съезд в Москве в мае 1867 года*. Москва: Изд. Н.А. Попов.
- Формирование концептосферы 2013: *Формирование концептосферы восточнославянского этноса на ранних этапах становления государственности*: колл. монография / под ред. С. Г. Шулежковой. Москва: ФЛИНТА: Наука.

Svetlana G. Shulezhkova

THE PROBLEM OF THE SLAVS UNITY IN THE AGE OF GLOBALIZATION ON THE BASIS OF COMMON CULTURAL BACKGROUND AND MENTALITY

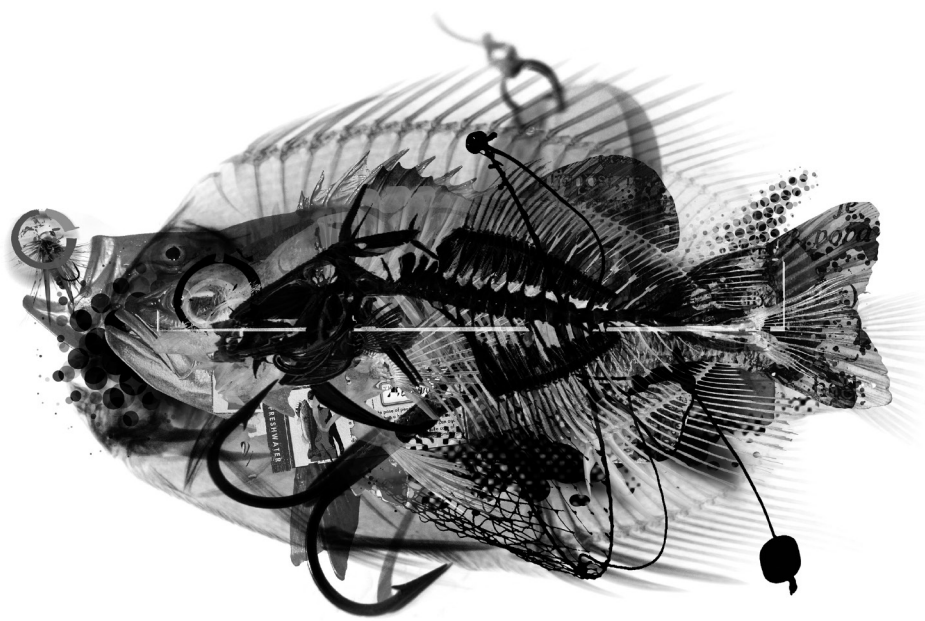
Summary

One of the most crucial issues of the modern Slavic world is unity. The roots of this problem lie deep in the past. Slavs are nowadays separated from each other by not only state frontiers, but also by membership in different military alliances and political coalitions. Slavs have claims against each other concerning territorial, economic, confessional, historical and cultural matters. The situation in the Slavic world has become more complicated after the break-up of two largest countries with mainly Slavic population—the USSR (1991) and Yugoslavia (1999-2008). The termination of the Warsaw Pact caused the pivot of the Communist bloc, including Slavic countries, towards the West. The terrible events in the Ukraine after the “colour-coded” revolution in 2014 has led to a civil war in which Slavs killed each other. Amidst these events, it is worth mentioning friendly contacts between Serbia and Russia. Over many centuries, people of these countries displayed fidelity to fraternal duty and fought against the same enemies side by side during the years of World War I and World War II. After the USSR break up, Belarus and Russia created the Union State, based on common history and culture and still have active contacts.

The article deals with the key problem of the modern Slavic world—the preservation of culture in the age of globalization. The author of the article believes that only joint efforts of all Slavs can help them keep traditions and pass the experience of scientific cognition of the world and its imaginative perception, reflected in national arts, to future generations. As has been demonstrated historically, only mutual support helped Slavs overcome difficulties and achieve goals. With the help of Russia, the South Slavs got freedom from Turkish yoke; during World War II, Slavic people from occupied countries fought together with the Red Forces against Hitler's Army and won. Globalization is an inevitable consequence of technological progress. Active economic, political and cultural contacts among countries lead to the constriction of areas where small peoples' languages are used. All of this can cause the death of their cultures. The common heritage of Cyril and Methodius, Christian religion, affinities of language and culture, common ethical values and similar crucial concepts are the base for Slavic unity. Similar features in Serbian, Russian and Ukrainian slogans with element “unity” demonstrate the actuality of the question.

Keywords: Slavs, unity, globalization, cultural heritage, religion, language, affinity

*Примљен 6. маја 2017. године
Прихваћен 24. августа 2017. године*

АУТОРИ НАСЛЕЂА

Абрамзон Татьяна Евгеньевна

Родилась в 1971 году в городе Магнитогорске, Челябинской области. В 1992 году она окончила Магнитогорский государственный педагогический институт по специальности „русский язык и литература”. В 1998 году в Санкт-Петербургском государственном педагогическом университете защитила диссертацию на соискание ученой степени кандидата филологических наук по теме „Суеверные представления в русской литературе второй половины XVIII века”. В 2007 году в Московском государственном университете Т.Е. Абрамзон защитила диссертацию на соискание ученой степени доктора филологических наук по теме „Поэтические мифологии XVIII века”. Как ученый Т.Е. Абрамзон сформировалась под влиянием и под руководством докторов филологических наук, профессоров В.А. Западава, А.А. Илюшина, А.М. Пескова, Е.Н. Ковтун. Научные интересы Т.Е. Абрамзон связаны с изучением мифологии власти и литературы, а также с этапами развития русской литературы XVIII века. Главное внимание исследователь уделяет доминирующей в XVIII веке мифологии просвещения, важнейшими составляющими которой являлись мифология государства и мифология разума. С 2016 г. Т.Е. Абрамзон возглавляет кафедру языкознания и литературоведения института гуманитарного образования в Магнитогорском государственном техническом университете. Основные научные труды: „Поэтические мифологии XVIII века. Ломоносов. Сумароков. Херасков. Державин“ (Магнитогорск, 2006), „Просветительские мифы М.В. Ломоносова. (М., 2005). „М.В. Ломоносов – мифотворец „нового времени” (просветительский миф о Прометее в „Письме о пользе Стекла”) //Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2005. №3.
ate71@mail.ru

Антропова Людмила Ильинична

Родилась 26 августа 1947 года в Зилаирском зерносовхозе, Башкирской АССР. В 1970 году окончила Магнитогорский государственный педагогический институт по специальности „иностранные языки”. В 1978 году в Московском педагогическом институте иностранных языков имени М. Тореза она защитила кандидатскую диссертацию по теме „Лексико-фразеологическое поле „порицать” (на материале современного немецкого языка)”. В 2005 году в Челябинском государственном университете Л.И. Антропова защитила диссертацию на соискание ученой степени доктора филологических наук по теме „Формы 9 существования языка: социокультурно-коммуникативный подход”. В 2006 году Л.И. Антроповой присвоено ученое звание профессора. В настоящий момент работает на кафедре иностранных языков по техническим направлениям МГТУ им. Г.И. Носова. Направления подготовки по читаемым дисциплинам: Дисциплины „Иностранный язык” (английский / немецкий) и „Иностранный язык в профессиональной деятельности” по всем направлениям подготовки университета. Степень, звание: доктор филологических наук, профессор. Всего более 70 научных и учебно-методических работ, в том числе 3 монографии.
alitier@mail.ru

Атнагулов Ирек Равильевич

Родился в 1965 г. в г. Троицке Челябинской области. В 1989 г. окончил МГПИ. В 1989 – 1994 гг. работал учителем в средней школе и гуманитарном лицее. С 1994 г. – в МГПИ, МаГУ, МГТУ им. Г.И. Носова. В 2002 г. – защита кандидатской диссертации в Институте археологии и этнографии СО РАН. Доцент кафедры Истории древнего мира и средних веков МаГУ. С 2015 г. – доцент кафедры Всеобщей истории МГТУ. С 2002 по 2016 гг. Заведующий лабораторией археологических и этнографических исследований. С 2016 г. Заведующий лабораторией археологии, этнографии и историко-культурного туризма НИИ Исторической антропологии и филологии МГТУ им. Г.И. Носова. В июне 2017 г. – защита докторской диссертации в Институте археологии и этнографии СО РАН. Область научных интересов – этнология, этнография и антропология Евразии, народы тюркской, славянской и финно-угорской групп. Автор 50 работ, в том числе 3 монографий „Опыт комплексного историко-этнографического исследования хозяйства и материальной культуры второй половины XIX – начала XX века” (2007), „Идентичности нагайбаков: генезис, структура, динамика” (2015) и др.
i.atnagulov@mail.ru

Бедрикова Майя Леонидовна

Родилась в 1963 в г. Магнитогорск, Россия. Является кандидатом филологических наук, доцентом кафедры языкознания и литературоведения Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова. Окончила аспирантуру по специальности 10.01.01 – русская литература при МПГУ (Москва), защитила кандидатскую диссертацию „Особенности психологизма русской прозы второй половины 1980- х гг. (Творчество В. Астафьева и В. Распутина)” (1995).

Область основных научных интересов: современная русская проза; теория литературы; литературная критика. Основные публикации:

Особенности „традиционной” русской прозы 1980-1990-х гг. (Проза В.Астафьева и В. Распутина) // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып.9. 2000; О „вечных темах” в русской прозе конца XX века // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып.8. 2003; К вопросу о жанровой обусловленности в репрезентации признаков концепта „Смерть” в прозе В. Распутина: опыт семантико-когнитивного анализа // Проблемы истории, филологии, культуры, 2009. Вып. 2 (24). С. 879- 883; Концепт „Творчество” в малой прозе В. Распутина 1980- 2000- х гг. как материал для антологии художественных концептов // Проблемы истории, филологии, культуры, 2011. Вып. 3 (33). С. 735- 740; Особенности художественного осмысления советской эпохи в произведениях писателей русского зарубежья конца 20–начала 21 вв. // Русскоязычные писатели в современном мире (литература и культура эмиграции). VI Международный форум русскоязычных писателей „Литературная Вена”. Вена, 2014. С.265 – 271; Концепт „Родная земля” в прозе В. Распутина последней трети XX – XXI вв. как материал для антологии художественных концептов // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. 3 (45). 2014. С. 325-327.

mlbedrikova@gmail.com

Гневэк Ольга Владимировна,

доктор педагогических наук, директор Институт гуманитарного образования МГТУ им. Г.И. Носова. Родилась в Магнитогорске в 1959 г. В область профессиональных интересов входят следующие области знания: история языка, психолингвистика, когнитивная лингвистика, лингводидактика, педагогика и психология высшей школы.

Основные публикации:

Гневэк О.В. О понятийном аппарате гелотологии // В сборнике: Современная гелотология Сборник от научни статьи по материали от Международна научно-практическа конференция. Редактори-съставители М.В. Мусийчук, М. Б. Ворошилова. Варна: център за научни изследвания и информация „Парадигма“, 2016. С. 46-67.

Гневэк О.В. Деятельностный статус универсальных учебных умений // В сборнике: Модернизация образования и некоторые векторы развития современного поколения. Москва: Московский государственный гуманитарный университет им. М.А. Шолохова, 2015. С. 194-201.

Гневэк О.В. К проблеме лингвистической диагностики инвективы // Проблемы истории, филологии, культуры. 2014. № 3 (45). С. 381-384.

Musiichuk M.V., Gnevek O.V. Multifunctionality of humor as a mechanism for probabilistic forecasting // Harvard Journal of Fundamental and Applied Studies. 2015. № 1 (7). С. 266-272.

gnevek.olga@yandex.ru

Дик Пётр Францевич,

кандидат философских наук, доцент. Дата и место рождения: 06.03.1952, п. Ново-Ильиновка Тарановского района Кустанайской области Казахской ССР.

Преподавание в вузе: с ноября 1976 года по настоящее время.

Место работы: Казахстан, Костанайский инженерно-экономический университет (КИнЭУ), профессор кафедры социально-гуманитарных наук.

Научные интересы: философия культуры, религии, этноса, личности; научно-философское светское религиоведение.

Основные публикации:

Дик П.Ф. Святая и светская духовность // Дулатовские чтения 2016: Материалы VIII межд. науч.-практ. конф. / Наука. н-пр. ж. № 4. Спецвыпуск „Общественные и точные науки“, декабрь 2016. Костанай: КИнЭУ, 2016. С. 9-12.

Дик П. Ф. Религия как освящение творческого начала // Религия и религиозность в локальном и глобальном измерении: сб. трудов межд. науч. конф. 30-31 октября 2013 г. / Свеча-2013, Т. 23. Владимир: ВлГУ, 2013. 277 с. С. 76-88.

Дик П.Ф. К понятию религии как феномена культуры / Э.В. Ильенков : Идеальное. Мышление. Сознание: Материалы XIV международной научной конференции „Ильенковские чтения 2012“ (Москва, 12-13 апреля 2012 года). Часть вторая / Под ред. Е.В. Мареевой. М.: СГУ, 2012. 425 с. С. 195-204.

Дик П.Ф. К единому научно-философскому понятию религии / Национальная философия в контексте современных глобальных процессов: материалы международной научно-практической конференции, 16–17 декабря 2010 г. / науч. ред. совет: А.А. Лазаревич [и др.]; Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т философии. Минск: Право и экономика, 2011 [ISBN 978-985-442-964-9]. С. 555–557. URL: <http://www.philosophy.by/obj/conf2010.pdf>

Дик П. Ф. Основы религиоведения (этнокультурный аспект): Учебник для слушателей юридических специальностей. Астана-Костанай, 2000.

Дик П.Ф. Учебные пособия по философии и культурологии (2013, 2010, 2003, 2001, 1998).

Дик П.Ф., Дик Н.Ф. Культурология. Учебное пособие. Ростов-на-Дону: Феникс, 2006.

personality21@mail.ru

Залавина Татьяна Юрьевна,

кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков по техническим направлениям Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова. Образование: Магнитогорский ордена „Знак Почета” государственный педагогический институт по специальности „Иностранные языки”. Специальность по диплому: учитель французского и немецкого языков. Общий стаж работы: 24 года. Преподаваемые дисциплины: „Иностранный язык”, „Иностранный язык в профессиональной деятельности”, „Деловой иностранный язык”.

Всего более 20 научных и учебно-методических работ, 2 монографий, в том числе: Залавина, Т.Ю. Паремнологический концепт «деньги» как форма ментальной репрезентации знаний о мире [Текст]/Т.Ю. Залавина, О.Н. Афанасьева, Л.А. Шорохова // Проблемы истории, филологии, культуры. 2016. №1 (51). С. 372-379. Залавина Т.Ю. Французский язык для профессиональных целей: учебное пособие. Магнитогорск: МГТУ им. Г. И. Носова, 2014.

tania_mgn@rambler.ru

Зайцева Татьяна Борисовна

Родилась 28 октября 1966 года в г. Магнитогорске (Челябинская область, Россия). В 1988 г. закончила с отличием филологический факультет Магнитогорского государственного педагогического института. С 1992 по 1995 гг. обучалась в аспирантуре при кафедре русской литературы XIX в. Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (г. Санкт-Петербург) под руководством доктора филологических наук, профессора Я.С. Билинкиса. В 1996 г. в РГПУ им. А.И. Герцена защитила кандидатскую диссертацию „Чехов и Гончаров: проблемы поэтики”. В 2015 г. в УрФУ им. Б.Н. Ельцина (г. Екатеринбург) защитила докторскую диссертацию „Художественная антропология А.П. Чехова: экзистенциальный аспект (Чехов и Киркегор)”. Работает на кафедре языкознания и литературоведения института гуманитарного образования Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова, доцент. Область научных интересов: история и философия русской литературы, поэтика, литература в кругу других искусств, творчество И.А. Гончарова, А.П. Чехова. Автор более 70 публикаций, в том числе статей „Чехов и Киркегор о любви-воспоминании”; „Драма Чехова ‘Три сестры’ как парафраза стихотворения М.Ю. Лермонтова ‘Три пальмы’”; „Этический и эстетический’ способы существования в повести А.П. Чехова ‘Моя жизнь’” и др.

tbz@list.ru

Зеркина Наталья Николаевна

Кандидат филологических наук, доцент, родилась 30.11.1971 в п. Каракуль Карталинского р-на Челябинской области. Заведующий кафедрой иностранных языков по техническим направлениям МГТУ им. Г. И. Носова.

С 1995 по 1999 г. обучалась в аспирантуре Московского педагогического государственного университета. В 1999 г. защитила кандидатскую диссертацию на тему „Семантика прилагательных цвета и ее отражение во фразеологии языка новоанглийского периода (на примере прилагательных black, white, red)”.

Область научных интересов - фразеология английского языка, лингвистическая семантика, лингвистическая аксиология, ономастика, антропонимика, аббревиация, прилагательное и др.

Является автором более 70 научных и учебно-методических работ, монографий. Автором 13 публикаций в наукометрических базах Scopus и Web of Science.

Совместно с: Kostina N. N., Pesina S. A. *Abbreviational Worldview as Part of Linguistic Worldview // Procedia - Social and Behavioral Sciences*. 2015. Т. 192. С. 703-709.

Совместно с: Lomakina Y. A., Kostina N.N., Urazayeva N. R., Emets T. V., Trutnev A. Y., Gallyamova M. S., Melnikova E. P., Lukina O. A. *Axiological Linguistics and Foreign Language Teaching // International Journal of Environmental and Science Education*. 2016. Т. 11. № 12. С. 5146-5154.

Совместно с: Kostina N. N. *English Phraseology in Teaching: Interrelation of Theory and Practice // Procedia - Social and Behavioral Sciences*. 2015. Т. 199. С. 143-148.

Мультикультурализм английской фразеологии. Русские лингвокультурологические заимствования // *Проблемы истории, филологии, культуры*. 2014. № 3 (45). С. 223-225.

Терминология и фразеология // *Вестник Челябинского государственного университета*. 2013. № 31 (322). С. 138-140.

agatik01@mail.ru

Колесникова Ольга Юрьевна

Родилась 27.02.1979 в Магнитогорске. Окончила Магнитогорский государственный университет в 2001 г. по специальности: учитель английского и немецкого языков. Стаж работы по специальности: 16 лет. В настоящий момент является доцентом кафедры языкознания и литературоведения. В 2008 г. защитила диссертацию и была присвоена степень кандидата филологических наук. Сфера научных интересов – зарубежная литература XVIII века. Основные работы: Колесникова О.Ю. „Успешный порок” в творчестве Джона Ванбру: монография / О.Ю. Колесникова. Магнитогорск: Изд-во Магнитогорск гос. тех. ун-та им. Г.И. Носова, 2016. 106 с. Преподаваемые дисциплины: деловой английский, деловой иностранный язык, концепт в межкультурной коммуникации, научная коммуникация на иностранном языке, практикум по профессиональной коммуникации на иностранном языке, практикум по языку делового общения, практический курс первого иностранного языка (английский языка).

373foxy@mail.ru

Ломакина Екатерина Александровна,

кандидат филологических наук, доцент. Родилась 24 сентября 1975 в Магнитогорск Челябинской области.

В 1997 г. закончила факультет иностранных языков Магнитогорского государственного педагогического института, а в 1999 устроилась работать в вузе в должности ассистента кафедры иностранных языков, в настоящее время доцент кафедры языкознания и литературоведения.

С 2002 по 2005 гг. обучалась в аспирантуре Магнитогорского государственного университета. В 2006 г. защитила кандидатскую диссертацию на тему „Маска как художественный прием в комедии Уильяма Уичерли «Деревенская жена» в контексте западноевропейской драматургии”. Область научных интересов - филология английского языка, лингвистическая семантика, лингвистическая аксиология, ономастика, антропонимика.

Является автором более 30 научных и учебно-методических работ, монографий, автором 5 публикаций в наукометрических базах Scopus и Web of Science.

Совместно с: Зеркина Н. Н. К вопросу об адъективной картине мира // Информационная безопасность и вопросы профилактики киберэкстремизма среди молодежи Материалы внутривузовской конференции. Под редакцией Г. Н. Чусавитиной, Е.В. Черновой, О.Л. Колобовой. 2015. С. 219-224.

Совместно с: Зеркина Н. Н. Формирование системы общечеловеческих ценностей современных студентов средствами английского языка // Иностранные языки: лингвистические и методические аспекты. 2015. № 32. С. 46-50.

Совместно с: Zerkina N. N., Kostina N. N., Urazayeva N. R., Emets T. V., Trutnev A. Y., Gallyamova M. S., Melnikova E. P., Lukina O. A. Axiological Linguistics and Foreign Language Teaching // International Journal of Environmental and Science Education. 2016. Т. 11. № 12. С. 5146-5154.

leakaty@mail.ru

Назарычева Алевтина Ивановна

Родилась в 1976 году в г. Щецинск (ПНР). Кандидат философских наук, доцент кафедры права и культурологии института экономики и управления Магнитогорского государственного университета им. Г. И. Носова. Сфера профессиональных и научных интересов: исследование, консультирование, преподавание в следующих направлениях: философия и философская антропология, этика и эстетика в системе культуры, теоретико-методологические особенности изучения культуры, исследование современной культуры с философской и культурологической точки зрения, изучение проблем межкультурных коммуникаций Востока и Запада. Последние публикации:

1. Назарычева А. И. Проблема свободы и творчества в изменяющихся культурных условиях//Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение.- Вопросы теории и практики. Тамбов, 2015. № 5 (55)
2. Назарычева А. И., Мельник М. А. Взаимосвязь культуры и образования в условиях современной реальности \\\ Вестник Челябинского государственного университета. Серия „Философия. Социология. Культурология” Выпуск 37 № 19 (374) 2015
3. Назарычева А. И., Мельник М. А. Межкультурное взаимодействие Востока и Запада в ситуации новых культурных смыслопорождений \\\ Южно-Уральский педагогический журнал, 2015. №3

4. Назарычева А. И. Межкультурные взаимодействия Востока и Запада: история и современность \ Молодежь в науке и культуре XXI века. Материалы молодежного научно-творческого форума. 2015

alevtina.n76@mail.ru

Овчарова Светлана Владимировна

Родилась в 1975 году в г. Магнитогорск. Кандидат филологических наук, доцент кафедры языкознания и литературоведения института гуманитарного образования Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова. Сфера профессиональных и научных интересов: преподавание и изучение иностранных языков и культур, перевод и переводоведение, теории и практики межкультурных коммуникаций, история европейской литературы. Последние публикации:

1. Овчарова С. В. Проблема власти в романе Ф. Фюмана „Прометей. Битва титанов” (1974): синтез мифического и реалистического. Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 4 (46): в 2-х ч. Ч. I. С. 134-138.
2. Овчарова С. В. Скворцова М. Л. Отчуждение личности в романе Ф. Фюмана „Прометей. Битва титанов”: цель, средства и пути преодоления // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2016. № 7-2 (61): в 2-х ч. Ч. II. С. 25-29.
3. Овчарова С. В., Хасенова А. А., Жусупов А. Р. Проблема внутриязыковой и межъязыковой интерференции в преподавании немецкого языка как иностранного // Гуманитарные научные исследования. 2017. № 1 [Электронный ресурс]. URL: <http://human.snauka.ru/2017/01/19035> (дата обращения: 02.02.2017)

alexis-1@yandex.ru

Мусийчук Мария Владимировна,

доктор философских наук, профессор кафедры психологии института гуманитарного образования МГТУ им. Г.И. Носова. Родилась в Магнитогорске Челябинской области России в 1957 г. Основные научные интересы: философия, психология комического и юмора, развитие креативности, инновационные процессы, психология и педагогика высшей школы. Основные научные публикации.

Автор 4 монографий: Когнитивные механизмы юмора. Магнитогорск, 2010.

Развитие креативности или Дюжина приемов остроумия. Магнитогорск, 2008.

Юмор как основа развития интеллектуальной активности. Магнитогорск: МаГУ, 2005.

Психолого-педагогические проблемы юмора. Магнитогорск: МаГУ, 2004.
Учебные пособия:

Развитие психологических знаний в рамках учения о душе. Античность – Возрождение: практикум. Магнитогорск, 2010.

Методологические основы психологии. Учебные пособия. Магнитогорск: МаГУ. 2010. Психология креативности. Магнитогорск, 2005.

Полифункциональность юмора как основа развития интеллектуальной активности. Тексты лекций. Магнитогорск, 2005.

Философские и психолого-педагогические подходы к природе и сущности понятия „юмор”. Тексты лекций. Магнитогорск, 2005.

История психологических представлений в учениях о душе. Античность – Возрождение. Магнитогорск, 2004.

Развитие творческого воображения, или „Дюжина приемов остроумия и кое-что в придачу”. Магнитогорск: изд-во Магнитогорского гос. университета, 2003.

Практикум по курсу „История психологии”. Магнитогорск, 2002.

Дюжина приемов остроумия и кое-что в придачу (учебно-методическая разработка). Магнитогорск, 1998.

Игры, тесты, упражнения от госпожи инерции мышления (учебно-методическая разработка). Магнитогорск, 2000.

mv-mus@mail.ru

Мусийчук Сергей Васильевич

Родился в 1978 г. в г. Магнитогорск Челябинской области России. Доцент кафедры государственного и муниципального управления и управления персоналом, Институт экономики и управления МГТУ им. Г.И. Носова. Основные научные интересы: психология управления, теория управления, деловые коммуникации, управление персоналом, Этика государственной и муниципальной службы. Основные труды: Монография - Общественное мнение в информационном обществе: философский анализ онтологических оснований / Saarbrücken, Germany, LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH & Co. KG. 2012. 162 с.

Статьи: Логика и интуиция в познании и первичность всеобщего закона по Б.Н. Чичерину // Б. Н. Чичерин и традиции философской и социально-политической мысли в России: материалы Международной научной конференции. Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2013. 520 с.

Интуиция как проблема синтеза концепций: рациональное и иррациональное в познании Общество: философия, история, культура: Выпуск № 1 2014. Изд „Хорс”. 2014. С. 17-24.

Issues and Prospects of Cloud Technology Application in Electronic Archiving (WEB OF SCIENCE) Information Technologies in Science, Management, Social Sphere and Medicine (ITSMSSM 2016 (Maria Musiychuk, Aleksandra Makarova)

Учебное пособие: Организационное поведение / учеб. пособие / Магнитогорск: Изд-во Магнитогорск. гос техн. ун-та им Г.И. Носова, 2015. 226 с.

sv-mus@mail.ru

Полякова Лилия Сергеевна,

кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков по техническим направлениям Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова. Образование: Магнитогорский ордена „Знак Почета” государственный педагогический институт по специальности „Иностранные языки”. Общий стаж работы: 10 лет. Преподаваемые дисциплины: „Иностранный язык”, „Иностранный язык в профессиональной деятель-

ности”, „Деловой иностранный язык”. Всего более 40 научных и учебно-методических работ, 1 монография.

1. Полякова, Л. С. Innovations in fuel production: Bio-ethanol [Текст]/ Л. С. Полякова А. Д. Пенькова // Сб. науч. тр. „Языки профессиональной коммуникации”. Вып. 2. Магнитогорск: Изд-во „МГТУ», 2014. С. 48-51;
2. Полякова, Л. С. Дискурс как предмет лингвистических исследований: к истории вопроса [Текст]/ Л.С. Полякова // Сб. материалов XI Международной научно-практической конференции „Язык и культура”. – Новосибирск: Изд-во ЦРНС, 2014. С. 146 – 151;
3. Полякова, Л. С. Гендерная тактика „отзеркаливание” в политической коммуникации (на примере выступлений англоязычных и русскоязычных политических деятелей) [Текст]/ Л.С. Полякова // «Политическая коммуникация: перспективы развития научного направления”: материалы Международной научной конференции. – Екатеринбург: ФГБОУ ВПО „Уральский государственный педагогический университет”, 2014. С.193-197;
4. Полякова, Л. С. Стереотип „семья” в выступлениях российских и американских политиков сквозь призму лингвокультуры [Текст]/ Л.С. Полякова // „Речевая коммуникация в современной России”: материалы III Международной конференции: в 2 томах. Омск: Изд-во „ОГУ им. Ф.М. Достоевского”, 2013. С.353-360

ilitmgn@mail.ru

Потёмкина Марина Николаевна

Родилась в 1959 г. в г. Златоуст, Челябинской области, РФ. Место работы: ФГБОУ ВО „Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова” г. Магнитогорск, РФ. Должность: заведующая кафедрой всеобщей истории МГТУ им. Г.И. Носова. Научная степень: доктор исторических наук. Ученое звание: профессор Является автором 160 публикаций, в том числе монографии „Эваконаселение в уральском тылу 1941 – 1948 гг.” (Магнитогорск, 2006); „Выковыренные”: личностное восприятие эвакуации в годы Великой Отечественной войны” (Магнитогорск, 2016); учебного пособия „Теория и методология истории” (Москва: РИОР: ИНФРА-М, 2015); статей, опубликованных в российских журналах: „Образ СССР в канадской прессе 1945-1946 гг.”, „Трудности адаптации беженцев-евреев в тыловых регионах СССР в условиях Великой Отечественной войны”, „Дорога в эвакуацию: опыт реконструкции железнодорожных перевозок населения в условиях Великой Отечественной войны”, „Конфликтные зоны эвакуации в СССР и способы их преодоления (1941–1945 гг.)”, Реэвакуация населения СССР в 1943-1947 гг.: социальный и психологический аспекты” и др.

mpotemkina@mail.ru,

Рудакова Светлана Викторовна

Родилась в 1970 г.в Магнитогорске, РФ. В 1997 г. успешно закончила очную аспирантуру и защитила кандидатскую диссертацию в МПГУ им. В.И. Ленина в г. Москва. В 2014 г. по окончании очной докторантуры защитила докторскую

диссертацию „Системность художественного мышления Е. А. Боратынского – лирика” в ФГБОУ ВПО „Уральский государственный педагогический университет”, г. Екатеринбург. В настоящий момент является профессором кафедры языкознания и литературоведения института гуманитарного образования Магнитогорского государственного университета им. Г. И. Носова. Основные научные интересы: поэтика лирических произведений; поэтический мир; творчество поэтов XIX в., лирика Е. А. Боратынского. Является автором более 100 публикаций, в том числе 4 монографий, „Книга стихов „Сумерки” Е. А. Боратынского как лирическое единство” (2011), „Основные образно-семантические категории поэтического мира Е. А. Боратынского” и др.
rudakovamasu@mail.ru

Савельев Константин Николаевич

Родился в 02.04.1965 в Магнитогорске Челябинской области России. Специалист в области изучения английского декаданса второй половины XIX века, доктор филологических наук (2008), профессор кафедры языкознания и литературоведения. С 2005 года входит в состав авторского коллектива „Новой Российской Энциклопедии” (было опубликовано порядка 30 авторских статей). С 1992 г. член Европейской ассоциации литературоведов-англистов и Российской ассоциации преподавателей английской литературы. Получал гранты РГНФ (Российский Гуманитарный Научный Фонд), в 2008 на написание и издание монографии „Исторические портреты английского декаданса”; в 2011 - „Томас Де Квинси в поисках „искусственного рая”. Основные публикации:

1. Литература английского декаданса: истоки, генезис, становление. Монография. Магнитогорск: Магу, 2007. 344 с.
2. Исторические портреты английского декаданса. Монография. Магнитогорск, 2008. 253 с.
3. Томас Де Квинси в поисках „искусственного рая”. Монография. Магнитогорск, 2011. 180 с.
4. Психоделический комментарий Томаса Де Квинси „*Suspiria de Profundis*”: путешествие в страну снов. Филологические науки. 2006. № 4. С. 40-49.
5. Коллинз (статья). Новая Российская Энциклопедия : В 12 т. / Редколл. А. Д. Некипелов, В. И. Данилов-Даниэлян. Т.8 (2) : Когезия - Костариканцы. М.: ООО „Издательство „Энциклопедия”; ИД „ИНФРА - М”, 2011. С.88;
6. Уайльд Оскар (статья) Новая Российская Энциклопедия : В 12 т. / Гл. ред. В. И. Данилов-Даниэлян, А. Д. Некипелов. Т. 16. Ч. 2. Токоферолы — Ульские. М.: ООО „Издательство „Энциклопедия”; Науч. Изд. Центр „ИНФРА - М”, 2016. С. 361– 362;
7. Декаданс (научная статья). Знание. Понимание. Умение. 2013. №1. С.286-287.

savakos@mail.ru

Скворцова Мария Львовна

Родилась в 1973 году в г. Магнитогорске. Кандидат филологических наук, доцент кафедры языкознания и литературоведения института гуманитарного

образования Магнитогорского государственного университета им. Г.И.Носова. Сфера профессиональных и научных интересов: преподавание и изучение иностранных языков и культур, теории и практики коммуникаций, культуры массовых коммуникаций, теории и практики межкультурных коммуникаций, истории европейской литературы и театра. Последние публикации:

1. Андрушина А. И., Скворцова М. Л. Коммуникативные особенности вербального компонента рекламного текста // Современное научное знание: теория, методология и практика. Сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции: в 3-х частях. ООО „Новаленсо”. 2016.
2. Овчарова С. В. Скворцова М. Л. Отчуждение личности в романе Ф. Фюмана „Прометей. Битва титанов”: цель, средства и пути преодоления // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2016. № 7-2 (61): в 2-х ч. Ч. II. С. 25-29.
3. Колесникова О. Ю., Скворцова М. Л. Особенности функционирования мотива „порок” в античной комедии // НАУКА ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА Сборник статей студентов, аспирантов, молодых ученых и преподавателей. Уфа, 2015
4. Колесникова О. Ю., Скворцова М. Л., Харитоновна С. В. У истоков бургерской культуры: моралистические еженедельники И. К. Готшеда // Проблемы истории, философии, культуры. 2015. № 4(50)

mskvor@mail.ru

Солдатченко Александр Леонидович

Родился 19 ноября 1973 в г. Магнитогорске Челябинской области. Кандидат педагогических наук, доцент кафедры языкознания и литературоведения, Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова. Область научных интересов: социализация личности, коммуникация. Основные научные труды:

1. Солдатченко А. Л. Методологические подходы к пониманию феномена „социальная зрелость личности” (глава в коллективной монографии) // Савва Л. И. Социализация студентов в профессиональном образовании: монография / Л. И. Савва, А. Л. Солдатченко, Е. Б. Плотникова, Е. И. Рабина, Л. С. Рязанова; под общ. ред. Л. И. Савва. М.: Издательский дом Академии Естествознания, 2012. С. 72-116.
2. Солдатченко А. Л. Социальная зрелость личности студента вуза (глава в коллективной монографии) // Профессионально-личностное становление студента вуза: коллективная монография / Веденеев И. А., Веденева О. А., Рабина Е. И., Савва Л. И., Сайгушев Н. Я., Солдатченко А. Л., Царан А. А.; под. ред. Л. И. Савва. Уфа: РИО „Аэтерна”, 2015. С. 211-267.
3. Солдатченко А. Л., Царан А. А. Нравственный аспект социальной зрелости студентов вуза: монография / А. Л. Солдатченко, А. А. Царан. Магнитогорск: Изд-во Магнитогорск. гос. техн. ун-та им. Г. И. Носова, 2015. 86 с.

cafol@mail.ru

Цуркан Вероника Валентиновна

Родилась 28 февраля 1962 года в г. Магнитогорске. В 1992-1995 гг. обучалась в аспирантуре при кафедре русской литературы XX века в Московском государственном педагогическом университете, где в 1995 году защитила кандидатскую диссертацию „Брюсовская концепция творчества А.С. Пушкина”. Кандидат филологических наук, доцент кафедры языкознания и литературоведения МГТУ им. Г.И. Носова. Область научных интересов – литературная критика Серебряного века, художественная концептосфера русской литературы XX века. Основные научные публикации:

Концепт „Детство” в раннем творчестве А. Битова // Проблемы истории, филологии, культуры. №3(33). Москва–Магнитогорск–Новосибирск, 2011. С. 731-734;

Совместно с: Васильева Т.И., Карпичева Н.Л., Антология художественных концептов русской литературы XX века. Москва: Флинта, 2013;

Особенности репрезентации концепта „город” в прозе Ю. Трифонова и А. Битова. // Филологические науки. Вопросы теории и практики. №1 (19). Тамбов, 2013;

Историософия дачного текста Саши Соколова // Русскоязычные писатели в современном мире. Вена–Берлин: Венский литератор, 2014;

Концепт „Круг” в прозе А. Битова (материалы для антологии концептов литературы второй половины XX в.) // Проблемы истории, филологии, культуры. 2014. Вып.3 (45). С. 359-361;

Корреляция „городского” и „дачного” текстов в русской литературе последней трети XX века// Проблемы истории, филологии, культуры. 2015. Вып.4 (50). С. 263-267;

Г. Адамович о художниках „серебряного века” // LIBRI MAGISTRI. 2015. Вып.2. С. 110-114;

Русская поэзия в контексте мировой культуры. Корреляция концептов „Война”, „Детство”, „Память” в творчестве А. Битова // „Горячий снег” фронтовых дорог: вторая мировая война в литературе и искусстве, Материалы V Международных научных чтений „Калуга на литературной карте России”. Калуга: ИП Стрельцов И.А. (Изд-во „Эйдос”), 2016.
veravts2013@yandex.ru

Харитоновна Светлана Викторовна

Родилась 16 января 1973 г. в г. Магнитогорске. Работает в должности доцента на кафедре языкознания и литературоведения Института гуманитарного образования МГТУ им. Г.И. Носова. Основные научные интересы: компетентность и культурологический подход в обучении иностранным языкам, взаимодействие культур, обучение русскому языку как иностранному. Является автором нескольких работ:

- 1) Основы теории педагогического содействия развитию культурологической компетенции студентов университета в условиях модернизации российского образования (монография).
- 2) Вербализация тактики солидаризации в аспекте самопрезентации публичной персоны в „звездном” интервью (статья).

- 3) Стратегии коммуникативного поведения в межкультурном деловом общении (статья).
- 4) Важность культурологического компонента при изучении иностранного языка в университете (статья).
- 5) Инновационные технологии обучения русскому языку как иностранному (статья).
- 6) Развитие культурологической компетенции студентов университета на основе информационных технологий (статья).

kirhel73@yandex.ru

Черемисин Антон Леонидович

Родился 28 июля 1992 г. в г. Магнитогорск. Место учёбы: МГТУ им. Носова, аспирант кафедры всеобщей истории. Область научных интересов: археология, история Древнего мира: Боспорское царство в I-IV вв. н.э. Основные публикации:

Черемисин А.Л. Борьба Боспора с варварскими племенами в I-III вв. н.э. по данным нумизматики и эпиграфики // Новое слово в науке и практике: гипотезы и апробация результатов исследований: сборник материалов XIX Международной научно-практической конференции / Под общ. ред. С.С. Чернова. – Новосибирск: Изд-во ЦРНС, 2015, с. 24-28

Черемисин А.Л. Особенности взаимовлияния греческой и варварской культур в ходе колонизации Боспора // Новое слово в науке и практике: гипотезы и апробация результатов исследований: сборник материалов XX Международной научно-практической конференции / Под общ. ред. С.С. Чернова. – Новосибирск: Изд-во ЦРНС, 2015, с. 28-33.

Черемисин А.Л. Между Римом и Митридатом VIII: мир племен Таврии и Меотиды в римско-боспорской войне 45-49 гг. н.э. // Студент и наука (гуманитарный цикл) – 2016: материалы всероссийской студенческой научно-практической конференции: [Электронный ресурс]: научное издание / гл. ред. Надежда Николаевна Макарова, 2016, с. 85-88.

Черемисин А.Л. Котис I и Рим по данным нумизматики и эпиграфики // Новое слово в науке и практике: гипотезы и апробация результатов исследований: сборник материалов XX Международной научно-практической конференции / Под общ. ред. С.С. Чернова. Новосибирск: Изд-во ЦРНС, 2016, с. 72-76.

acheremisin205@gmail.com

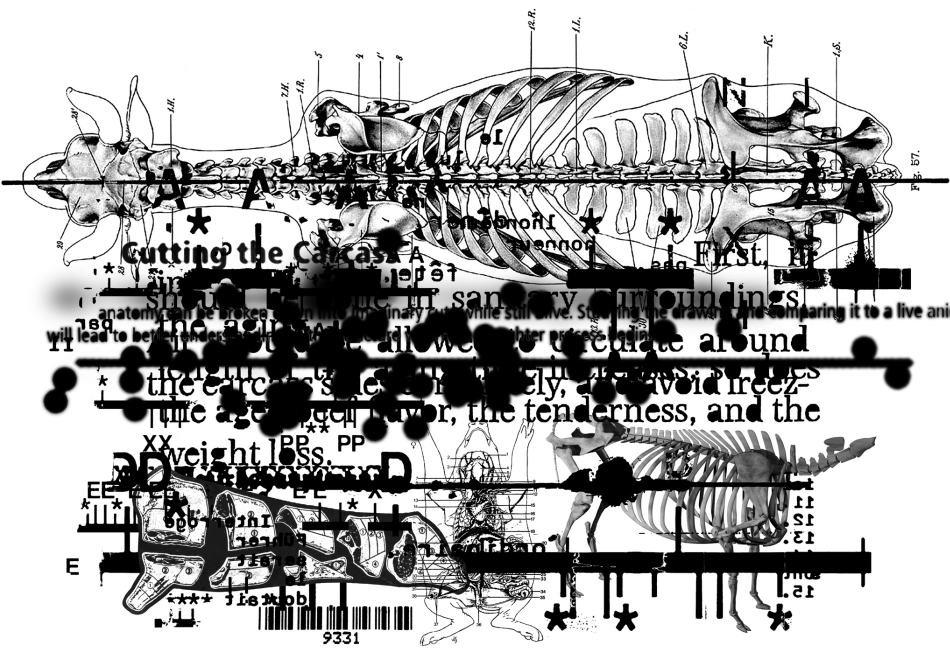
Чернобровкин Владимир Александрович

Родился 1963 в г. Магнитогорске. Образование: Уфимский государственный институт искусств, 1989; Аспирантура при РГПУ им. А.И. Герцена (г. Санкт-Петербург), 1998. С 1990 по 2010 гг. ассистент – ст. преподаватель – доцент кафедры эстетики, этики и художественной культуры Магнитогорского государственного университета (до объединения с Магнитогорским государственным техническим университетом им. Г.И. Носова). С 2010 г. – заведующий кафедрой сервиса и туризма. С февраля 2013 г по февраль 2014 г – проректор по заочному обучению, региональным связям и развитию университетско-

го комплекса МаГУ. С сентября 2015 г. – доцент кафедры всеобщей истории ФГБОУ ВПО МГТУ. С сентября 2016 г. – зав. кафедрой дошкольного образования ФГБОУ ВО „МГТУ им. Г.И. Носова”. Преподаваемые дисциплины: Этнокультурный туризм, Культурология, Этика и эстетика, Межкультурная коммуникация, Теории и технологии развития детей дошкольного возраста в изобразительной деятельности, Практикум по образовательной области „Художественно-эстетическое развитие”, Теории и технологии музыкального развития детей дошкольного возраста. Степень, звание: кандидат философских наук, доцент. Автор многочисленных публикаций, в том числе „Current state and development trends of excursion tourism in south ural region of the chelyabinsk region”.
elrgal@yandex.ru

Шулежкова Светлана Григорьевна

Родилась 01.09.1940, г. Киев, Украинской ССР. Доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, общего языкознания и массовой коммуникации Института Гуманитарного образования МГТУ им. Г.И. Носова, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, член Фразеологической комиссии при Международном Комитете славистов, член РОПРЯЛ; руководитель Научно-исследовательской словарной лаборатории Института исторической антропологии и филологии. Автор более 400 публикаций. Вырастила 16 кандидатов филологических наук. Проблематика исследований – историческая фразеология, славистика, крылатология, политическая лингвистика, лексикография, общая теория языка. Автор нескольких монографий (по крылатологии, по библеизмам, по языку старообрядцев), словарей крылатых слов и выражений, фразеологического словаря старославянского языка; учебных пособий по старославянскому языку, по истории лингвистических учений; участница многочисленных международных конференций и ряда конгрессов.
shulezkova@gmail.com

УПУТСТВО АУТОРИМА ЗА ПРИПРЕМУ РУКОПИСА ЗА ШТАМПУ

1. Радови треба да буду достављени електронски, у прилогу (Word, **пожељно у формату .rtf**, могуће и у формату .doc и, ако користите Word 2010 или новији (не 2007) формату .docx), на електронску адресу редакције *Наслеђа*: nasledje@kg.ac.rs, **заједно са потписаном Изјавом аутора у PDF формату**.
Изјава аутора је гаранција поштовања **обавезе према научним и етичким принципима и правилима**, у складу са међународним стандардима. Радови достављени уредништву ради објављивања у часопису *Наслеђе* морају представљати **резултат сопствених истраживања** и не смеју кршити ауторска права или права било које треће стране. У радовима се морају поштовати сва правила цитирања и референцирања извора и секундарне литературе (**не сме бити плагијаризма** у било ком облику). Радови **не смеју бити претходно објављени** у било којој другој публикацији под било којим другим насловом, нити у сличном нити у мало измењеном облику, те не смеју бити претходно објављени на неком другом језику. Радови **не смеју бити предати ради објављивања било којој другој публикацији** у земљи или иностранству док уредништво часописа *Наслеђе* не извести аутора/е о крајњој одлуци о публиковању рада.
2. **Дужина рукописа**: до 15 страница (28.000 карактера, не рачунајући размаке).
3. **Формат**: *фонџ*: Times New Roman; *величина фонџа*: 12; *размак између редова*: Before: 0; After: 0; Line spacing: Single.
4. **Параграфи**: *формат*: Normal; *први ред*: увучен аутоматски (Col 1).
5. **Име аутора**: Наводе се име(на) аутора, средње слово (препоручујемо) и презиме(на). Име и презиме домаћих аутора увек се исписује у оригиналном облику (ако се пише латиницом – са српским дијакритичким знаковима), независно од језика рада.
6. **Назив установе аутора (афилијација)**: Непосредно након имена и презимена наводи се пун (званични) назив и седиште установе у којој је аутор запослен, а евентуално и назив установе у којој је аутор обавио истраживање. У сложеним организацијама наводи се укупна хијерархија (од пуног регистрованог назива до унутрашње организационе јединице – универзитет, факултет, центар / одсек / катедра). Ако је аутора више, а неки потичу из исте установе, мора се, посебним ознакама или на други начин, назначити из које од наведених усанова потиче сваки од аутора. Функција и звање аутора се не наводе.
7. **Контакт подаци**: Адресу или електронску адресу аутор ставља у напомену при дну прве странице чланка. Ако је аутора више, даје се само адреса једног, обично првог.
8. **Језик рада и писмо**: Језик рада може бити енглески, српски, руски, немачки, француски или неки други европски, светски или словенски језик, ра-

ширене употребе у међународној филолошкој комуникацији. Ипак, **радови из англофоне филологије морају бити на енглеском језику**. Писмо на којем се штампају радови на српском језику јесте ћирилица.

9. **Наслов:** Наслов треба да буде на језику рада; треба га поставити центрирано и написати великим словима.
10. **Апстракт:** Апстракт треба да садржи циљ истраживања, методе, резултате и закључак. Треба да има од 100 до 250 речи и да стоји између заглавља (наслов, имена аутора и др.) и кључних речи, након којих следи текст чланка. Апстракт је на српском или на језику чланка. [Техничке пропозиције за уређење: формат – фонт: Times New Roman, Normal; величина фонта: 10; размак између редова – *Before*: 0; *After*: 0; *Line spacing*: Single; први ред – увучен аутоматски (Col 1).]
11. **Кључне речи:** Број кључних речи не може бити већи од 10. Кључне речи дају се на оном језику на којем је написан апстракт. У чланку се дају непосредно након апстракта. [Техничке пропозиције за уређење: формат – фонт: Times New Roman, Normal; величина фонта: 10; први ред – увучен аутоматски (Col 1).]
12. **Претходне верзије рада:** Ако је чланак био изложен на скупу у виду усменог саопштења (под истим или сличним насловом), податак о томе треба да буде наведен у посебној напомени, при дну прве стране чланка. Не може се објавити рад који је већ објављен у неком часопису: ни под сличним насловом нити у измењеном облику.
13. **Навођење (цитирање) у тексту:** Начин позивања на изворе у оквиру чланка мора бити консеквентан од почетка до краја текста. **Захтева се следећи систем цитирања:**
... (Ivić 2001: 56–63)..., / (в. Ivić 2001: 56–63)..., / (уп. Ivić 2001: 56–63)... / М. Ивић (2001: 56–63) сматра да...[наводнике и полунаводнике обележавати на следећи начин: „” / ‘’]
14. **Напомене (фусноте):** Напомене се дају при дну стране у којој се налази коментарисани део текста. Могу садржати мање важне детаље, допунска објашњења, назнаке о коришћеним изворима итд., али **не могу бити замена за листу референци** (види под 16), **нити могу заменити горе захтевани начин навођења (цитирања) у тексту** (види под 13). [Техничке пропозиције за уређење: формат – Footnote Text; први ред – увучен аутоматски (Col 1); величина фонта – 10; нумерација – арапске цифре.]
15. **Табеларни и графички прикази:** Табеларни и графички прикази треба да буду дати на једнообразан начин, у складу с лингвистичким стандардом опремања текста.
16. **Листа референци (литература):** Цитирана литература обухвата по правилу библиографске изворе (чланке, монографије и сл.) и даје се искључиво у засебном одељку чланка, у виду листе референци. Литература се наводи на крају рада, пре резимеа. **Референце се наводе латиницом** и исписују на

доследан начин, абecedним редоследом. Референце изворно публиковане ћирилицом или неким другим писмом могу се (иако то није неопходно и није препоручљиво) након обавезног латиничног облика (у који се такве референце морају транслитеровати), према у даљем тексту наведеним примерима, са назнаком [orig.], навести у свом оригиналном облику.

Ако се више библиографских јединица односе на истог аутора, оне се хронолошки постављају. **Референце се не преводе на језик рада.** Саставни делови референци (ауторска имена, наслов рада, извор итд.) наводе се на следећи начин:

[за књигу]

Jakobson 1978: R. Jakobson, *Ogledi iz poetike*, Beograd: Prosveta. [orig.] Јакобсон 1978: Р. Јакобсон, *Огледи из поезије*, Београд: Просвета.

[за чланак]

Radović 2007: B. Radović, *Putevi opere danas*, Kragujevac: *Nasleđe*, 7, Kragujevac, 9–21. [orig.] Радовић 2007: Б. Радовић, *Путеви опере данас*, Крагујевац: *Наслеђе*, 7, Крагујевац, 9–21.

[ЗА ПРИЛОГ У ЗБОРНИКУ]

Radović-Tešić 2009: M. Radović-Tešić, *Korpus srpskog jezika u kontekstu savremenih jezičkih razdvajanja*, u: M. Kovačević (red.), *Srpski jezik, književnost, umetnost*, knj. I, *Srpski jezik u upotrebi*, Kragujevac: Filološko-umetnički fakultet, 277–288. [orig.] Радовић-Тешић 2009: М. Радовић-Тешић, *Корпус српског језика у контексту савремених језичких раздвајања*, у: М. Ковачевић (ред.), *Српски језик, књижевност, уметност*, књ. I, *Српски језик у употреби*, Крагујевац: Филолошко-уметнички факултет, 277–288.

[за радове штампане латиницом]

Biti 1997: V. Biti, *Pojmovnik suvremene književne teorije*, Zagreb: Matica hrvatska.

[за радове на страном језику – латиницом]

Lajons 1970: J. Lyons, *Semantics I/II*, Cambridge: Cambridge University Press.

[за радове на страном језику – ћирилицом]

Plotnjikova 2000: A. A. Plotnikova, *Словари и народная культура*, Москва: Институт славяноведения РАН.

Радове истог аутора објављене исте године диференцирати додајући *a*, *b*, *c* или *a*, *b*, *v*, нпр.: *2007a*, *2007b* или *2009a*, *2009b*.

Ако има два аутора, навести оба презимена, нпр.: *Simić, Ostojić*; ако их има више: после првог презимена (а пре године) додати *et al* или *qr*.

Ако није прво издање, ставити суперскрипт испред године, нпр.:

Lič²1981: G. Leech, *Semantics*, Harmondsworth etc.: Pinguin Books.

[Техничке пропозиције за уређење: формат – фонт: Times New Roman,

Normal; величина фонта: 11; размак између редова – *Before: 0; After: 0; Line spacing: Single*; први ред: куцати од почетка, а остале увући аутоматски (Col 1: опција Hanging, са менија Format)]

Поступак цитирања докумената преузетих са Интернета:

[монографска публикација доступна on-line]

Презиме, име аутора. *Наслов књиџе*. «адреса са интернета». Датум преузимања.

Нпр.: Veltman, K. H. *Augmented Books, knowledge and culture*. <<http://www.isoc.org/inet2000/cdproceedings/6d.>>. 02.02.2002.

[прилог у серијској публикацији доступан on-line]

Презиме, име аутора. Наслов текста. *Наслов периодичне публикације*, датум периодичне публикације. Име базе података. Датум преузимања.

Нпр.: Du Toit, A. Teaching Info-preneurship: student's perspective. *ASLIB Proceedings*, February 2000. Proquest. 21.02.2000.

[прилог у енциклопедији доступан on-line]

Име одреднице. *Наслов енциклопедије*. «адреса са интернета». Датум преузимања.

Нпр.: Tesla, Nikola. *Encyclopedia Britannica*. <<http://www.britannica.com/EBchecked/topic/588597/Nikola-Tesla>>, 29. 3. 2010.

17. **Резиме:** Резиме рада јесте у ствари апстракт или проширени апстракт **на енглеском језику** (искључиво на енглеском). Ако је језик рада енглески, онда је резиме обавезно на српском или неком од словенских или светских језика (осим енглеског). Резиме се даје на крају чланка, након одељка *Листа референци (литература)*. Превод кључних речи на језик резимеа долази после резимеа. [Техничке пропозиције за уређење: формат – фонт: Times New Roman, Normal; величина фонта: 11; размак између редова – *Before: 0; After: 0; Line spacing: Single*; први ред – увучен аутоматски (Col 1).]
18. **Биографија:** У биографији, коју треба слати као засебан фајл (Word, формати .doc или .docx), која не треба да прелази 250 речи, навести основне податке о аутору текста (година и место рођења, институција у којој је запослен, области интересовања, референце публикованих књига).

Уредништво
Наслеђа

Уредништво / Editorial Board

Др Драган Бошковић, редовни професор / Dragan Bošković, PhD, Full Professor
Главни и одговорни уредник / Editor in Chief

Др Никола Бубања, ванредни професор / Nikola Bujanja, PhD, Associate Professor
Оперативни уредник / Managing editor

Др Ала Татаренко, редовни професор, Филолошки факултет Универзитета „Иван Франко“, Лавов, Украјина	Ala Tatarenko, PhD, Full Professor, Faculty of Philology, "Ivan Franko" National University of Lviv, Ukraine
Др Александар Јерков, редовни професор, Филолошки факултет у Београду	Aleksandar Jerkov, PhD, Full Professor, Faculty of Philology, Belgrade
Др Анђелка Пејовић, редовни професор, Филолошки факултет у Београду	Anđelka Pejović, PhD, Full Professor, Faculty of Philology, Belgrade
Др Богуслав Зиелински, редовни професор, Институт за словенску и класичну филологију, Универзитет „Адам Мицкјевич“, Познањ, Пољска	Bogusław Zieliński, PhD, Full Professor, Institute of Slavonic and Classical Philology, Adam Mickiewicz University, Poznan, Poland
Др Димка Савова, редовни професор, Факултет за словенску филологију, Софија, Бугарска	Dimka Savova, PhD, Full Professor, Faculty of Slavic Studies, Sofia, Bulgaria
Др Јелица Стојановић, редовни професор, Филозофски факултет, Никшић, Црна Гора	Jelica Stojanović, PhD, Full Professor, Faculty of Philosophy, Nikšić, Montenegro
Др Михај Радан, редовни професор, Факултет за историју, филологију и теологију, Тимишвар, Румунија	Mihaj Radan, PhD, Full Professor, Faculty of Letters, History and Theology, Timisoara, Romania
Др Персида Лазаревић ди Ђакомо, редовни професор, Универзитет „Г. д Анунцио“, Пескара, Италија	Persida Lazarević di Đakomo, PhD, Full Professor, The G. d'Annunzio University, Pescara, Italia
Бојан Оташевић, ванредни професор, Филолошко-уметнички факултет у Крагујевцу	Bojan Otašević, Associate Professor, Faculty of Philology and Arts, Kragujevac
Др Душан Живковић, ванредни професор, Филолошко-уметнички факултет у Крагујевцу	Dušan Živković, PhD, Associate Professor, Faculty of Philology and Arts, Kragujevac
Др Juan Ruez Padilla, ванредни професор, Универзитет у Хаену, Шпанија	Juan Ruez Padilla, PhD, Associate Professor, University of Jaen, Spain
Др Катарина Мелић, ванредни професор, Филолошко-уметнички факултет у Крагујевцу	Katarina Melić, PhD, Associate Professor, Faculty of Philology and Arts, Kragujevac
Др Maria Luisa Pérez Cañado, ванредни професор, Универзитет у Хаену, Шпанија	Maria Luisa Pérez Cañado, PhD, Associate Professor, University of Jaen, Spain
Др Марија Ћирић, ванредни професор, Филолошко-уметнички факултет у Крагујевцу	Marija Ćirić, PhD, Associate Professor, Faculty of Philology and Arts, Kragujevac
Др Данијела Јањић, доцент, Филолошко-уметнички факултет у Крагујевцу	Danijela Janjić, PhD, Assistant Professor, Faculty of Philology and Arts, Kragujevac
Др Дејан Каравесовић, доцент, Филолошко-уметнички факултет у Крагујевцу	Dejan Karavesović, PhD, Assistant Professor, Faculty of Philology and Arts, Kragujevac
Др Јелена Петковић, доцент, Филолошко-уметнички факултет у Крагујевцу	Jelena Petković, PhD, Assistant Professor, Faculty of Philology and Arts, Kragujevac
Др Марија Лојаница, доцент, Филолошко-уметнички факултет у Крагујевцу	Marija Lojanica, PhD, Assistant Professor, Faculty of Philology and Arts, Kragujevac
Др Марина Петровић Јилих, доцент, Филолошко-уметнички факултет у Крагујевцу	Marina Petrović Jilih, PhD, Assistant Professor, Faculty of Philology and Arts, Kragujevac

Секретар уредништва / Editorial assistant

Јелица Вељовић / Jelica Veljović

Преводац и лектор (енглески) / Translator and proofreader (English)

Александар Радовановић / Aleksandar Radovanović

Лектор / Proofreader

Александра Матић / Aleksandra Matić

Ликовно-графичка опрема / Artistic and graphic design

Слободан Штетић / Slobodan Štetić

Технички уредник / Technical editor

Стефан Секулић / Stefan Sekulić

Издавач / Publisher

Филолошко-уметнички факултет, Крагујевац / Faculty of Philology and Arts Kragujevac

За издавача / Published by

Радомир Томић / Radomir Tomić

Декан / Dean

Адреса / Address

Јована Цвијића б.б, 34000 Крагујевац / Jovana Cvijića b.b, 34000 Kragujevac

тел/phone (+381) 034/304-277

e-mail: nasledje@kg.ac.rs

www.filum.kg.ac.rs/Филум/Издавачка делатност

Жиро рачун (динарски)

840-1446666-07, партија 97

Сврха уплате: Часопис „Наслеђе”

Штампа / Print

Занатска задруга „Универзал” Чачак / Zanatska zadruga „Univerzal“ Čačak

Тираж / Impression

150 примерака / 150 copies

Наслеђе излази три пута годишње / *Nasleđe* comes out three times annually

Publication of the Journal has been sponsored by the Ministry of Education, Science and Technological Development of the Republic of Serbia.

CIP – Каталогизација у публикацији
Народна библиотека Србије, Београд

82

НАСЛЕЂЕ : часопис за књижевност, језик, уметност и културу = journal of Language, Literature, Art and Culture / главни и одговорни уредник Драган Бошковић. - Год. 1, бр. 1 (2004)- . - Крагујевац (Јована Цвијића бб) : Филолошко-уметнички факултет, 2004- (Чачак : Универзал). - 24 cm

Три пута годишње
ISSN 1820-1768 = Наслеђе (Крагујевац)
COBISS.SR-ID 115085068